

ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ ИЗРАИЛЯ
И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

**БЛИЖНИЙ ВОСТОК
И
СОВРЕМЕННОСТЬ**

выпуск второй

МОСКВА 1996

Ближний Восток и современность

ISBN 5–89394–003–2

© Институт изучения Израиля и Ближнего Востока

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АРАБСКИМИ СТРАНАМИ ДОХОДОВ ОТ НЕФТИ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НУЖДЫ

На сегодняшний день насчитывается 17 арабских стран, в которых обнаружены и разрабатываются коммерческие месторождения нефти. Поэтому можно с уверенностью сказать, что нефть определяла, определяет и будет определять дальнейшие судьбы всего арабского региона, во всяком случае, до тех пор, пока не будут найдены и внедрены какие-либо альтернативные источники

Некоторые аспекты схемы использования доходов от нефти арабскими странами, невзирая на их различную социально-политическую окраску, проводимый внешнеполитический курс, размеры запасов жидкого топлива и т.п., довольно просты и хорошо знакомы любому россиянину, хотя бы часть своей сознательной жизни прожившему в условиях советской экономики. В частности, нефть во всех арабских странах законодательно объявлена национальным достоянием и принадлежит государству в лице госсектора, который через бюджет перераспределяет доходы от ее продажи на все остальные нужды. Понятно, что это перераспределение осуществляется с помощью планов и программ социально-экономического развития, которые готовятся министерствами планирования, также существующими в этих арабских странах. Эти программы развития составляются на срок от 1 года до 5 лет, подвергаются в ходе выполнения корректировкам, но не являются, как в бывшем СССР, законами, а только ориентирами для деятельности различных министерств и ведомств, осуществляющих различного рода проекты.

Корректировки связаны, как правило, с конъюнктурой мирового рынка жидкого топлива. Например, "обвал цен" на этом рынке середины 80-х годов заставил все нефтеэкспортирующие арабские страны пересмотреть свои планы и программы развития, "заморозить" ряд крупных строек, ограничить импорт и т.п. Но, и это весьма характерно, социальные программы развития практически нигде (кроме Алжира, который до сих пор за это расплачивается всплес-

ками фундаментализма) серьезным корректировкам не подвергались. Замечу также, что в ряде случаев бывает довольно трудно провести четкую грань между средствами, идущими на социальные нужды, и другими источниками госдоходов, которые также используются для выполнения социальных программ. Наиболее четко использование доходов от нефти выражено в Кувейте.

Кувейт, как и другие арабские страны, для исполнения социальных и иных программ развития использует бюджет, около 90% доходной части которого составляют поступления от экспорта жидкого топлива. В доходную часть бюджета включены также налоги на прибыли нефтяных компаний и "роялти" (фиксированная арендная плата нефтяных компаний). В нее не входят поступления от продажи нефтепродуктов и нефтехимикатов (как внутри страны, так и за рубежом), которые включаются в отдельный бюджет государственной компании "Кувейт Петролеум Корпорейшн" (далее КПК). В статью "прочие доходы" не включаются поступления от инвестиций за рубежом, а только доходы от налогов на госпредприятия и таможенные сборы. Поскольку местное население освобождено от уплаты любых налогов, то и такой статьи в бюджете нет.

В расходной части бюджета особое место занимают расходы постоянного характера (так называемые консолидированные), которые автоматически переходят из бюджета в бюджет. К ним относятся расходы на содержание главы государства и его двора, жалование министрам, закупку оборудования и принадлежностей, необходимых для министерств и ведомств, на службу информации. К ним же относятся средства, ежегодно ассигнуемые министерствам обороны, финансов, образования, здравоохранения, электрификации и развития водного хозяйства, планирования. 10% бюджетных расходов ежегодно отчисляется в Резервный фонд будущих поколений.

Помимо обычного бюджета, имеются еще "смежный" и "независимый" бюджеты. В "смежный" бюджет заложены ассигнования на содержание местных ВУЗов, столичного муниципалитета, Национальной ассамблеи, государственных организаций по трудоустройству, распределению жилья, жилищному строительству. В "независимый" бюджет включены госдотации Кувейтскому фонду арабского экономического и социального развития. Центральному банку, Индустриальной зоне Эш-Шуэйба, Агентству новостей, национальной авиакомпании.

Как правило, из общей суммы госрасходов 43–46% приходится на обычный бюджет, 50–53% – на "независимый" и 2,5–3% – на

"смежный". Необходимо заметить, что в бюджете не учитываются прибыли от госинвестиций и прибыли от операции с зарубежными активами, которыми, в случае необходимости, компенсируется бюджетный дефицит. Если дефицита в бюджете не возникает, то эти прибыли реинвестируются за рубежом, превращаясь таким образом в капитализированную ренту от нефтяных доходов, на которую Кувейт приобретает недвижимость, промышленные предприятия, акции предприятий, обществ и компаний за границей в целях повышения эффективности и увеличения прибыльности размещения нефтедоходов за рубежом. В частности, Кувейт предоставил возможность КПК вести самостоятельные операции в других странах. КПК, подчиняющаяся Министерству нефти, создала ряд дочерних компаний, специализирующихся на отдельных операциях с ее активами. Так, были созданы "Кувейт Форин Петролеум Эксплорейшн Компани" для финансирования работ по разведке и добыче нефти за рубежом; "Кувейт Петролеум Интернэшнл" – для управления 4,5 тыс. бензоколонок, купленных КПК в Западной Европе за 1,4 млрд. долл. США; "Кувейт Интернэшнл Петролеум Инвестмент Компани" – для осуществления капиталовложений в разработку нефти- и газоресурсов в других странах.

К деятельности этих компаний и обществ правительство Кувейта привлекает свои зарубежные финансовые организации. Так, свыше 30 лет в Лондоне функционирует "Кувейт Инвестмент Офис" (далее – КИО), подчиняющийся Министерству финансов Кувейта. За это время КИО скупил от 5 до 15% ценных бумаг 48 английских фирм. С конца 1987 г. КИО осуществлял операции по скупке акций "Бритиш Петролеум", доведя к марту 1988 г. свою долю в капитале этой английской корпорации до 22,08% и став в результате ее главным акционером. Это вызвало беспокойство английских деловых кругов, и в ноябре 1988 г. правительство Великобритании выкупило у Кувейта часть акций, а доля КИО понизилась до 9%. В 80-е годы КИО начал операции за пределами Великобритании. Например, он приобрел 30% акций канадской компании, занимающейся разработкой медных и молибденовых месторождений и 20% акций "Хонг Леон Компани" в Гонконге.

Кувейт вкладывает доходы от экспорта нефти и свою капитализированную ренту в экономику других развитых государств. В США, например, портфель ценных бумаг Министерства финансов Кувейта превышает 7 млрд. долл., и в основном это ценные бумаги примерно 500 ведущих американских корпораций, в том числе та-

ких, как "Дженерал Моторс", "Истмэн", "Кодак", "Дженерал Электрик".

С 1974 г. Кувейт активно вкладывает капиталы в ФРГ, начав с покупки 14,6% акций автомобильного концерна "Даймлер-Бенц". Спустя 5 лет Кувейт за 50 млн.долл. приобрел ценные бумаги "Корф Шталь". В мае 1980 г. вложил 60 млн.долл. в покупку у "Свисс Холдинг Компани" 10% акций фирмы "Металлгезельшафт" (транснациональная корпорация западногерманского происхождения с ежегодным оборотом свыше 2 млрд.долл., которая действует в сфере металлургической и химической отраслей). Кувейт приобрел 5% акций "Луржи" – одной из ведущих в западном мире компаний по производству оборудования для переработки нефти и газа. Он также приобрел 24% ценных бумаг компании "Хехст" – крупнейшей химической фирмы ФРГ.

Особое внимание кувейтские инвесторы сосредоточили на нефтяной промышленности развитых капиталистических государств. При этом их операции охватывают все ее отрасли – от разведки на нефть до распределительной сети нефтепродуктов. Так, КПК стала одним из учредителей "Интернэшнл Энерджен Дивелопмент Корпорейшн", ныне занимающейся проведением разведочных работ на нефть в Канаде, Австралии и других странах.

Через КИО Кувейт приобрел 6,7% акций крупной английской нефтяной компании "Бирма Ойл", а в 1981 г. осуществил одну из своих самых грандиозных сделок, купив за 2,5 млрд.долл. американскую нефтяную компанию "Санта-Фе Интернэшнл", занимающуюся добычей и переработкой нефти, строительством нефтяных сооружений в 25 странах мира. Затем Кувейт перевел за 150 млн.долл. под свой контроль американскую "Андовер Петролеум Компани", через КИО приобрел 14,6% акций "Гетти Ойл", а совместно с "АЗЛ Рисорсис" организовал компанию по добыче нефти и газа в США.

Через "Санта-Фе" Кувейт выкупил 50% участия в капитале английской "Саксон Ойл", осуществляющей добычу нефти в британском секторе Северного моря.

Стремясь ослабить зависимость от международных нефтяных монополий, сохраняющих в своих руках сеть по распределению и сбыту нефтепродуктов, Кувейт выкупил британскую "Гейс Петролеум", которой принадлежало свыше 400 точек по торговле бензином и станций техобслуживания автомобилей в Лондоне и на юге Англии. При этом любопытно, что "Гейс Петролеум" была приобретена Кувейтом не непосредственно, а через группу "Хейс", яв-

ляющуюся филиалом "Сан–Мартин Проперти Корпорейшн", которую Кувейт приобрел еще в 1974 г. через КИО. Замечу, что "Хейс", в свою очередь имеет собственную розничную сеть торговли нефтепродуктами в Шотландии и на севере Англии. В целом эта сделка представляет собой новую форму зарубежных инвестиций Кувейта: он стал осуществлять капиталовложения уже не непосредственно, а через подконтрольные ему западные банки и фирмы.

Кувейтский капитал стал также внедряться в распределительную сеть по торговле нефтепродуктами во Франции, Голландии, Италии и скандинавских странах. Так, КПК выкупила часть акций "Тоталь" и "Эльф–Акитен" (под этими названиями на мировом рынке действует "Компани франсэз де петроль"), которые являются владельцами всей французской сети по распределению нефтепродуктов. КПК также приобрела в Дании, Италии и Голландии 3 нефтеперерабатывающих завода общей мощностью 10,3 млн.т нефти в год.

В широких для страны с населением менее 2 млн.человек масштабах Кувейт вкладывает средства и в другие отрасли западной экономики. Например, он приобрел остров Киава у побережья Южной Каролины (США), где сооружен туристический и курортный комплекс, 33–этажное здание в Париже и 9,5% акций французской компании "Кэсс насьональ де Оторут", занимающейся страхованием автодорожных перевозок, 27% акций английской фирмы "Савой Отель", 7% акций "Трафальгар Хаус Групп" и др. Промышленный банк Кувейта и КПК заключили соглашение с "Пари Ба", "Эльф–Акитен" и "Компани д'эвестисман дан ле текноложии авансэ" о создании совместной компании по поддержке небольших французских фирм, занимающихся разработкой современных технологий. В том же направлении действовал Кувейт, вложивший 20 млн.долл. в "Ферст Вэнчур Инвестмент Компани" для осуществлений инвестиций в США в отрасли с высоким технологическим уровнем. Кувейт также приобрел акции японских "Хитачи" и "Мицубиси" .на сумму 25 млн.долл. и 560 тыс. акций "Сони", став обладателем 0.3% капитала этой фирмы.

При размещении своих капиталов за рубежом Кувейт охотно объединяется с другими арабскими странами и финансовыми учреждениями развитых стран, которые берут на себя роль посредников, занимаются наиболее прибыльным размещением привлекаемых средств, осуществляют операции на международных валютных рынках и т.д. В частности, Кувейт ныне является участ-

ником "Юнион де банк араб э франсе" (далее – ЮБАФ, капитал 26 млн.долл.), в состав которого входят 29 арабских и французских частных и государственных банков; "Юнион де банк араб э ниппон" (далее – ЮБАН), капитал которого поделен между ЮБАФ и японскими банками; "ФРАБ–Банк", участниками которого являются банковские учреждения Бельгии, Италии, Швейцарии и Испании (Кувейту принадлежит 26,5% акций); "Юнион Бэнк оф Араб Африкэн Бэнкс", в капитале которого принимают участие американские банки (доля Кувейта – 7%); "Юропиен Араб Холдинг Компани" (Кувейту принадлежит 4,16% акций); "Банко араб испаньол", где Кувейту принадлежит 30% акций; "Араб Файненс Компани" с участием банковских учреждений США, Франции, Японии и Ливана (Кувейту принадлежит 18% капитала). Кроме того, через свои инвестиционные компании Кувейт участвует в операциях по выпуску облигаций на рынке евровалют. Например, он принял участие в размещении 46 выпусков еврооблигаций на сумму 2,5 млрд.долл. Следует заметить, что рынок евровалют особенно привлекателен для Кувейта, т.к. на нем ведут операции практически все крупные банки, пользующиеся солидной международной репутацией. К тому же на этот рынок не распространяются никакие национальные законы и постановления, что служит гарантией от действий по ограничению деятельности иностранного капитала, а условия депозитов обеспечивают высокие ликвидность и доходность.

Кувейт вывозит капитал и в развивающиеся страны, делается это через Кувейтский фонд арабского экономического и социального развития и на двусторонней основе, т.е. путем участия в деятельности банковских учреждений развивающихся стран. Например, через этот фонд Кувейт принимает участие в деятельности Арабского фонда социального и экономического развития (доля Кувейта – 7,7 млн. долл.), Арабского банка развития (1,17 млн.долл.), Африканского фонда развития (5,25 млн.долл.). На двусторонней основе Кувейт сотрудничает с Исламским банком развития (доля Кувейта в капитале – 252,2 млн.исламских динаров, 1 исламский динар = 1 единице специальных прав заимствования МВФ), Фонда международного развития ОПЕК (72 млн.долл.), Арабского валютного фонда (60 млн. арабских динаров, 1 арабский динар. = 1 единице СПЗ МВФ). Кроме того, через свои инвестиционные компании Кувейт приобрел 6% акций Банка экономического развития Туниса, 15% – Арабо–бразильской инвестиционной компании, 20% – Арабо–турецкого банка, 22% – Бразильского банка развития, 62% – Афро–арабской инвестиционной компании.

Довольно активно Кувейт вывозит капитал путем создания смешанных обществ и организаций с различными развивающимися странами. Например, по инициативе Кувейта были учреждены Сенегало–кувейтский инвестиционный банк, Мексикано–кувейтская инвестиционная компания, Пакистано–кувейтская инвестиционная компания, Сингапуро–кувейтский банк, Индийско–кувейтская инвестиционная компания и др. Все эти организации созданы на паритетной основе и осуществляют инвестиции в проекты развития стран, на территории которых они действуют. При этом кувейтская сторона контролирует прибыльность вложения инвестированных средств, сроки их возврата, неременное их использование для нужд проекта, под который они выделены.

Кувейт вывозит в развивающиеся страны не только ссудный, но и производительный капитал, основав для этого "Кувейт Оверсиз Петролеум Эксплорейшн Компани", также вошедшую в КПК. Через эту компанию Кувейт вложил средства в разведку на нефть и другие полезные ископаемые в Эквадоре и Пакистане, приобрел концессионные участки в Индонезии, Марокко и Омане. Выкупив 25% участия в капитале "Международной корпорации энергетического развития", в которую входят также шведская "Вольво", американская "АЭС Рисорсис" и канадские нефтяные компании, эта кувейтская компания принимает участие в концессиях на добычу нефти в Заире, Танзании, Судане, Анголе и Турции.

На основе созданного в 1981 г. тунисско–кувейтского банка Кувейт осуществляет капиталовложения в этой стране в 12 различных проектов общей стоимостью 22,7 млн. тунисских динаров. В частности, тунисская ИМТ и "Кувейт Петрокемикл Индастриз", входящая в КПК, основали предприятие по производству фосфатных удобрений, которое осуществило реконструкцию принадлежащего ИМТ завода по выпуску фосфата аммония, доведя его годовую мощность до 340 тыс. т. Эта же кувейтская компания вложила средства в другую тунисскую фирму, производящую ежегодно до 100 тыс. т фосфорной кислоты. Кроме того, совместно с тунисской "Маргриб Кемикл Индастриз" она оплатила строительство на территории Кувейта завода по выпуску сложных удобрений мощностью 330 тыс. т в год, который стал своего рода связующим звеном между предприятиями по выпуску фосфорной кислоты в Тунисе и аммония – в Кувейте. Через совместный с Тунисом банк кувейтские компании обеспечили себе 49% капитала в различных тунисских компаниях по разработке месторождений фосфоритов в Габесе и Сра–

Уэртане (Тунис), на которых к 2000 г. намечено довести добычу фосфоритов до 10 млн.т.

Кувейт приобрел в Ю.Корее 25% акций нефтеперерабатывающего завода в г.Ульсан, выговорив себе право поставлять на него нефть. КПК подписала договор с Пакистаном об учреждении совместной нефтедобывающей компании с целью разработки конденсатного месторождения в Дходаке. КПК стала также одним из учредителей "Интернэшнл Энерджи Дивелопмент Корпорейшн", принимающей участие в разведке на нефть в Анголе, Заире, Судане, Омане и других странах. "Кувейт Петрокемикал Индастриз Компани", входящая в КПК, саудовская САБИК и "Бахрейн Нэшнл Ойл Компани" создали "Галф Петрокемикл Индастриз Компани" с капиталом 210 млн.долл., которая финансировала строительство крупного комплекса общей стоимостью 400 млн.долл. по выпуску 365 тыс.т аммония и 335 тыс.т метанола в год.

Понятно, что не обладая ни соответствующим оборудованием, ни технологией, Кувейт во всех этих и других случаях неизбежно обращается за помощью к экономически развитым государствам. Так, строительство, техническое обоснование и поставки оборудования для названного выше комплекса осуществляли западногерманская и датская фирмы.

Помимо нефтяной промышленности, Кувейт вкладывает капитал в предпринимательской форме и в другие отрасли национального хозяйства развивающихся стран. Например, в Саудовской Аравии действуют 16 смешанных саудо-кувейтских предприятий, общая сумма капиталовложений в которые составляет 2,3 млрд.саудовских риалов (1 долл. США = 3,75 сауд. риала). Среди них – заводы по производству синтетической пряжи, бытовых электроламп, оконного стекла, шин для легковых автомобилей, установки по опреснению морской воды.

Кувейтское правительство приобрело 10% акций стоимостью 115 млн.долл. "Фольксваген ду Бразил" – крупнейшей промышленной компании Бразилии, годовой объем продукции которой превышает 500 тыс. автомашин. Через эту компанию кувейтский капитал получил возможность более широкого проникновения в другие развивающиеся страны. Так, "Фольксваген ду Бразил" построила в Ираке и в Нигерии свои автосборочные предприятия, в капитале которых ныне принимает участие Кувейт. Он также вложил средства в покупку части акций некоторых строительных предприятий в Индии, металлообрабатывающих – в Пакистане, по производству сахара – в Судане и т.д.

Вслед за государственным в развивающихся странах начал осуществляться инвестиции и частный кувейтский капитал. Например, частная "Индепендент Петролеум Групп" заключила соглашение с йеменской компанией, согласно которому она взяла на себя обеспечение сбыта продукции аденского нефтеперерабатывающего завода в странах Западной Африки. Другая частная кувейтская компания, "Галф Интернэшнл Групп", скупила в Судане значительную часть акций ряда текстильных предприятий, сахарных плантаций, заводов по переработке тростника и производству сахара. Ей же принадлежит ряд гостиниц в Бейруте (Ливан). Создана также частная судано-кувейтская животноводческая компания, занимающаяся разведением крупного рогатого скота и овец с целью их экспорта в арабские нефтедобывающие страны.

Таким образом, Кувейт к началу 90-х годов сумел создать сложную и одновременно стройную систему своих зарубежных капиталовложений, получая от ее функционирования дополнительные доходы, которые по своим абсолютным размерам превосходят его ежегодные доходы от экспорта нефти. Другие арабские нефтеэкспортирующие страны не обладают столь разветвленной системой размещения своих зарубежных авуаров, хотя и стремятся создать нечто подобное. Наиболее близко к Кувейту в этой области подошли только ОАЭ и Саудовская Аравия.

Возвращаясь к общим для всех арабских стран принципам расходования нефтедолларов на социальные нужды, отмечу, что все они за счет доходов от нефти финансируют расходы на здравоохранение, образование, науку; содержание музеев, библиотек, армии, полиции, служб безопасности; выплату различных пособий, пенсий, стипендий; поддержание определенного минимума заработной платы и т.п. Ясно, что размеры средств, отчисляемых на эти цели, зависят от конкретных объемов продаваемой нефти, социально-экономической политики правящих кругов, внешнеполитических событий и др. Тем не менее, здравоохранение и образование на всех ступенях во всех арабских странах являются бесплатными,

Далее же начинаются отличия, связанные в основном с размерами доходов от нефти на душу населения и конкретной социально-экономической политикой правительства каждой арабской страны.

Так называемые второстепенные нефтеэкспортеры (Египет, Сирия, Тунис, Йемен) основную массу доходов, поступающих от вывоза нефти, направляют на экономическое развитие, считая, что

тем самым они улучшают и социальное положение своих граждан. Единственное, за чем пристально следят правящие круги этих стран, – это как бы не перейти тех социальных границ, за которыми любые "игры" могут стать опасными для их благополучия. К таким социальным границам относятся, как правило, четкое определение понятий "черта бедности", "прожиточный минимум", "допустимый уровень безработицы", "минимальная заработная плата" и, соответственно, четко выделяют средства, необходимые для их финансирования. В разных странах средства для этого выделяются по-разному. Например, в Сирии и в Египте государство субсидирует ряд продовольственных товаров (муку, сахар, чай, кофе, растительное масло, некоторые овощи и фрукты). Эти же страны устанавливают пределы максимальных цен на ряд потребительских товаров (хлопчатобумажную пряжу, нитки, некоторые виды тканей, простейший сельскохозяйственный инвентарь, удобрения и др.). Сходной политики придерживается Ливия. С целью не допустить разорения мелких товаропроизводителей, в странах этой группы широко применяются количественные и тарифные импортные пошлины и квоты, которые ежегодно пересматриваются.

Особое внимание в этих странах уделяется офицерству. Так, офицеру в Сирии и Египте (а также в Ливии и Ираке) запрещено пользоваться общественным транспортом, чтобы "не уронить честь мундира". Поэтому любому офицеру, если он не в состоянии сам приобрести автомашину, государство выделяет легковой служебный автомобиль, а кроме того оплачивает ему бензин и обслуживание личной автомашины. То же относится к офицерам полиции и службы безопасности. В Ираке пошли еще дальше: если офицер погибает от несчастного случая или в ходе военных действий, то в каком бы звании он не находился, ему посмертно присваивается звание полковника, чтобы его семья могла получать соответствующую пенсию, семье выдается новый легковой автомобиль, ее освобождают от любых госналогов, а затраты на детей вплоть до достижения ими трудоспособного возраста компенсируются.

Классическими примерами использования нефтедолларов на социальные нужды являются здравоохранение и образование, которые, повторю, во всех арабских странах бесплатны. "Богатые" страны (Саудовская Аравия, Кувейт, ОАЭ, Катар, Оман, Бахрейн, Ливия, до войны в Заливе – Ирак) позволяют себе гораздо больше, чем, скажем, Алжир или Египет. В этих "богатых" странах для школьников бесплатны учебники, тетради, ручки и карандаши, форма, завтраки и транспорт до школы и обратно. Учащиеся ПТУ,

кроме того, во время учебы получают ежемесячные стипендии (в Кувейте, например, 150 динаров, 1 динар = 3,5 долл.США). Эти же страны направляют студентов на учебу за границу, выплачивая им стипендию, которая в обязательном порядке в 3 раза выше той, которую получают студенты страны пребывания. Делается это для того, чтобы студенты не занимались "левыми" приработками, а посвящали себя исключительно учебе. Естественно, что студентам, которые учатся в ВУЗах "богатых" стран, также ежемесячно выплачивается стипендия, а всем выпускникам ПТУ и ВУЗов в законодательном порядке гарантировано трудоустройство в местных государственных и государственно-частных фирмах и компаниях, госаппарате. Государство щедро также расходует средства на оборудование местных ВУЗов новейшим оборудованием, закупку необходимой научной литературы, оплату на приглашение зарубежных профессоров, командирование за рубеж своих научных работников и специалистов, финансирование работы лабораторий и научно-исследовательских институтов. Для того, чтобы привлечь молодежь к образованию, главы этих государств подчеркнуто демонстрируют свое внимание к развитию образования и науки. Например, в ОАЭ шейх этой страны ежегодно лично вручает всем выпускникам Университета Эль-Айн дипломы об окончании учебы. В Кувейте, ОАЭ, Катаре, Саудовской Аравии президентами университетов являются члены правящих королевских семейств. Поэтому не приходится удивляться тому, что, например, Кувейт наладил производство компьютеров, а саудовский принц побывал в космосе в составе американского экипажа.

Огромные средства вкладываются "богатыми странами" в здравоохранение. Например, Саудовская Аравия вложила в его развитие только за последние 5 лет более 8 млрд.долл., в результате чего в стране 1 врач приходится ныне на 544 жителя. В этих странах больным, при условии, что у них имеется рецепт, выписанный врачом госбольницы, лекарства выдаются бесплатно. Кроме того, больные, которым в силу тех или иных причин невозможно оказать медпомощь внутри страны, направляются на лечение за рубеж за счет государства.

Полностью на дотации государства находятся также детские сады, ясли, роддома, санатории, профилактории и т.п.

"Богатые" страны выплачивают своим гражданам безвозмездные пособия по случаю рождения ребенка, заключения брака, организации похорон и т.д. Вообще, если говорить о примерах раз-

личных дотаций со стороны государства в этих странах местным жителям, то эта тема крайне обширна.

Прежде всего замечу, что все местные жители, конечно, являющиеся гражданами этих стран, освобождены от всех видов налогов. Они также оплачивают лишь незначительную часть коммунальных затрат. Например, известно, что в этих странах ощущается дефицит источников пресной воды и страны живут в основном за счет опреснителей, вода которых довольно дорога (в Саудовской Аравии производство 1 литра бензина обходится в 8 раз дешевле производства 1 литра опресненной воды). При этом кувейтцы оплачивают лишь 10% стоимости опресненной воды, саудовцы – 12%, а катарцы пользуются ей вообще бесплатно. То же относится к затратам на электроэнергию, бытовой газ, канализацию и др. Разница покрывается государством, т.е. за счет доходов от нефти. Кувейтцы платят за роскошную виллу (квартиру) не более 10–15 динаров в месяц и это при минимуме зарплаты в 350 динаров, т.е. около 4%. Для строительства своего дома любой житель этих стран имеет право на беспроцентную ссуду сроком на 15–20 лет, а в ОАЭ есть район из 5 тыс. вилл и коттеджей, которые государство подарило своим "наиболее бедным" гражданам. В Кувейте местный житель, желающий купить автомашину, имеет право на получение беспроцентного кредита в сумме до 3 тыс. динаров сроком на 1 год. В Саудовской Аравии с 1974 г. действует Фонд развития недвижимого имущества, который был создан с целью оказания помощи саудовцам при строительстве частного жилья посредством выделения им долгосрочных кредитов. Эти кредиты возмещаются в течение 25 лет со скидкой в 30% от общей суммы выданного кредита. Общая сумма предоставленных только за последние 10 лет кредитов достигла 86,6 млрд. саудовских риалов. Кроме того, в Саудовской Аравии бесплатное жилье для своих сотрудников строят Министерство обороны, Национальная Гвардия, Министерство внутренних дел.

Замечу, что в ряде случаев уровень социальной защиты местного населения со стороны государства столь высок, что многие местные жители отказываются от какого-либо вида труда или учебы, зная, что государство не позволит им превратиться в люмпенов.

Весьма специфическими формами затрат нефтедолларов на социальные нужды являются такие, как создание различных резервных фондов, фондов будущих поколений, поддержка частного бизнеса, размещение средств за рубежом.

Все "богатые" арабские нефтеэкспортирующие страны много и охотно инвестируют за рубежом, принимая во внимание, естественно, надежность размещения средств, скорость их отдачи на вложенный капитал и другие факторы. По ряду оценок, государственные вложения Саудовской Аравии в западные банки насчитывают 100–120 млрд.долл., Кувейта – 70–80 млрд., ОАЭ – 45–55 млрд. Принимая средний банковский процент за 8, легко подсчитать, что, например, Саудовская Аравия, не трогая основного капитала, ежегодно дополнительно получает 8–10 млрд.долл. Эти средства иногда выступают в качестве "спасательного круга" местных экономик, когда происходит внезапное снижение цен на жидкое топливо на мировом рынке, или в случае каких-то внутренних экономических потрясений. Так, когда в Кувейте лопнул рынок ценных бумаг Сук-эль-Манах, правительство выделило из таких средств 1,2 млрд.динаров (4,2 млрд.долл.) для оказания помощи местным компаниям, пострадавшим от этого краха.

Совершенно особое место занимает в странах этой группы поддержка частного предпринимательства. Понятно, в этих странах, отличающихся засушливым климатом, ведение сельскохозяйственного производства изначально нерентабельно. Поэтому во всех них оно находится и развивается при поддержке государства. Например, в Ливии за счет государства полностью оборудуется фермерский участок, включая строительство дома и подсобных помещений, бурение артезианских скважин, предоставление трактора и других механизмов. Затем участок безвозмездно передается фермеру, которому еще в течение 6 лет выплачивается госсубсидия исходя из размеров его предыдущего заработка. В Саудовской Аравии государство делает то же самое, но еще оплачивает фермеру 50% стоимости импортных сельскохозяйственных машин, полностью – пестицидов и удобрений, берет на себя работы по повышению урожайности почвы.

Не менее активно эти же страны расходуют нефтедоллары на поощрение деятельности местного частного промышленного капитала. В Кувейте правительство применяет в отношении такого частника пониженные пошлины на ввоз оборудования и сырья, предоставляет ему различные налоговые льготы. В Катаре правительство предоставляет частным предпринимателям преимущества перед местным госсектором, не говоря уже об иностранном капитале, в приобретении земельных участков под строительство предприятий и выделяет им под такое строительство льготные займы. При этом местный предприниматель–промышленник имеет

право на получение кредита в размере до 40% вложенного капитала (но не более 5,5 млн.долл.) сроком на 5 лет с льготным периодом в 2 года из расчета 3% годовых. В Омане местные частные промышленные предприятия полностью освобождаются от всех налогов и других пошлин сроком на 5 лет, имеют льготы при импорте оборудования, сырья и полуфабрикатов, пользуются приоритетом в системе государственных закупок и льготными расценками на коммунальные услуги. В Саудовской Аравии государство в лице Фонда промышленного развития берет на себя финансирование половины необходимого предпринимательского капитала с минимальным процентом (2,5% годовых), гарантирует самые льготные условия при продаже акций, оплачивает до 50% импортного оборудования. Кроме того, саудовцы, согласно закону от 1976 г., имеют право на приобретение контрольного пакета акций любой смешанной с иностранным капиталом фирмы, внося лишь 1% ее капитала, а оставшуюся сумму, нужную для приобретения еще 50% капитала этой фирмы, ему предоставляет государство в виде беспроцентной ссуды. Эту ссуду саудовец должен погасить в течение 12–25 лет. При этом деятельность такой фирмы освобождается от уплаты таможенных пошлин, сборов и подоходных налогов. Кроме того, она может не заботиться о сбыте своих товаров, т.к. государство выступает гарантом их закупки.

Таким образом, деятельность по использованию доходов от нефти на социальные и смежные с ними нужды в "богатых" арабских нефтедобывающих странах разветвлена, сложна и многообразна. Часть из применяемых ими методов заведомо не укладывается в существующие российские социально-экономические реалии, но часть, как представляется, заслуживает самого пристального внимания и изучения.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО–ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ЛИВАНА

ВВЕДЕНИЕ

После достижения политической независимости в 1946 г. Ливан поставил задачу ускоренного развития товарно–денежных отношений с целью быстрой интеграции в мировое капиталистическое хозяйство. Путь, избранный ливанскими властями, базировался на принципах заметного государственного вмешательства в национальную экономику с целью содействия местному и иностранному частному предпринимательству, предоставлении иностранному капиталу принципа равных возможностей с местным капиталом, сохранении либерального валютного и таможенного режима, преимущественной ориентации производства на внешний рынок.

Вплоть до начала 70–х годов Ливану удавалось поддерживать сравнительно высокие темпы экономического роста, основанные на развитии сферы услуг, успешно в целом решать проблему занятости, поднимать уровень доходов местного населения, несмотря на слабость национального промышленного производства и аграрного сектора, бедность природных ресурсов и полезных ископаемых, ограниченность внутренних источников накопления. Одновременно ливанскую экономику отличала крайне высокая степень зависимости от международной обстановки на Ближнем Востоке, сложных социально–общественных отношений, густо замешанных на архаичной системе конфессионализма.

В этой связи следует отметить, что в Ливане, крошечной по нашим меркам стране (по площади в 4,5 раза меньше Московской области), в начале 70–х годов проживали приверженцы 16 религиозных общин, действовало около 70 партий, организаций, фронтов, несколько десятков милиций, издавалось свыше 100 различных газет и журналов, работало более 10 радио– и телевизионных станций. Ливан, в котором по любым понятиям и оценкам был достигнут высокий для Арабского Востока уровень развития капитализма, ставший видным ближневосточным центром банковского и

торгового капитала, вместе с тем оставался страной, опутанной полуфеодальным и клановым традиционализмом.

Столь необычная ситуация несла в себе опасность постепенного нарастания серьезных противоречий в производственной, социально-экономической и других сферах общественной жизни Ливана. В середине 70-х годов в связи с обострением политической обстановки на Ближнем Востоке, совпавшей с начавшимся развалом конфессиональной системы, в стране начались гражданская война, в которую оказались втянутыми не только отдельные ливанские общины, но и некоторые соседние страны, а также отряды палестинского движения сопротивления, находившиеся в тот момент на территории Ливана. При этом социально-экономическая жизнь страны, приглушенная военными действиями, отошла на второй план, хотя нередко именно финансово-экономические мотивы служили своеобразным детонатором к происходившим вооруженным столкновениям.

В этой связи проведение анализа основных этапов социально-экономического развития, итогов военных действий и политического кризиса, поразившего страну в середине 70-х годов, воздействия ливанского кризиса на общую ситуацию на Ближнем Востоке приобретает особую актуальность.

1. ОБОСТРЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В СТРАНЕ

На территории современного Ливана сложилась ситуация, при которой одна и та же этническая общность – ливанские арабы, пользующаяся одной и той же диалектальной формой арабского литературного языка – образовала множество религиозных общин.

В Ливане число общин было столь велико, что ориентироваться в одних их названиях, не говоря уже о нюансах религиозной догматики, крайне непросто.

По данным переписи 1932 года, то есть за 11 лет до получения Ливаном независимости, в стране проживало 852,9 тысяч человек, из них 51,2% христиан, 48,4% мусульман и 0,4% евреев. Наиболее многочисленной была маронитская община. Ее члены составляли 28,3% всего населения. Далее следовали сунниты – 22,5%, затем шииты – 18,4%, греко-православные – 9,8%, друзы – 6,6% и т.д.

Сложная религиозная структура населения повлияла на государственное устройство современного Ливана. Оно было уникальным. Государственно-политическое здание с вполне совре-

менным фасадом парламентарной республики базировалось на фундаменте огороженных правовыми рамками религиозных общин.

Сформированная в ходе длительного исторического развития система государственного конфессионализма воплотилась в писаных, а зачастую в неписаных (диктуемых обычаем) законах. Так, распределение ключевых постов в государстве определялось не конституцией (которая лишь констатировала в некоторых статьях необходимость справедливого представительства общин, уважения их религиозных убеждений и т.д.), а "Национальным пактом" и рядом правовых актов и административных положений.

В результате соотношение мест в ливанском парламенте между христианской и мусульманской общинами (хотя общее число мест время от времени менялось) неизменно складывалось в пользу христиан (соотношение мест в парламенте было, как правило, 6 христиан к 5 мусульманам), а пост президента страны, обладавшего широкими полномочиями, постоянно резервировался за маронитом. За маронитами сохранялись и посты главнокомандующего вооруженными силами, управляющего центральным банком и ряд других ключевых должностей. Пост же премьер-министра по традиции закреплялся за суннитом, председателя парламента – за шиитом, начальника генерального штаба – за друзом, вице-председателя парламента – за греко-православным и т.д.

Накануне получения страной независимости система государственного конфессионализма отражала соотношение сил, которое сложилось к тому времени между различными религиозными, социальными и политическими группировками, существовавшими в ливанском обществе. Однако, за тридцать с лишним лет внутри этой системы накопились глубокие противоречия, которые в конечном счете, к апрелю 1975 года, вырвались наружу.

В силу специфики ливанского общества социально-экономические и политические противоречия зачастую принимали религиозно-общинный характер. При этом консервативные и реакционные деятели ведущих общин, как мусульманских, так и христианских, пытались, разжигая религиозную рознь, использовать ее в своих интересах.

Следует отметить еще одну характерную черту ливанского общества. Конфессионализм наложил печать и на общественно-политическую жизнь, прежде всего на партийную систему. Политические партии и военизированные отряды (милиции), как правило, формировались в рамках той или иной общины. Очень часто партийные лидеры и лидеры общины оказывались одними и теми же

лицами. При этом на базе одной общины, особенно если она была многочисленной, возникали две–три партии, а то и более. Практически, за 4 года до начала гражданской войны, при каждой партии были сформированы военизированные формирования (милиции).

Конфессионализм был спроецирован и на структуру ливанских вооруженных сил. После начала гражданской войны армия была, по существу, растащена по общинам. Ее структура определялась в зависимости от нескольких обстоятельств: влияния той или иной общины, партии, милиции в районах дислоцирования армейских бригад, вероисповедания офицерских кадров, и др.

Внутренне раздробленная ливанская армия оказалась не в состоянии контролировать ситуацию внутри страны и тем более ее границы и тем самым выполнить свою общенациональную миссию.

Практически все внутренние силы, вовлеченные в ливанский кризис, понимали, что конфессиональная система исчерпала себя, что назрела острая необходимость проведения реформ. Собственно вокруг реформ и разгорелась политическая и вооруженная борьба. Тут необходимо подчеркнуть, что "конфликтующие стороны" – а ими, как отмечалось, являлись прежде всего партии и вооруженные отряды – в большинстве своем признавали, что эта борьба носит не религиозный, а политический характер. Но выходы из сложившегося положения предлагались далеко не одинаковые.

Представляется, что нельзя отрицать что природа либеральной и, что важнее, открытой экономики при определенных условиях отвечала наличному ресурсно–экономическому потенциалу страны. Вряд ли ливанцам удалось бы использовать выгоды своего географического положения, региональные, торговые, посреднические функции страны, банковскую роль Бейрута, если бы внешнеэкономическая политика носила зарегулированный, жесткий, протекционистский характер.

Система не ограниченного национальными рамками капиталистического предпринимательства позволяла своевременно отреагировать на благоприятные для Ливана изменения в хозяйственной и политической конъюнктуре и извлекать из них пользу.

Однако, внутри самой системы ливанского либерализма вызревали присущие ей серьезные противоречия. Странники ливанских свобод, констатируя эти противоречия, списывали их на войну, обрушившуюся на их благосостояние.

Однако, дело в том, что настроенность ливанской экономической системы на политико–хозяйственную конъюнктуру уже сама по себе определила ее большую уязвимость от внешней, противо-

речивой мирохозяйственной среды. Так как импульсы исходили из центров мирового капитализма, то подстройка периферии, в том числе и ближневосточной, где расположен Ливан, из-за экономической отсталости и зависимости была объективно затруднена.

Политика экономического либерализма, открыв двери импорту, заметно сузила внутренние и внешние рынки для местных предпринимателей. Она привела к доминированию сектора услуг над остальными отраслями экономики.

Еще больший ущерб понесло сельское хозяйство Ливана. Несмотря на благоприятные природно-климатические условия, соотношение рыночных факторов складывалось таким образом, что престиж Ливана как ближневосточной "мастерской услуг" затмил аграрную специфику страны. Рыночные критерии по существу закрепили диктат внешнего спроса и в условиях экономического либерализма деформировали межотраслевые пропорции. Они резко понизили значение сельскохозяйственного производства, в то время как именно оно было призвано стать одним из надежных собственных моторов хозяйственного движения. Ливанский предприниматель, оказавшись перед свободой выбора, "что производить", превратился в пленника краткосрочных рыночных критериев, причем таких, которые были заданы из-за рубежа. Соответственно, возможности более продуктивного использования зрелого человеческого фактора были ограничены теми же ценностными ориентирами, которые, может быть, и приносили на время успех, но никак не могли гарантировать его надолго.

Банковская система, ориентированная исключительно на рыночные установки, по существу, способствовала воспроизведению не самой оптимальной структуры народного хозяйства вместо того, чтобы совершенствовать ее. Так, на протяжении 70–74 годов, 70% кредитов банки направляли в торговлю и сектор услуг.

Кроме того, у ливанских властей выработался стереотип экономического невмешательства. В результате они зачастую были не способны вовремя замечать и исправлять структурные дефекты либерализма. Вместо попыток отыскать средства хотя бы в сфере буржуазного реформизма администрация продолжала действовать под флагом экономического либерализма.

В начале 70-х годов промышленная буржуазия начала набирать обороты. Однако, в стране, где тон традиционно задавал сектор товаров и услуг, эти промышленники находились в прямой зависимости от торгово-финансовой буржуазии. В те же годы отвоевала себе место под солнцем аграрная буржуазия. Наносся удары,

где это удавалось, по феодальным и полуфеодальным укладам, она, где это было выгодно, приспособлявала их для своих нужд.

Администрация страны практически целиком отдала ливанскую экономику на откуп частной инициативе. В Ливане было ограниченное число государственных компаний, причем чаще всего смешанных с местным и иностранным частным капиталом в отраслях производственной и социальной инфраструктуры (энергетика, авиация, телевидение и ряд других служб). Соответственно, был немногочислен по сравнению с частным сектором и слой высшего административного персонала: генеральных директоров компаний, управляющих и т.д.

Выполняя роль посредника, торгово–финансовая буржуазия находилась в прямой зависимости от крупного иностранного капитала.

Международные компании сами или на паях с ливанской буржуазией издавна создавали в стране банки, посреднические и торговые фирмы. Что же касается ливанской промышленности, то она была преимущественно местного происхождения. Иностранные фирмы осуществляли прямой контроль лишь за несколькими высоко технологическими отраслями, такими, как фармацевтическая промышленность, электросборочные предприятия и ряд других.

Но эту свою "недоработку" западный капитал компенсировал косвенным контролем за поставками комплектующих изделий и материалов и, главное, за уровнем цен на товары и предоставляемые услуги.

В результате даже формально независимые предприятия развивались только в той степени, в какой это диктовалось мировым капиталистическим рынком, а сам процесс капиталистического развития носил периферийный характер, несмотря на вроде бы автономный, региональный масштаб деятельности ливанского капитализма.

На полюсе власти и богатства происходили серьезные перемены. Местный капитал концентрировался в руках немногочисленной финансовой олигархии. Например, в 1974 году в стране было зарегистрировано 72 коммерческих банка. Причем, лидирующая "десятка" сосредоточила в своих руках 40,3% всех вкладов, а ведущая "пятерка" – 24%.

Крупные промышленники прибрали к рукам местное производство. Так, известно, что в одно время в пищевкусовой промышленности на долю единственного предприятия приходилось 85%

производства молока и молочных продуктов, 100% соков. Две компании полностью контролировали пивоварение, в то время как три завода монополизировали на 100% производство цемента. В сельском хозяйстве две тысячи семей, или 2% от общего числа земельных собственников, владели 30% всех обрабатываемых площадей.

Пошатнувшееся положение традиционных городских слоев, усиление поляризации доходов – эти и многие другие социальные и имущественные перекосы не могли не привести к нарастанию движения социального протеста. Характерно, что пик этого движения пришелся как раз на 1972–1974 годы, предшествующие началу кризиса. Тогда общее число рабочих и служащих, принявших участие в забастовках, составило около 425 тыс. Забастовочное движение являлось результатом глубокой социальной дифференциации ливанского общества, где богатейшие слои составляли всего 4%, в то время как неимущие слои (самые бедные) составляли 22%, и большинство из них были сконцентрированы в "поясах бедности" вокруг Бейрута и других больших городов Ливана.

Ливанский военно–политический кризис, разразившийся в 1975 г., усугубил провалы экономического либерализма. Были нарушены хозяйственная стабильность и безопасность национальной экономики. Производители один за другим теряли рыночные ориентиры и стимулы производства. Целые узлы в механизме воспроизводства были выведены из строя как раз в то время, когда они были особенно нужны, чтобы противостоять неблагоприятным перепадам в мирохозяйственной конъюнктуре.

2. ЛИВАНСКАЯ ЭКОНОМИКА В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Пять лет, предшествовавших началу гражданской войны 1975 г., характеризовались подъемом ливанской экономики. Структура этой экономики подвергалась немалой критике со стороны большинства экономистов–аналитиков. Однако, развитие ливанской экономики в тот период было не самым плохим. Доказательством тому служит превращение Ливана в тот период в региональный центр экономических и финансовых обменов между государствами региона, в частности, нефтедобывающими, с одной стороны, и остальными государствами мира, – с другой.

Согласие между арабскими нефтедобывающими государствами и западными промышленными странами в вопросе выбора Ливана в качестве посреднического центра объясняется несколь-

кими факторами. Важнейшими из них являются относительная политическая стабильность, существовавшая в тот период в Ливане, и его официальная политика нейтралитета, базировавшаяся на принципе невмешательства в экономику. Надо сказать, что деятельность президентов и правительств, сменявших друг друга с 1943 г., когда страна получила независимость, до конца 1974 г., ограничивалась созданием и расширением мощной и современной инфраструктуры: сети местных и международных автомобильных дорог, Бейрутского международного аэропорта, морского порта Бейрута, электросети, телефонной сети, строительством школ, больниц и т.д.

К сказанному следует добавить, что официальная власть руководствовалась в своей деятельности относительно твердыми законами, содержание которых в своей совокупности было нацелено на благоприятствование процессам торговли, транзита и туризма. В частности, можно указать на законы, способствовавшие облегчению передвижения капиталов, как, например, закон тайны банковского дела, который обеспечил прилив арабских и иностранных капиталов в ливанские банки. Это явилось одной из важнейших причин развития банковского дела в Ливане. Другим аналогичным законом явился закон, разрешивший иностранцам поселение в Ливане, приобретение недвижимости, право работы и создание предприятий, а также участие совместно с ливанскими гражданами во всех законных сферах жизнедеятельности.

Этот экономический "инфитак", почти не подвергающийся официальному вмешательству, политический нейтралитет, фактор географического местоположения Ливана, занимающего середину восточного Средиземноморья, фактор нахождения в Бейруте иностранных университетов, активизировавших, научное движение и многие другие внутренние факторы – все это благоприятно сказалось на формировании арабских и международных отношений, явившихся главной причиной развития экономики. Стабильность страны и ее развитие тесно связаны со стабильностью всего региона. Ливан без своего окружения не может стабилизироваться и развиваться надлежащим образом.

13 апреля 1975 года возникла первая искра войны и после этого события развивались с нарастающей быстротой. В течение считанных месяцев эти события превратились в кровавую гражданскую войну, за которой последовали другие войны, последняя из которых была в 1989–90 гг.

Военные действия, которые продолжались в стране в течение долгих 16 лет (1975–1990 гг.), сильно обескровили ливанское общество и его экономику: произошло, например, уменьшение покупательной способности ливанского фунта, падение реального уровня заработной платы, снижение производительности во всех секторах экономики, эмиграция квалифицированной молодой рабочей силы, утрата международного доверия к Ливану и ухудшение психологического состояния населения, потеря ливанцами надежды на будущее и т.д. Последствия военных действий затронули интересы основных социальных групп ливанского народа и сильно ослабили экономические структуры страны.

Первый удар по экономике страны нанесла война 1975–1976 гг., в которой приняли участие палестинские вооруженные отряды, ливанские военные формирования и ливанская армия. После ввода сирийских войск на территорию Ливана и принятия решения о создании "арабских сил сдерживания" в некоторых горячих точках Ливана установилось относительное военное спокойствие.

В результате вторжения израильских войск на территорию Ливана (4 июня 1982 г.) произошла новая вспышка в ливанском конфликте, которая привела к жесткому военному столкновению между израильской армией и объединенными силами сирийской армии, палестинскими военными отрядами и некоторыми ливанскими военными формированиями.

Последствия этой войны серьезно не отразились на экономике Ливана, так как в 1982–83 гг. Ливан получил большую материальную помощь от ряда арабских стран и, прежде всего, от Саудовской Аравии и ливанцев, проживающих за рубежом.

В результате военных событий в 1986 году (особенно в восточном Бейруте и в районе Эль–Матен) ВВП снизился до 2312 млн.долл., т.е. на 50,7% по сравнению с 1983 г., когда он составлял 4690 млн.долл.

Война 1989–1990 гг. кончилась объединением законной власти в соответствии с "договором Тайфа". Этот период сильно отразился на ВВП, когда он снизился на 421 млн.долл. с 1988 г. по 1989 г. Тот факт, что ВВП немного увеличился к 1990 г. и достиг 2558 млн.долл., объясняется тем, что в последние месяцы этого года в Ливане была достигнута военная стабильность в результате свержения власти военных группировок.

Усиление различных политических партий, пользовавшихся поддержкой иностранных государств, постепенно привело к ослаблению официальной власти, и это дает нам право называть ливан-

ское государство того периода "ливанскими государствами" или "разделенными ливанскими эмиратами". Указанное выше разделение населения по религиозному признаку явилось причиной слома интегрированного цикла производства, разрушения внутреннего обмена, заброшенности значительной части сельскохозяйственных угодий, остановки производства, прекращения деятельности многих компаний, закрытия многих магазинов, гостиниц и т.д.

С одной стороны, военные группировки расходовали средства на свои военные и административные органы, параллельные государственным органам в тех районах, которыми они стали управлять в отсутствие официальной власти, а, с другой стороны, официальная власть, хотя и практически перестала существовать, не сократила свои расходы на безопасность и в судебной области.

Присутствие официальной власти ограничивалось административными функциями, т.е. официальные институты частично продолжали свою деятельность, проводя некоторые реформы и дотируя некоторые товары. Главной причиной больших внутренних расходов было разделение Ливана, усиление власти военных группировок за счет ослабления официальной власти государства. Достаточно сказать, что каждая партия создавала, подобно государству, свою милицию, судебные, воспитательные, административные, правовые органы, систему здравоохранения, свой морской порт, свои телестанцию и радиостанцию, газеты и журналы, элеваторы, склады запасов горючего и т.д., что требовало дополнительного финансирования.

Ослабление официальной власти и ее влияния на всех территориях Ливана, в частности, в тех областях, где правили религиозные военные группировки, привело к тому, что большинство граждан перестало уважать закон и выполнять его требования. По этой причине финансовые органы официальной власти не имели возможности собирать налоги и пошлины, особенно после 1983 г. Доходы государства после этого года ограничивались прибылью Центрального банка Ливана, которую он получал в результате своего вмешательства на рынок ценных бумаг, некоторые пошлины, как, например, земельные пошлины, пошлины на паспорта, на импорт и регистрацию автомашин и в иностранную помощь. В то же время государство было лишено тех налогов и пошлин, которые приносят серьезные доходы (таможенные пошлины, подоходные налоги, пошлины на транзит и на нефтепровод через территорию Ливана).

Надо сказать, что партии, создавшие собственные морские порты вдоль ливанского побережья, использовали их для получения оружия, военной техники, боеприпасов и продовольствия из-за рубежа. Со временем эти порты стали использоваться и для экспорта и импорта товаров за определенную плату в пользу военных группировок. Эти незаконные порты иногда использовались в целях контрабанды.

В 1976 году (в результате 2-х летней войны) доходы государства снизились до 52 млн.долл., т.е. составили лишь 17% от доходов 1974 года. После этого доходы стали постепенно расти до 1980 г., когда они достигли 848 млн.долл. В 1981 году (в результате военных событий в городе Захли) доходы государства снова снизились до 373 млн.долл. После 1983 г., когда доходы государства достигли своего рекордного значения (968 млн.долл.), т.е. в 2,2 раза больше чем в довоенном 1974 г., они стали постоянно снижаться.

Сокращение общих доходов, имевшее различные причины, отнюдь не оправдывает политику общих расходов, не отличавшуюся рациональностью. Эта политика сыграла наибольшую роль в приведении экономического положения Ливана на грань катастрофы в конце войны. Как известно, во всех странах, когда-либо переживавших войны и экономические кризисы, первое, что делает государство, – ужимает свои расходы до максимально возможных пределов, лишь бы не остановилось производство. В Ливане же общая финансовая политика развивалась в обратном направлении. Это объясняется тем, что сражения, проходившие на ливанской земле, отчасти диктовали проведение такой политики. После каждого сражения государство вынуждено было восстанавливать все, что было разрушено, в том числе электросети, систему водоснабжения, телефонные линии, здания министерств и ведомств. С другой стороны, проведение такой политики было связано со стремлением государства облегчить народу бремя этого кризиса посредством дотаций некоторых продуктов, таких как горючее и зерно.

Экономический кризис 1987 г., внутренние противоречия и внешнее влияние были настолько глубокими, что их последствия сильно сказались на ухудшении политической ситуации в Ливане и привели к войне 1988 г.

Можно утверждать, что политика президентов и правительств, которые сменяли друг друга у власти на протяжении всего периода после достижения Ливаном независимости вплоть до начала

событий и которые проводили в определенной мере дифференцированный подход к выделению ассигнований на государственные проекты в отношении различных регионов, министерств и т.д., – сама эта политика явилась одной из причин того, что некоторые лидеры партий, которые пришли к власти во время этих событий, стремились выделять государственные средства на улучшение положения прежде всего в своих районах. Они хотели подтянуть их до уровня других районов, пользовавшихся несколько большим вниманием властей до начала событий. Однако все эти государственные расходы осуществлялись в условиях неспособности правительства собрать причитающиеся ему налоги и пошлины, что вынуждало его брать кредиты. Но поскольку будущее Ливана оставалось неясным как для арабских, так и для других зарубежных государств, они воздерживались от предоставления Ливану крупных займов. Ввиду этого правительство было вынуждено обращаться к Центральному банку. Его главная забота состояла в том, чтобы обеспечить потребности государственного бюджета, вне зависимости от того, была ли подобная политика расходования средств разумной или нет. Несомненно, что подобная позиция Центрального банка способствовала сохранению государственных институтов. И вместе с тем она имела весьма опасные последствия для граждан и, в несколько меньшей степени, для коммерческих банков, которые уже не могли выполнять своей основной функции, состоявшей в увеличении капиталовложений в форме предоставления кредитов предприятиям производственной сферы и сферы обслуживания. Они были вынуждены нести на своих плечах тяжелое бремя обеспечения потребностей государства, ввиду своей подчиненности государственному финансовому законодательству, которое разрабатывалось Центральным банком Ливана и постепенно превратилось в препятствие на пути осуществления ими нормальной деятельности. Это привело во второй половине 80-х годов к банкротству некоторых банков.

Кредиты, предоставлявшиеся коммерческими банками различным отраслям экономики, возросли с 2424 млн.долл. в 1974 г. до 5975 млн.долл. в 1983 г., побив рекорд кредитования за всю историю ливанских событий. Большая часть этих кредитов была предоставлена предприятиям сферы обслуживания, поскольку эта сфера являлась наиболее надежной с точки зрения скорости погашения выделенных ей кредитов. К факторам, которые позволили этим банкам увеличить свои кредиты предприятиям производственной сферы в условиях продолжавшей оставаться нестабиль-

ной политической ситуации в стране, относятся, во–первых, те значительные средства, которые переводили в эти банки ливанцы, работавшие за рубежом и, во–вторых, сохранявшаяся в течение практически всего рассматриваемого периода относительная финансовая стабильность. Средний уровень курса доллара по отношению к ливанскому фунту не превысил в эти годы показателя в 5,59 лив, фунтов за один доллар, т.е. рост его курса к концу этого периода составил лишь 139,9% по отношению к 1974 г., и когда один доллар стоил 2,33 лив, фунта.

Что касается аграрного сектора ливанской экономики, то он подвергся тяжелым испытаниям, которые привели к его ослаблению. Важнейшие из них сводятся к следующим обстоятельствам:

- запустение многих сельскохозяйственных угодий, а также пожары и вырубку посадок в ходе военных действий в результате их обстрелов и бегства населения;

- выход из строя внутренних коммуникаций и изоляция одних районов Ливана от других препятствовали сбыту товаров внутри страны и затрудняли их нормальную и своевременную доставку потребителю, что зачастую вело к порче части продукции;

- перебои в подаче электроэнергии вызывали остановки в работе значительного числа крупных холодильников, предназначенных для хранения фруктов и овощей для последующего экспорта большинства из них;

- высокие цены на удобрения и применяемые в сельском хозяйстве инсектициды;

- дороговизна транспортных перевозок,

- утечка из аграрного сектора квалифицированной рабочей силы;

- недостаточность кредитования этого сектора со стороны коммерческих банков и прекращение его кредитования со стороны государства.

Промышленный сектор по сравнению с другими секторами ливанской экономики пострадал во время событий в наибольшей степени. Это было обусловлено целым рядом причин, к важнейшим из которых относятся:

- полное разрушение в период ливанских событий 17,8% общего числа промышленных предприятий и частичное разрушение значительного количества других;

- недостаточность кредитования сферы промышленности со стороны Национального банка по развитию промышленности и туризма;

– малые размеры заводов, мастерских и фабрик, общее количество которых составляло в 1990 г. 16894 промышленных предприятия. На большинстве из них (т.е. на 9411, составлявших 55,7% от общего числа промышленных предприятий Ливана) количество занятых не превышало 5 человек. Такая ситуация служила фактором увеличения себестоимости продукции. Следует заметить также, что около 40% всех промышленных предприятий в 1990 г. не работали;

– почти полная изоляция Ливана от окружающего мира вследствие происходивших в стране событий, приводившая к отставанию в сфере внедрения современного оборудования и передовых методов производства. Это отставание особенно усилилось после 1983 г., когда общая стоимость ливанского импорта промышленного оборудования упала соответственно до 34,96 млн.долларов в 1984 г., а затем до 10,38 млн.долларов в 1985 г., 8,87 млн.долларов в 1986 г. и около 2 млн.долларов в 1987 г., тогда как эта цифра в 1983 г. достигала 119,35 млн.долларов, что привело к отставанию большинства отраслей ливанской промышленности от их зарубежных аналогов с точки зрения объема и качества продукции, ее технологических характеристик, а также качества упаковки;

– трудности сбыта продукции внутри страны вследствие военных действий, ее конкуренции с товарами иностранного производства, а также в результате ограничений, налагавшихся властями отдельных районов;

– эмиграция из страны квалифицированной рабочей силы;

– перебои в работе бейрутского порта вследствие периодически вспыхивавших в столице боев;

– периодические перебои в подаче электроэнергии и водоснабжения, неоднократные случаи отключения телефонной сети;

– дороговизна альтернативных по отношению к электричеству источников энергии, таких как газ и нефтепродукции, к использованию которых было вынуждено прибегать большинство ливанских заводов, что повышало себестоимость их продукции;

– рост стоимости транспортных услуг;

– налоги, которыми облагали вооруженные формирования владельцев заводов (в качестве платы за лояльное отношение к последним).

После 1974 г. сфера обслуживания страны столкнулась с многочисленными трудностями, и доходы основных ее отраслей (туризма и транзитной торговли) стали снижаться. Это было вы-

звано тем, что развитие данной сферы требовало, во-первых, внутренней стабильности и, во-вторых, – стабильности региональной, а именно этого и не было в течение периода военных действий.

Заметный ущерб был нанесен внешней торговле Ливана. В частности, стоимость экспорта снизилась с 1124 млн.долл. в 1974 г. до 510 млн. в 1990 г., тогда как импорт вырос с 1803 до 2396 млн. за эти же годы. Негативные тенденции в соотношении экспорт/импорт усугублялись утратой Ливаном роли центра междоународной транзитной торговли, оттоком капиталов, уменьшением денежных поступлений от ливанцев, работавших за рубежом.

С другой стороны, наблюдалось оживление внутренней торговли из-за ослабления внешней, т.к. бывшие экспортеры стали в большем количестве направлять продукцию на внутренний рынок, а также из-за изоляции различных ливанских районов друг от друга, в результате чего многие местные производители товаров получили дополнительный стимул вследствие искусственного отсутствия конкуренции.

3. ВОЗДЕЙСТВИЕ ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ НА ЛИВАНСКУЮ ЭКОНОМИКУ

После 1974 г. возникли новые внешние факторы, влияние которых на развитие экономики Ливана было преимущественно отрицательным. В этот период внешние и внутренние обстоятельства, особенно те, которые были вызваны войной, сыграли определенную роль в сокращении темпов развития ливанской экономики.

А. АРАБО–ИЗРАИЛЬСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Это противостояние началось еще до 1948 г. и принимало самые разнообразные формы. Оно выливалось в прямые военные действия (войны 1948, 1967, 1973 и 1982 гг.) между арабскими странами, в первую очередь – непосредственно противостоявшими Израилю, с одной стороны, и Израилем – с другой; принимало опосредованные формы (столкновения, происходившие между вооруженными палестинскими формированиями и организациями и израильской армией); проявлялось в экономических противоречиях и конфликтах, например, в бойкоте арабскими странами израильских товаров, в поднятии цен на нефть, после октябрьской войны 1973 г. в целях оказания давления на промышленно развитые страны, оказывавшие экономическую поддержку Израилю, а также в других

формах "горячей" и "холодной" войны, которые негативно повлияли на всех участников конфликта, в том числе и на Ливан.

В военном отношении Ливан был слабейшим звеном среди всех противоборствующих сил в регионе. В 1973 г. произошло первое военное столкновение между вооруженными отрядами палестинцев и ливанской армией в районах Эль-Деквани и Телль-Заатар. После этого для палестинцев и многочисленных ливанских партий в страну стало ввозиться оружие, поступавшее из различных источников. Военное поражение палестинцев в ходе событий в Иордании подтолкнуло их к поиску поддержки со стороны других стран, которые могли бы помочь им оказывать вооруженное противодействие Израилю. Все отряды палестинского движения сопротивления начали создавать свои военные базы в Ливане, совершая нападения и налеты через границу на территорию Израиля. Израиль отвечал на эти действия бомбардировками военных баз палестинцев и их союзников из числа различных ливанских партий. Большинство палестинских баз концентрировалось на территории палестинских лагерей в различных городах страны и в сельской местности, главным образом, на юге Ливана. Так продолжалось вплоть до 1982 г., когда Израиль совершил вторжение в Ливан, а его армия дошла до предместий Бейрута. Вторжение сопровождалось жестокими боями в пригородах Бейрута, в горном Ливане и долине Бекаа между израильской армией, палестинскими формированиями и вооруженной милицией некоторых ливанских партий. Эти бои привели к гибели множества людей и бегству десятков тысяч мирных жителей из районов военных действий. Материальные потери, вследствие войны 1982 г., оцениваются приблизительно в 1090 млн.долларов, из которых 320 млн.долларов составил объем падения валового внутреннего продукта и 770 млн.долларов – прямые убытки, вызванные опустошением сельскохозяйственных угодий, разрушением ферм, а также исторических памятников, находящихся в районах городов Сайда и Тир, уничтожением промышленных предприятий, электростанций и туристических центров, расположенных в Шувейфате, Хальде и окрестностях Бейрута.

Отход израильской армии в 1983 г. на юг Ливана не привел к радикальному изменению ситуации. Страна продолжала оставаться местом столкновения различных интересов в арабо-израильском противоборстве.

Такая ситуация сохранялась вплоть до 1990 г., будучи основным фактором в ряду внешних обстоятельств, препятствовавших экономическому развитию Ливана, воздействие которого продол-

жается вплоть до настоящего времени. К этому следует добавить прямые материальные убытки, которые нес Ливан в результате каждой новой вспышки военных действий. Политическая нестабильность и "подвешенность" ситуации препятствовали притоку в Ливан не только иностранных и арабских долгосрочных инвестиций, но и капиталовложений со стороны самих ливанцев. Нерешенность конфликта сыграла свою роль и в том, что ливанскому капиталу был закрыт доступ на мировые рынки, а все обосновавшиеся в Ливане иностранные и арабские компании стремились вывезти свои капиталы в соседние страны, где политическая обстановка была стабильной (например, на Кипр, в ОАЭ и другие государства).

Арабо–израильское противостояние стало оказывать особенно сильное воздействие на экономику Ливана после 1973 г., вызвав, наряду с внутренними факторами (прежде всего, столкновениями между вооруженными формированиями различных партий), снижение объема инвестиций частного капитала в экономику Ливана и сокращение накоплений частного сектора в отдельные годы периода ливанских событий.

В частности, доля накоплений частного сектора снизилась до 57 млн.долларов в 1975 г., а в 1976 г. даже составила отрицательную величину (– 158 млн.долларов). Это означало, что в указанный год частный сектор был вынужден брать кредиты для покрытия потребительских расходов и поддержания существующих инвестиционных проектов, чтобы воспрепятствовать их полному крушению.

Во время войны 1975–1976 гг., которая охватила Бейрут и горный Ливан, большинство заводов и предприятий сферы обслуживания было вынуждено прекратить работу, а некоторые из них оказались полностью или частично разрушенными. Вследствие этого многие индивидуальные вкладчики были вынуждены изымать из банков свои сбережения, дабы обеспечить удовлетворение повседневных потребностей.

Одной из причин этой войны, безусловно, был "палестинский фактор", что объясняет участие в ней всех вооруженных отрядов палестинского сопротивления, пользовавшихся поддержкой противостоявших Израилю арабских стран.

В 1983 г. после войны между сирийской армией, палестинцами и некоторыми ливанскими силами – с одной стороны и Израилем – с другой, накопления частного сектора упали на 51,4% по сравнению с 1982 г., составив 934 млн.долларов в 1983 г. против 1920 млн.долларов в 1982 г. В 1989 г. они сократились до 202

млн.долларов, составив лишь 27,8% от их совокупности в предшествующем, 1988 г., когда они были равны 727 млн.долларов. В 1990 г. они еще больше сократились, составив отрицательную величину (– 586 млн.долларов).

Ситуация мало изменилась и в середине 90–х годов. Дело в том, что местные и иностранные вкладчики по–прежнему опасаются инвестировать средства в Ливан из–за продолжающейся нестабильной внешней обстановки, связанной с неурегулированностью сирийско–израильских отношений. Как известно, сирийские войска продолжают контролировать некоторые ливанские районы, а израильские – часть южных районов страны. Кроме того, сирийские войска по сути дела "прикрывают" те районы Ливана, где находятся базы проиранской партии "Хизболла", постоянно совершающей нападения на израильские войска. Последние отвечают бомбардировками и налетами, но предпринять более эффективные меры не в состоянии, опасаясь войти в прямое столкновение с сирийскими войсками, т.к. это может нарушить процесс переговоров по разблокированию ближневосточной ситуации.

Б. ИРАНО–ИРАКСКАЯ ВОЙНА

Эта война, продолжавшаяся с 1979 г. до конца 1988 г., оказала отрицательное воздействие на ливанскую экономику. Ирак вплоть до конца 1980 г. был вторым среди арабских государств (после Королевства Саудовская Аравия) импортером ливанской сельскохозяйственной и промышленной продукции. Объем ливанского экспорта возрос с 75 млн.долл. в 1975 г. – до 152 млн. долл. в 1980 г. Однако, начиная с 1983 г., его объем начал постепенно сокращаться, и к 1990 г. уже не превышал 20 млн. долларов. Главные причины сокращения объема ливанских поставок Ираку сводятся к ряду факторов, важнейшими из которых были:

а) переход Ирака к закупке преимущественно оружия, боеприпасов, военного снаряжения и сокращение импорта другой продукции до минимума;

б) отсутствие безопасности морских перевозок товаров в Ирак вследствие военных действий, которые не щадили торговые суда, следовавшие через Персидский залив в то или иное из враждующих государств;

в) осторожность ливанских торговцев, опасавшихся неспособности Ирака выполнить свои финансовые обязательства по торговым соглашениям или задержек в их выполнении;

г) двухстороннее соглашение между Ираком и Турцией, в соответствии с которым Ирак стал закупать турецкую продукцию в качестве платы за транзит своей нефти через территорию Турции;

д) экономическое соглашение между Ираком и Иорданией, которое превратило последнюю в перевалочный пункт, через который осуществлялись поставки товаров в Ирак. Это повысило активность иорданского порта Акаба за счет Бейрута, ранее обслуживавшим Ирак.

В. ИРАКСКАЯ АГРЕССИЯ ПРОТИВ КУВЕЙТА

Вторжение Ирака в Кувейт спровоцировало ввод иностранных войск в район Персидского залива, вызвало разрушение сначала кувейтской, а затем и иракской экономики. Эти обстоятельства нанесли серьезный ущерб Ливану. Например, ливанский экспорт в Саудовскую Аравию сократился на 55%, в Кувейт – упал до нуля. Оказались нарушенными связи с другими нефтедобывающими арабскими странами Персидского залива. Кроме того, многие ливанцы, работавшие в этих странах, были вынуждены их покинуть, что не только привело к росту безработицы в Ливане, но и уменьшило сумму переводов денежных средств в Ливан. Общий ущерб, нанесенный экономике страны в результате кризиса в Персидском заливе, оценивается почти в 2 млрд.долл., т.е. он был практически равен ВВП Ливана в 1990 г. (2,6 млрд.долл.).

4. СОЦИАЛЬНО–ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЛИВАНА ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Экономические аспекты социальных изменений, происшедших в ливанском обществе за годы войны, можно в основном свести к следующим:

а) За 16 лет войны Ливан потерял 170 тыс. человек. Большинство из них составляла молодежь. Количество раненых оценивается примерно в 300 тыс. человек, из которых 12 тыс. пожизненно остались инвалидами. К концу 1990 г. в Ливане оставалось примерно 2570 тыс. жителей.

б) Количество мигрантов, переселившихся из одного района Ливана в другой вследствие военных действий, составило около 800 тыс. человек. Кроме того, из Ливана в арабские и другие зарубежные страны в годы войны выехало 550 тыс. человек. Среди них были как арабы, так и иностранцы, постоянно проживавшие в Ливане. Эти эмигранты по своей принадлежности к секторам экономики делятся на следующие группы: 15% – занятые в сфере про-

мышленности; 12% – в строительстве и различных видах ремесленнических работ; 37% – в сфере финансов, страхования, торговли и гостиничного обслуживания. Остальные являются представителями свободных профессий, студентами или людьми без специальности.

в) В результате боевых действий был нанесен ущерб 46600 домам, из которых 12500 нуждались в полной реконструкции, а остальные – в ремонте. Большая часть жителей этих домов была вынуждена переселиться в различные учреждения, гостиницы и больницы из-за трудностей в найме жилья, поскольку ливанский закон о найме жилья в течение многих лет не изменялся. Этот закон устанавливает такой порядок аренды жилья, при котором новый договор об аренде должен заключаться на тех же условиях, что и прежний, что не учитывает изменения покупательной способности фунта в течение прошедших лет. В результате наносился ущерб правам собственников, сдающих жилье в аренду, и возникали серьезные затруднения для заключения новых соглашений об аренде, а это, в свою очередь, тормозило инвестиции в строительство и обостряло проблему жилья, особенно в городах.

г) Медицинское обслуживание и здравоохранение получили некоторое развитие в годы войны. Это было вызвано рядом причин, среди которых – принятие министерством здравоохранения на себя обязательства, начиная с 1983 г., частично или полностью оплачивать пребывание в больницах необеспеченных граждан. Однако, Национальный фонд социального обеспечения оказался не в состоянии платить по обязательствам министерства, что впоследствии побудило различные партии частично взять эту функцию на себя, т.е. оплачивать больничный уход за своими бойцами, членами партий и сторонниками.

Вместе с тем необходимо отметить, что значительное количество врачей и специалистов эмигрировало из страны по различным причинам, наиболее важными из которых был низкий уровень зарплаты врачей в Ливане по сравнению с другими странами, а также опасения медиков, вызванные ситуацией в стране.

д) Транспортные расходы превратились в серьезную проблему для рабочих и служащих вследствие непомерного роста этих расходов. Почти полное отсутствие общественного транспорта практически во всех районах Ливана, перебои в его работе, неудовлетворительное состояние транспортной сферы в Бейруте вызвали обострение данной проблемы для каждого ливанца. Это привело к тому, что обладание собственным автомобилем стало необхо-

димым условием для работы каждого. А поскольку цены на новые автомобили были непомерно высокими, значительно активизировалась деятельность ливанских торговцев подержанными автомашинами, специализирующихся на импорте из развитых стран. Вследствие увеличения парка подержанных автомобилей в стране возрос процент аварий. В то же время значительно увеличилось количество ремонтных мастерских и магазинов автозапчастей.

е) Уровень государственного и частного образования в целом понизился. Значительно увеличилось количество детей, бросивших учебу: 34% – в начальной школе и 25% – в средней.

ж) В 1974 г. большинство ливанцев принадлежало к среднему и обеспеченному классу, состоявшему из двух основных групп: во-первых, это были люди, работавшие на собственной земле, обеспечивавшей им жизненный достаток, и во-вторых – лица, жившие за счет свободных профессий, а также служащие государственного и частного секторов, получавшие регулярную относительно высокую месячную зарплату, а также медицинское пособие, пособие на семью и т.д. Эти люди составляли в том году 74% населения Ливана.

Класс наиболее богатых людей был представлен 4% населения. Он включал владельцев заводов, предприятий и больших фирм, крупных землевладельцев, финансистов, владельцев туристических гостиниц, финансовых учреждений и банкиров.

В 1988 г. социальная ситуация в стране изменилась. Увеличилась доля богатых людей, к которым присоединились некоторые ливанцы, преуспевшие в бизнесе за границей, а также местные жители, сумевшие использовать нестабильную внутреннюю ситуацию, в своих интересах, и те, кто разбогател на войне. Класс богатых вырос до 9% населения. Что касается среднего класса, который прежде составлял подавляющее большинство населения страны, то уровень его благосостояния снизился, и в своем большинстве представители этого класса превратились в бедных и обездоленных. Представители среднего класса и класса обеспеченных людей составили не более 38% населения. Что же касается оставшейся части населения (53%), то они превратились в нищих. После полутора десятилетий военных и политических потрясений, завершившихся политическим соглашением под эгидой Арабской трехсторонней комиссии, которое положило конец военным действиям в стране, были расчищены завалы и открыты проходы между различными районами Ливана. Тем не менее экономическая ситуация оставалась неясной и после окончания войны.

Производительность труда значительно снизилась, почти полностью отсутствовали иностранные инвестиции, инфляция сохранялась, продолжалась эмиграция квалифицированных кадров, постоянно росла задолженность государства, в состоянии почти полного развала находилась инфраструктура и т.д.

5. ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО–ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ ЛИВАНА

13 октября 1990 г. была проведена крупная военная операция, в результате которой произошло снятие заслонов, перекрывавших дороги между различными районами Ливана. Вслед за этим были сформированы органы центральной государственной власти, провозглашен единый "Большой Бейрут", границы которого на юге прошли по реке Дамур и на севере – по реке Эль–Кальб. У партий было изъято тяжелое вооружение, объединена ливанская армия и восстановлен государственный контроль над портами, международным бейрутским аэропортом и контрольно–пропускными пунктами на границах. К выполнению своих функций приступили судебные органы. После окончания событий в стране сменилось три кабинета министров. Произошли выборы членов Палаты депутатов в соответствии с принципами пропорционального представительства различных общин, согласованными на конференции в Таифе, были назначены управляющие Центральным банком Ливана и т.д. Тем не менее Ливану досталось тяжелое наследие последствий длительной гражданской войны, многие аспекты которого будут оказывать свое негативное воздействие на социально–экономическое развитие страны.

Данные об ущербе, нанесенном стране военными действиями, носят приблизительный, оценочный характер, поскольку материальные потери Ливана не ограничиваются только тем, что было разрушено, сожжено и разграблено, а включают также многое из того, что не поддается учету или оценке. В сумму ущерба следовало бы включить, например, те суммы, которые могли бы поступить, но не поступили в государственную казну вследствие сокращения капиталовложений в экономику или паралича, охватившего сферу туризма, а также средства, которые ушли на покрытие дополнительных расходов, связанных с прекращением работы государственных инвестиционных учреждений по тем или иным причинам.

Наряду с этим, например, перебои в электроснабжении, нередко случавшиеся в годы войны, заставляли людей использовать альтернативные виды топлива (нефть, газ, древесину и т.д.), что было значительно дороже использования электричества и, следовательно, вело к дополнительным расходам, объем которых также чрезвычайно трудно оценить.

Этот последний и другие многочисленные примеры, в конечном итоге, свидетельствуют о значительном ущербе, понесенном ливанской экономикой в годы войны. Приблизительные цифры на этот счет, однако, имеются. Так, комиссия по экономическим исследованиям при агентстве "Франс-Пресс", опираясь на проведенные ей расчеты, оценивает потери, понесенные инфраструктурой ливанской экономики в течение всего периода ливанских событий, в 15 млрд.долларов. По оценке Международного банка, однако, общая сумма потерь и ущерба превышает вышеуказанную и достигает 20 млрд.долларов.

В результате проводимой в 90-е годы политики темпы роста внутреннего государственного долга стремительно возросли, угрожая подлинной катастрофой для страны. Например,

- внутренний долг страны увеличился с 2398 млн.долл. в 1990 г. до 3854 млн.долл. в 1993 г.; т.е. ежегодный прирост в среднем составил 20,2%;

- ссуды, полученные государством от коммерческих банков, возросли с 904 млн.долл. в 1990 г. до 2801 млн.долл. в 1994г., т.е. их среднегодовой прирост составлял 69,9%, в то время как объем ссуд, полученных государством от Центрального банка Ливана, сократился с 703 млн.долл. в 1990 г. до 506 млн.долл. в 1994 г., т.е. их среднегодовое снижение составило 9,3%. Это означало перенос основного бремени внутреннего долга на коммерческие банки с Государственного банка Ливана и госбюджета. Следствием этого явился кризис, охвативший ряд коммерческих банков;

- ссуды, предоставленные государственному сектору от государственных финансовых организаций и частных лиц, возросли с 222 млн.долл. в 1990 г. до 741 млн.долл. в 1993 г., т.е. их ежегодное увеличение составило 77,9%. Это означало, что частные лица (частный сектор) предпочитали вкладывать свои деньги под постоянные и гарантированные проценты путем покупки государственных облигаций, а не инвестировать эти средства в производственные сектора или в сферу обслуживания, что является свидетельством недоверия частного сектора в отношении стабильности существующей ситуации в стране в целом.

13 сентября 1993 г. было заключено соглашение о взаимном признании (соглашение Газа–Иерихон – в первую очередь) между ООП и Израилем. Подписание этого соглашения состоялось в рамках мирного плана ближневосточного урегулирования, разработанного США. Затем, 7 июня 1994 г. было подписано соглашение о взаимном признании и демаркации границ между Иорданией и Израилем, за которым последовало подписание иордано–израильского договора о мире.

Политическая судьба Ливана оставалась неясной в течение всего периода, наступившего после окончания ливанских событий и вплоть до 27 октября 1994 г., когда президент Клинтон во время пресс–конференции в зале Народного дворца в Дамаске по окончании своей встречи с президентом Сирии Асадом заявил: "Я буду настойчиво стремиться к тому, чтобы на Ближнем Востоке воцарился мир, и почувствую себя спокойным лишь тогда, когда будут заключены мирные соглашения между Израилем, Сирией и Ливаном". Президент Асад, в свою очередь, заявил: "Исходя из принципа полного вывода войск в обмен на всеобъемлющий мир, я подчеркиваю готовность Сирии установить нормальные мирные отношения с Израилем в обмен на полный отход Израиля с Голанских высот к границам, существовавшим 4 июня 1967 г., а также с юга Ливана". В последнее время израильскими официальными лицами неоднократно делались заявления, суть которых сводилась к тому, что Израиль не претендует ни на южный Ливан, ни на его водные ресурсы, однако хочет получить серьезные гарантии способности ливанского государства и ливанской армии установить свой контроль над территорией южного Ливана, с тем чтобы она не использовалась какими–либо вооруженными группами для проведения враждебных акций против Израиля.

Фактор политической стабильности является основным и необходимым условием социального прогресса и развития экономики любого государства мира, в том числе и Ливана. Конечно, это не единственное обстоятельство, которое способствует постоянному повышению уровня жизни и культуры народа и которое двигает колесо экономики вперед. Однако, без всякого сомнения, именно политическая стабильность является важнейшим фактором, без реализации которого невозможны нормализация положения в обществе и естественный поступательный рост его экономики. Политическая стабильность создает необходимые условия для осуществления процесса инвестирования, несомненно, при условии, что наряду с этим фактором действуют и другие, дополняющие его,

такие как наличие современных учреждений государственного управления и инфраструктуры, в том числе электро- и телефонной сети, водопровода, современных средств связи, транспорта и т.д., а также наличие денежно-финансовой стабильности, безопасности банковской деятельности, правильной стратегии развития, разумной налоговой политики государства, postoянства законов и законодательных актов, их справедливого характера (в особенности, последнее относится к законам о труде, о заработной плате, о социальных гарантиях, о гарантиях в сфере здравоохранения и т.д.), т.е. наличие факторов, регулирующих отношения между рабочими и предпринимателями, а также многочисленных других.

Данные об увеличении внутренних капиталовложений частного сектора свидетельствуют, что частный сектор в Ливане расширял или сокращал объем капиталовложений, исходя в процессе принятия соответствующих решений из ряда показателей и пропорций, таких как, например, наличие необходимых финансовых средств, вероятный объем спроса и предложения как внутри страны, так и за рубежом, общий уровень цен, размер налогов и пошлин на произведенную продукцию и предоставляемые услуги, покупательная способность населения, налоги на импорт и экспорт и регламентирующее эти процессы законодательство, а также многочисленные другие факторы, важнейшим из которых была степень политической стабильности в стране, увеличивавшая или уменьшавшая риск капиталовложений.

Несмотря на негласное соглашение между ливанцами о необходимости возрождения единого Ливана, инвестиционная деятельность частного сектора находилась ниже требуемого уровня, которого, как первоначально предполагалось, она достигнет после окончания ливанских событий. Для ливанских инвесторов, находившихся в стране, были характерны выжидание и настороженность. Причина этого состояла в том, что, с точки зрения военной ситуации, положение в стране только-только стабилизировалось, а политическая стабильность еще не обозначилась со всей очевидностью. Ввиду этого степень риска для потенциальных инвесторов, живших в условиях реальной действительности со всеми ее неожиданными поворотами, продолжала оставаться высокой, что не способствовало долгосрочным капиталовложениям. Все эти обстоятельства привели к тому, что значительная часть капиталовложений оказалась направлена в сферу строительства и вложена в недвижимость, где степень риска для инвесторов была ниже, нежели в производственном секторе, сфере обслуживания и других

отраслях экономики (за исключением торговли). В 1993 г. экономика Ливана функционировала лучше по сравнению с 1991 и 1992 годами. Совет по развитию и реконструкции сдал в аренду частным компаниям некоторые нуждавшиеся в инвестициях государственные службы и предприятия, такие как телефонная сеть и ряд объектов электроэнергетики. Это стимулировало частный сектор на увеличение капиталовложений. Однако, острый конфликт, вспыхнувший между Всеобщей федерацией профсоюзов рабочих и кабинетом министров по вопросу об изменении минимума заработной платы, который не удовлетворял рабочих, а также военные столкновения, происходившие на юге Ливана, привели к некоторому ограничению роста объема инвестиций. Можно коротко охарактеризовать ситуацию в сфере инвестиционной деятельности частного сектора и уровень капиталовложений в целом как недостаточные, особенно по сравнению с ожидавшимися. Главной причиной, ограничивавшей объем капиталовложений, была неуверенность местных и иностранных предпринимательских кругов в стабильности обстановки в Ливане. Данный фактор будет оставаться серьезным препятствием на пути развития данной сферы вплоть до окончания арабо–израильских переговоров и достижения на них очевидных положительных результатов.

Недополучение Ливаном обещанной ему помощи и необходимых кредитов, медлительность арабских и других иностранных государств в возобновлении работы их посольств в Ливане и недостаточно оперативное восстановление бейрутского международного аэропорта и порта, как важных транспортных и транзитных узлов, – все это было связано с политическим фактором в большей степени, чем с каким–либо другим, и создавало трудности на пути возрождения ливанской экономики.

Если после окончания ливанских событий официальная затратная политика сдерживала развитие производственных предприятий и предприятий сферы обслуживания вследствие недостаточности внимания к ним со стороны государства, а финансовая политика, направленная на погашение государственных расходов, даже наносила им определенный косвенный ущерб, то финансовые потребности государственного бюджета удовлетворялись за счет, в основном, четырех источников: поступлений от налогов, пошлин, капиталовложений и т.д.; внутренних займов в форме прямых денежных ссуд или в форме продажи государственных облигаций; внешних займов и займов в твердой валюте; безвозмезд-

ной помощи от зарубежных государств и международных организаций.

Все эти поступления в соответствии с их постатейным распределением в бюджете можно объединить в следующие группы:

1) Прямые налоги и пошлины, включавшие подоходный налог, налоги на строения, пошлины на перевозки и на личные автомобили, налоги на лесопосадки, нотариальные и судебные пошлины и марки, дорожные и регистрационные сборы, страховки, консульские сборы, пошлины за выезд с территории Ливана и т.д.

2) Косвенные налоги и пошлины, включавшие в себя пошлины на горючие материалы, на алкогольные и безалкогольные напитки, на соль, табак, налоги на увеселительные заведения и казино, на цемент, таможенные и иные сборы.

3) Совокупные поступления от государственной собственности и капиталовложений, включавшие доходы от деятельности почты и телеграфа, издания официальных газет, судебного бюллетеня, деятельности Управления по контролю за производством и использованием взрывчатых материалов, эксплуатации портовых маяков и т.д.

4) Различные иные поступления, включавшие пенсионные отчисления, денежные штрафы, доходы от работы портов и аэропорта, проценты по денежным вкладам и имуществу, отданному в залог, бюджетные отчисления компаний, наделенных определенными льготами, а также нефтяных компаний, плата за аренду ресторана бейрутского аэропорта, поступавшие в бюджет доходы от ливанского казино, пошлины за регистрацию учащихся государственных школ и сдачу государственных экзаменов, доходы от эксплуатации телефонной сети, а также 80% суммы валютных поступлений Центрального банка Ливана.

5) Нерегулярные, единовременные поступления, включавшие полученные государством займы, безвозмездную помощь и т.д.

Поступления в госбюджет в 1991, 1992 и 1993 г. составляли соответственно 461, 529 и 994 млн.долларов. Однако фактически эти показатели составили соответственно 538, 534 и 1047 млн. долларов. Это означало, что реальные доходы государства в период после окончания вооруженных действий в стране превышали запланированные.

Сократить дефицит государственного бюджета, как это планировалось, не удалось. Например, в 1994 г. фактический дефицит превысил запланированный на 15%.

Для покрытия дефицита бюджета государство прибегало к внутренним займам либо в форме прямых денежных ссуд, либо путем продажи государственных облигаций под высокий процент, с погашением их стоимости и выплатой процентов по истечении трех, шести, двенадцати или двадцати четырех месяцев с момента их выпуска или в соответствии с их тиражом. Эти облигации в большинстве своем закупались населением, государственными учреждениями и коммерческими банками.

Присвоение государством большей части имевшихся в наличии в стране финансовых средств, причем в количествах, превышавших его потребности, привело к увеличению суммы процентов по его внутреннему долгу до 800 млн.долларов в 1994 г., что еще более усугубляет проблему задолженности. Если в сентябре 1992 г. открытый счет кабинета министров в Центральном банке Ливана имел дебит в 520 млрд. ливанских фунтов, то в конце 1993 г. этот счет уже характеризовался кредитом в объеме 1231 млрд. ливанских фунтов. Это означало, что количество выпускавшихся государством облигаций порой превышало имевшиеся у него финансовые потребности.

Политика обращения к внешним займам стала проводиться ливанским правительством в широких масштабах после принятия в 1992 г. "Плана экономического развития на первом этапе". Это было обусловлено потребностью Ливана в значительных средствах после прекращения вооруженных действий на его территории, необходимых для восстановления разрушенных предприятий, строительства и развития экономической инфраструктуры, находившейся после войны в состоянии почти полного паралича. Политика получения займов из-за рубежа несет в себе определенную опасность, поскольку зависит от успеха или провала переговоров о мире на Ближнем Востоке и положения Ливана в случае заключения такого мира.

Опасность получения внешних займов была связана с угрозой разрушения ливанской экономики в случае какого-либо даже ограниченного политического потрясения, подобно тому, которое произошло в конце 1993 г., когда общий объем ливанского долга составлял около 5471 млн.долл., из которых 1617 млн.долл. приходилось на внешний долг и 3854 млн.долл. – на внутренний долг.

В результате сумма долга на 1,6% превышала валютные резервы Банка Ливана и его золотые запасы вместе взятые.

Безвозмездная помощь, которую Ливан получал от различных государств, а также международных организаций, способству-

ет развитию ливанской экономики в период после окончания ливанских событий.

Застой, охвативший ливанскую экономику начиная со второй половины 1993 г. и продолжавшийся вплоть до конца 1995 г., может привести, если не сменится подъемом, к закрытию большей части предприятий и тем самым – к социально-экономическому кризису, масштабы которого трудно предсказать. Чтобы избежать данной опасности был сформирован "Правительственный комитет по ускорению экономического развития". Эта мера свидетельствует о желании правительства преодолеть то состояние спада, которое переживает экономика, и избежать его негативных социально-экономических последствий. До середины 90-х годов хозяйственная политика ливанского правительства была в целом достаточно традиционной.

Например, бюджет Министерства сельского хозяйства был определен всего лишь в 9,99 млн.долл. в 1991 г., в 18,61 млн. долл. в 1992 г. и в 19,36 млн.долл. в 1993 г., что составляло следующие доли от общего объема бюджета: 0,85%; 2,07%; и 0,97%. Общий объем бюджета этого министерства был явно недостаточен для проведения научных и лабораторных исследований, осуществления программ сельскохозяйственной ориентации и подготовки кадров, производства семян, рассады и саженцев лучшего качества и вообще в целом для подъема аграрного сектора.

Трудности, с которыми сталкивается ливанская промышленность после окончания военных действий в стране, во многом сходны с проблемами ливанского сельского хозяйства. В значительной степени они определялись проводимой государством экономической политикой, и в первую очередь – его невниманием к промышленности и нефтяному комплексу. Кроме того, данный производственный сектор не получал необходимых кредитов со стороны государственного сектора, что вело к почти полному переложению функции кредитования промышленности на коммерческие банки. Кредиты, предоставленные коммерческими банками, составляли: 184 млн.долл. в 1990 г., 207 млн.долл. в 1991 г., 282 млн.долл. в 1992 г. и 310 млн.долл. в 1993 г.

Таблица № 1

Торговый и платежный балансы Ливана после окончания ливанских событий (в млн. долларов).

№№	С т а т ь я	1990	1991	1992	1994
1.	Экспорт	510	490	364	342
2.	Импорт	2396	3748	2755	3259
A.	Положительное или (отрицательное) сальдо торгового баланса	(1886)	(3258)	(2391)	(2917)
Б.	Чистые переводы капитала	1736	4332	2445	4055
С.	= А – Б: Платежный баланс				
	Положительное сальдо + (дефицит)	(150)	1074	54	1138

Ввиду того, что национальное промышленное производство не пользовалось необходимым покровительством со стороны государства, ему наносился серьезный ущерб вследствие жесткой конкуренции со стороны иностранных промышленных товаров. Такое положение вещей было обусловлено, в первую очередь, ориентацией государства на т.н. "таможенный доллар". Имеется в виду то, что таможенные пошлины, которыми облагались импортные товары, устанавливались в размере определенного процента (например, 6%) не от фактической стоимости каждого данного вида товара в реальных долларах (в соответствии с реальным курсом доллара на бейрутской бирже), а от стоимости, рассчитываемой в соответствии с курсом "таможенного доллара", который был установлен налоговым управлением в начале 1991 г. в размере 6 ливанских фунтов за доллар, тогда как реальная стоимость доллара на бейрутском валютном рынке составляла 842 ливанских фунта. Таким образом, импортные промышленные товары попадали на ливанский рынок после уплаты чрезвычайно низких таможенных пошлин, что создавало благоприятные возможности для их успешной конкуренции с ливанской промышленной продукцией. Такое положение сохраняется и поныне, несмотря на то, что ливанское налоговое управление подняло "таможенный курс" доллара сначала до 100, затем – до 200 и наконец – до 800 ливанских фунтов за доллар. Этот последний показатель оставался фиксированным на протяжении 1993–1995 гг.

Наряду с этим налоговое управление не освобождало от таможенных пошлин импортируемые в Ливан сырье, станки и произ-

водственное оборудование, предназначенные для использования в ливанской промышленности. Напротив, они облагались такими же пошлинами, как и импортные потребительские товары, попадающие на внутренний рынок страны.

Кроме того. Ливанская электрокомпания начиная с 1 января 1993 г. приняла решение о повышении стоимости электроэнергии для ливанских заводов и фабрик с 55 до 140 ливанских фунтов за каждый киловатт-час, а также о повышении ежемесячной абонентной платы с 450 до 1000 ливанских фунтов за использование трансформаторов (за каждый киловольт, ампер). Стоимость счетов за электричество, кроме того, возросла вследствие добавления к ней пятипроцентной муниципальной пошлины. Таким образом, реальная цена каждого киловатт-часа электроэнергии практически составила около 170, а не 140 ливанских фунтов, что было эквивалентно 9,94 цента. При этом следует отметить, что цена на электричество для промышленности в соседних странах (Сирии, Турции, Иордании и Египте) не превышала 3 центов за 1 киловатт-час, и даже в США она составляла не более 5 центов.

Государственная экономическая политика, проводившаяся правительством Ливана после окончания военных действий в стране в сфере сельского хозяйства и промышленности, заметно ослабила конкурентоспособность ливанской продукции на традиционных ливанских рынках. В результате стоимость экспорта сократилась с 510 млн.долл. в 1990 г. до 344 млн. в 1993 г., а дефицит внешнеторгового оборота возрос до 2,9 млрд.долл. против 1,9 млрд. в 1990 г.

Стремясь выйти из создавшегося положения, ливанское правительство в 1993 г. приступило к разработке программы частичной и полной приватизации некоторых государственных предприятий. В число таких предприятий вошли, например, учреждения связи, Ливанская электрокомпания, нефтеперерабатывающие заводы в Триполи и Эль-Захрани, Бейрутский международный аэропорт и др. Однако на конец 1995 г. данная программа по-прежнему находилась в стадии обсуждения.

Основное бремя тяжести по выходу из кризиса и возрождения страны правительство возложило на Центральный банк Ливана, надеясь с помощью почти исключительно финансовых рычагов осуществить намеченные планы.

В результате рекомендаций и постановлений правительства финансовая политика Центрального банка сводилась в основном к действиям по сохранению стабильного курса местной валюты и

попыткам справиться с "долларизацией" экономики. В частности, он повысил процентные ставки по вкладам населения так, что они стали превышать процентные ставки по вкладам в иностранной валюте.

Кроме того, Центральный банк Ливана предоставил возможность любому иностранному банку, имеющему высокую международную репутацию, открыть филиал в Ливане при условии, что 30% от общей суммы вложенных в него в Ливане средств будет использоваться на нужды ливанской экономики, а капитал каждого данного филиала составит не меньше 5 млн. долларов.

Кроме того, Банк Ливана подготовил проект создания в Бейруте современной биржи по примеру биржи в городе Джидда (Саудовская Аравия). Был разработан также проект современной Палаты по клиринговым сделкам, которая будет использовать в своей работе последние технические достижения. Административно она станет непосредственно подчиняться контрольному аппарату Центрального банка Ливана. Это должно послужить гарантией недопущения различных фиктивных операций, подобных той, которая произошла в Кувейте (скандал с Сук Эль-Манах).

Был также утвержден проект создания малого финансового рынка, на котором предполагается осуществлять куплю-продажу акций финансовых компаний, которым разрешено продавать акции, государственные облигации и акции некоторых крупных компаний.

Кроме того, Банк Ливана издал распоряжение, в соответствии с которым банки, объединяющиеся между собой, освобождаются от уплаты налогов в течение определенного периода после их слияния. Банк Ливана также поддержал те банки, которые стремились скупить другие банки, испытывающие финансовые затруднения, поскольку банки-покупатели нуждались в финансировании для совершения операций слияния и т.д. Такой подход создает гарантии для тех вкладчиков, кто вложил свои капиталы в банки, испытывающие серьезные трудности. В 1993 г. таких банков было 13, и один из них, а именно "Ливанско-бразильский банк", был ликвидирован.

Данная политика стимулировала возвращение в Ливан арабских и иностранных банков, которые начали, хотя и робко, вкладывать свои капиталы в ливанскую экономику, а также оказала позитивное воздействие на процесс предоставления Ливану кредитов различными государствами.

30 мая 1990 г. по просьбе Высшей арабской трехсторонней комиссии, под эгидой которой проводилась конференция в Таифе,

межарабское совещание в верхах, созванное в Багдаде, приняло решение о создании "Международного фонда помощи Ливану", с тем чтобы помочь этой стране восстановить ее разрушенные институты, наладить работу государственных учреждений, возродить инфраструктуру экономики и поддержать Ливан в его усилиях по восстановлению разрушенных объектов и строительству новых. Было решено, что капитал этого фонда составит 2000 млн. долл.

После 13 октября 1990 г. арабские и европейские государства, а также международные организации начали предоставлять Ливану долгосрочные кредиты под низкий процент, а также безвозмездную помощь в денежной и натуральной формах в более существенных масштабах, чем это было во время ливанских событий.

В 1992 г., после принятия "Плана экономического развития на первом этапе" общая сумма внешних займов Ливана увеличилась до 759 млн.долларов, поскольку стране требовались большие средства для возрождения инфраструктуры своей экономики.

В 1993 г. эта сумма возросла до 1617 млн.долларов, так как Ливан в этом году подписал договоры о предоставлении ему кредитов на сумму 858 млн.долл.

Положительным моментом внешних займов было то, что они предоставлялись под невысокие проценты, а выделявшие их государства могли впоследствии списать Ливану часть его долгов. Между тем внутренние займы ложились тяжелым бременем на национальную экономику, ибо они носили, как правило, краткосрочный характер, а ежегодный процент по ним превышал 20%. Однако все эти займы способствовали социально-экономическому развитию Ливана.

Что касается безвозмездной помощи, то она играла положительную роль. После окончания вооруженных действий в Ливане ему была оказана крупномасштабная безвозмездная помощь, размер которой трудно точно определить, поскольку она включала наряду с денежной натуральную помощь, а часть ее непосредственно передавалась определенным предприятиям Ливана. Вместе с тем, имеются данные, согласно которым предоставленная Ливану безвозмездная помощь составила сумму примерно в 706 млн. долларов, из них 686 млн. долларов в денежной форме. Что касается помощи в натуральной форме, т.е. помощи в виде продовольствия, предоставления стипендий, поставок оборудования и станков, проведения различных консультаций и т.д., то ее стоимость не превышала 20 млн. долларов. Эту помощь Ливан получал, главным образом, от Саудовской Аравии, Франции, Германии,

Италии, от международных организаций и США. Короче говоря, кредиты и безвозмездная помощь способствовали ускорению процесса восстановления и строительства инфраструктуры ливанской экономики, хотя часть этой помощи и займов (примерно 850 млн.долларов) так и осталась на бумаге.

Ливанский совет по реконструкции и развитию был образован в 1977 г. В 1978 г. им был разработан план восстановления и строительства экономики Ливана. Однако этому плану не суждено было осуществиться вследствие продолжавшихся в стране военных действий. После восстановления в Ливане мира в конце 1990 г. Совету была вновь поручена задача разработки единого комплексного плана развития страны на период после окончания событий. В марте 1993 г. Совет представил такой план, выполнение которого предусматривало три этапа, а совокупные затраты оценивались в 11,7 млрд. долларов. План был рассчитан на срок до 2002 года и назывался программой "Горизонты 2000". Совет министров и парламент одобрили "План развития экономики на первом этапе (1993–1995 гг.)", а его осуществление было поручено Совету по реконструкции и развитию. Стоимость данного плана составляла 2700 млн. долларов.

В частности, было намечено восстановить к середине 1996г. электро– и телефонные сети, водопроводы, бейрутские международные порт и аэропорт, расширить дорожную сеть, улучшить систему здравоохранения. Всего предполагалось осуществить 130 проектов в 15 различных отраслях.

Одновременно правительство приняло некоторые новые законы и изменило ряд прежних постановлений с целью ускорить хозяйственное развитие страны. Например, был изменен закон о налогах и аренде. В соответствии с ним налоги на финансовые, торговые и промышленные компании были снижены с 26% до 10%, а на другие компании – с 40 – до 5–10%. С 32% до 14% были снижены налоги на зарплату, а минимальная зарплата была вообще освобождена от налогов. Кроме того, правительство отменило муниципальный налог, налоги на строительство и лекарства. С 12% до 5% был также понижен налог на недвижимость и налог на распространение акций финансовых компаний.

Отменялась фиксированная аренда помещений с целью стимулировать процесс строительства. Законодательно была оформлена иностранная собственность. Кроме того, правительство специальным указом подтвердило прежний закон о банковской

тайне, чтобы содействовать возвращению Ливану репутации надежного регионального финансового и банковского центра.

Одним из важнейших условий, которые призваны способствовать социально-экономическому возрождению Ливана, остается, несмотря на тяжелые потери в годы войны, высокий уровень развития человеческого фактора. Здесь прежде всего имеется в виду развитость института найма, урбанизации населения. Эти и ряд других показателей характеризуют, помимо всего прочего, и социальную структуру ливанского общества.

Примечательно и то обстоятельство, что обрабатывающая промышленность Ливана по своему вкладу в производство ВВП заметно, почти вдвое, опережает соответствующие показатели, взятые по всему арабскому региону. Сам по себе этот факт выглядит весьма внушительно и указывает на довольно высокий уровень развития материально-технической базы страны.

Принято считать, что высокий удельный вес сферы торговли и услуг в конечном общественном продукте развивающихся стран – один из характерных показателей их отсталости. Это относится к ливанской экономике лишь отчасти. Во всяком случае, более чем двукратное превышение непроизводственной сферы в Ливане объясняется не столько хозяйственной отсталостью, сколько вынужденной стихийной специализацией ливанской экономики в системе международного капиталистического разделения труда. Иначе говоря, перекосы в межотраслевой структуре ливанской экономики обусловлены (и в этом ее важная специфика) тем обстоятельством, что сфера торговли и услуг носит общерегиональный характер, тогда как материальное производство в целом – преимущественно внутристрановой.

В свою очередь такая организация ливанской экономики способствовала активному вовлечению Ливана в систему мирохозяйственных связей.

При впечатляющей роли внешних факторов механизм воспроизводства общественного продукта обрел в Ливане черты, отличные не только от большинства арабских, но и от многих развивающихся государств. Свободный обмен ливанского фунта на ключевые мировые валюты позволяет ливанцам без серьезных ограничений импортировать большой объем самых разнообразных товаров и услуг преимущественно из развитых капиталистических государств. Привычной жесткой взаимозависимости между экспортными и импортными торговыми операциями в стране не существует, поскольку закупки товаров за рубежом финансируются за

счет массированных поступлений от ливанцев, работающих за рубежом, и из других источников.

Таким образом, к концу 80–х годов стали особенно заметны некоторые структурные перемены в характере общественного воспроизводства ливанской экономики. Сопrotивляясь давлению военно–политического хаоса, мобилизуя силы рынка, экономика Ливана так или иначе пытается извлечь хоть какую–то выгоду из своего кризисного положения. Надлом в отлаженном производстве столь велик, что он не мог сказаться на отраслевой структуре производства конечного общественного продукта. Сейчас, когда к статистическому хаосу в Ливане добавились еще и сумбур в обменных курсах валют, и мощнейшая инфляция, делающая зачастую непоставимыми даже два близлежащих года (как это было в 1986–1988 гг.), трудно дать структурным сдвигам точную оценку. Но их направления очевидны.

Как это на первый взгляд ни выглядит парадоксальным, в производстве ВВП к концу 80–х годов вырос удельный вес ключевых отраслей материального производства: промышленности и сельского хозяйства. Здоровым такой рост можно признать лишь отчасти. Во–первых, потому, что увеличение объема материального производства происходило на фоне деградации сферы услуг, прежде всего туризма и сопряженных с ним служб. Во–вторых, далеко не всегда можно признать здоровыми и стабильными стимулы роста промышленного и сельскохозяйственного производства.

Интересную метаморфозу претерпела система внешних платежей. В 1987 г. падение обменного курса оказалось столь мощным, что сработала система автоматической рыночной стабилизации. Ливанские экспортные товары подешевели настолько, что сумели стать привлекательными для большого числа зарубежных покупателей, а импорт, напротив, так подорожал, что его продвижение на ливанский рынок заметно затруднилось. В результате отношение экспорта к импорту, упавшее в 1986 г. до 8,5%, в 1987 г. восстановилось на более привычном для Ливана уровне в 20%.

Однако абсолютные объемы внешних платежей, особенно по статьям движения товаров, были в конце 80–х годов намного ниже тех, что зафиксированы в первой половине этого десятилетия. Стало быть, восстановление отношения экспорта к импорту произошло на фоне суженного характера воспроизводства. Очаговое оживление на отдельных предприятиях, работающих на экспорт, не сумело изменить общей картины затяжного спада. Тем не менее, представляется, что наличие факторов, способствующих возрож-

дению Ливана, способно переломить негативное развитие событий в стране в течение последних двух десятилетий и вывести Ливан из глубокого социально–экономического кризиса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За годы независимости Ливан добился определенных успехов в развитии некоторых отраслей хозяйства, прежде всего так называемой "третичной сферы". Однако, в целом ливанская экономика сохранила многие особенности, унаследованные от прошлого. И по сей день в ее рамках существуют архаические формы производства и соответствующие им отношения, сохранению которых во многом способствовала конфессиональная система общественного устройства. В результате на пути к реорганизации ливанской экономики на современных началах стоит немало препятствий – как "старых", так и возникших сравнительно недавно. Хотя подобная ситуация типична для многих развивающихся стран, эволюционирующих к капитализму, Ливан все же заметно отличается от большинства из них своей спецификой, на которую к тому же наложила свой отпечаток длительная гражданская война, сопровождавшаяся глубоким социально–экономическим кризисом, поразившим практически все общественно–хозяйственные структуры.

Гражданская война, израильские налеты, столкновение палестинских группировок, соперничество различных местных вооруженных формирований, междоусобицы, присутствие сирийских войск и т.д. обострили, да и не могли не обострить до крайности внутреннюю ситуацию в Ливане. Экономика страны оказалась отброшенной назад на многие годы и в настоящее время, т.е. после окончания гражданской войны, фактически борется за выживание. Одна фаза социально–экономического кризиса сменяется другой. Серьезные трудности испытывает социальная инфраструктура. Потеря родных и близких, крыши над головой, возможности нормально работать и учиться вызвала у значительной части ливанцев глубокую депрессию, усталость, утрату веры в возможность благополучного исхода.

В конце 80–х годов, которые были отмечены наступлением новой фазы кризиса, проявились серьезные деформации в традиционной структуре экономики и финансов. Была утеряна стабильность национальной валюты, экономика страны никак не может избавиться от "долларизации", а многие отрасли национального хозяйства, прежде всего сельское хозяйство и сфера услуг, по-прежнему не в состоянии преодолеть поразивший их спад.

За годы войны Ливан утратил прежнее место в международном разделении труда и до сих пор не может адаптироваться к новым условиям внешнеэкономического окружения. Прежде всего речь идет о "золотом нефтяном десятилетии" (1973–1983 гг.), которое содействовало преодолению Ливаном самых кризисных моментов путем получения дотаций и льготных займов от нефтедобывающих стран Персидского залива, и которое, судя по всему, ушло в прошлое. Поворот в ориентации внешних факторов развития, произошедший в результате ряда событий на Ближнем Востоке (Ирано–иракская война, иракская агрессия против Кувейта и др.), носил неблагоприятный для Ливана характер.

Во многом был утрачен другой козырь ливанской экономики – человеческий фактор. Дело в том, что за прошедшие годы кризиса и гражданской войны постепенно был растрочен накапливающийся десятилетиями потенциал квалифицированных трудовых ресурсов из-за того, что эмиграция кадров все чаще превращалась из временной в безвозвратную, а подготовка новых квалифицированных кадров была крайне затруднена в условиях войны. К тому же за истекшие годы заметно снизилось качество обучения.

Инфляционные явления конца 80–х годов активизировали внутренний рынок страны, но ровно настолько, чтобы ценой отказа от прежних стандартов потребления и производственного накопления стимулировать ряд экспортных отраслей и незначительно подкорректировать валютно–финансовую ситуацию.

Тяжелым бременем для ливанской экономики стали расходы, связанные с восстановлением разрушенного во время войны хозяйственного потенциала. Финансовые трудности, инфляция, вздорожание многих импортируемых страной товаров, падение экспорта привели к тому, что Ливан был вынужден обратиться к внешним и внутренним займам, которых тем не менее оказалось недостаточно для выполнения намеченных программой восстановления хозяйственных и других проектов. В результате не удалось приступить к строительству ряда новых и завершить восстановление других промышленных объектов, были свернуты социальные программы.

В кризисном состоянии продолжает пребывать сельское хозяйство, остающееся одной из основных отраслей занятости местного населения. Аграрная политика правительства непоследовательна и противоречива. Подавляющую часть товарной продукции производят хозяйства капиталистического типа, но они ориентированы преимущественно на экспорт. Уровень же производства в

традиционном секторе крайне низок из-за чего постоянно увеличивается дефицит зерновых и других продуктов растениеводства, и страна вынуждена во все больших размерах расходовать дефицитную твердую валюту на ввоз продуктов питания.

Пытаясь расширить сферу капиталистических отношений в традиционном секторе, правительство, по существу, проводит политику вытеснения мелкого крестьянства из сельского хозяйства. Попытки внедрить новую технику путем разъяснительных мер совершенно не реальны, т.к. у крестьян нет средств на ее покупку. Кредит доступен только имущим слоям деревни. Кадры для сельского хозяйства практически не готовятся.

В отличие от сельского хозяйства промышленность страны развивается, правда, весьма невысокими темпами. Однако ее рост вызван не столько строительством новых или модернизацией старых предприятий, сколько восстановлением прежних, что на практике ведет к консервации в Ливане технологически устаревшего производства. Сохраняется также унаследованное от прошлого крайне неравномерное размещение производительных сил: в главном экономическом центре – Бейруте – по-прежнему сосредоточено более половины всего промышленного потенциала и свыше 2/3 акционерного капитала. В других городах преобладают мелкие и мельчайшие промышленные предприятия кустарно-ремесленного типа. Ряд важнейших отраслей – металлургия, производство промышленного оборудования и др. – вообще отсутствуют.

На сегодняшний день попытки ливанского правительства восстановить роль Бейрута как ближневосточного банкира не принесли желаемых результатов. Однако, он полностью не утратил своего престижа, основанного на многолетнем опыте осуществления сложных валютно-финансовых операций и связях с другими, более мощными финансовыми рынками государств Персидского залива и Запада.

Бремя событий времен гражданской войны легло на всех ливанцев далеко не поровну. На фоне общего снижения доходов на душу населения происходил процесс концентрации финансовых и материальных активов в руках верхушки отдельных военно-политических группировок и связанных с ними торгово-банковских кругов. Появились, как их называют ливанцы, "бароны войны", т.е. нувориши, сколотившие состояния на междуусобице, контрабанде, валютных махинациях. Эта прослойка вступила в активную борьбу с представителями традиционных имущих кланов ливанского общества. В то же время шел процесс "размывания" среднего класса,

значительная часть которого оказалась у черты бедности. Ухудшилось и материальное положение широких масс.

Параллельно с этим негативный характер приобрели демографические процессы. В результате миграций внутри страны, а также эмиграции за ее пределы в Ливане стали складываться новые, более компактные и однородные этноконфессиональные структуры порайонного размещения населения. В условиях гражданской войны межобщинные и политические конфликты оказались, во всяком случае, временно сильнее классовых. Это заметно ухудшило условия капиталистического воспроизводства в Ливане.

Таким образом, Ливан в 70–80–е годы столкнулся с исключительной ситуацией. Внутренний кризис тесно переплелся с внешним, образовав целый комплекс трудноразрешимых проблем. Выход из этого тупика лежит, по всей видимости, не только через стабилизацию внутривнутриполитической обстановки, но и в заметной степени предопределяется урегулированием ближневосточной ситуации в целом. В то же время Ливану необходимо решать и внутренние проблемы, связанные с проведением радикальной реформы государственного устройства страны, устранением межобщинной розни, восстановлением единого хозяйственного механизма.

В Ливане, который практически все исследователи относят к странам "третьего мира" со средним уровнем развития капиталистических отношений, этот средний уровень не просто сочетается с сохранением традиционных укладов в национальном хозяйстве, но и отличается наличием заметных пережитков феодализма в виде конфессионализма, который буквально пронизывает всю социально–политическую структуру страны. В данном случае речь идет о полном самых острых противоречий существовании в рамках одного государства общин с высоким и слабым уровнями развития капиталистических отношений, что не исключает возможности периодических обострений социально–политической обстановки в стране.

**СНГ, ОПЕК, АРАБСКИЕ СТРАНЫ
В ЭНЕРГОСЫРЬЕВОМ ХОЗЯЙСТВЕ
СОВРЕМЕННОГО МИРА**

I. На постсоветском политико–экономическом пространстве, среди пятнадцати молодых независимых государств все отчетливее видны четыре–пять, которые уже обнаруживают либо с большой вероятностью могут приобрести в 10–20 летней перспективе ряд признаков, аналогичных, хотя в очень разной степени, с участниками Организации стран–экспортеров нефти. Появляется немало общих черт также с другими относительно крупными производителями углеводородного сырья и его поставщиками на внешние рынки, особенно из бывшего "третьего мира".

Раньше и сильнее такое сходство, по мнению автора, начинает проявляться у "четверки" в составе России, Казахстана, Туркменистана и Азербайджана, которые поэтому заслуживают основное внимание. Менее определенным, труднее предсказуемым представляется приобщение пятой республики – Узбекистана – к обозначенной здесь условной группе. Далее предпринята попытка конспективно проследить декларированные аналогии (и, напротив, различия) по нескольким характеристикам национальных нефтегазовых комплексов (ресурсному, производственному, экспортному потенциалу, отчасти по народнохозяйственному значению); по стратегии, тактике их развития и внешнеэкономических связей, по региональному и международному (преимущественно "рыночному") весу сопоставляемых стран, реальному и/или ожидаемому, возможно с "веером" альтернатив. На этом фоне ставится проблема взаимоотношений между обладателями крупнейших экспортных потенциалов нефти и газа в составе СНГ и ОПЕК.

Оговорим сразу минимум три обстоятельства, усложняющие решение задачи. Во–первых, известные качества, трудности унификации наличной постсоветской и иной статистики иногда ограничивают точность количественных сравнений. Приняты, однако, доступные меры, чтобы не ставить под сомнение направленность дискутируемых тенденций. Во–вторых, неполнота или слабая де-

тализация данных об отдельных республиках заставляют часто оперировать более общими сведениями об участниках СНГ, но лишь теми из показателей, которые действительно определяются странами – объектами изучения в составе Содружества. В–третьих, приложены усилия и тому, чтобы предельно ограничить круг этих объектов. Поэтому в него не включена, например, Украина, которая до середины 90–х годов делила с Казахстаном второе–третье (после России) места по производству всех первичных энергоресурсов СНГ. Причем объемы добычи украинских нефти и газа в 1994 г. были соответственно пятыми и четвертыми, а доказанные газовые запасы и менее разведанные ресурсы еще прочнее удерживали тот же рейтинг. Однако современные и перспективные тенденции энергопотребления оставляют Украину крупным нетто–импортером углеводородного сырья, выводя ее (с девятью другими постсоветскими республиками) за рамки данной работы.

II. Количественное сопоставление ресурсных потенциалов, которыми располагают нефтегазовые комплексы интересующих автора группировок, наиболее целесообразно, в т.ч. по надежности и регулярности статистики, на базе извлекаемой или подготовленной полностью к освоению части резервов "традиционных" (или "обычных") углеводородов. Данные (табл. 1) убедительно показывают высокую концентрацию доказанных мировых запасов нефти и газа наряду с "разведанными" (доказанными вместе с частью вероятных) – применительно к СНГ.

Этот долговременный геополитический и "геоэкономический" фактор заметнее всего прослеживается по условному показателю – суммарным доказанным запасам жидкого и газообразного минерального топлива, которые исчислены посредством перевода данных о природном газе в нефтяной эквивалент на базе колорийности. Удельный вес ОПЕК и Содружества в мире к началу 1996 г. достигал соответственно почти 61% и более 21%, оставляя за пределами этих двух групп государств менее 18% традиционного углеводородного сырья. Примерно идентичной (17–19%) оказывается доля, так сказать, "третьих" стран вне ОПЕК и СНГ в более привычных показателях запасов нефти и газа, взятых по отдельности.

Но взаимные ресурсные пропорции участников Организации и Содружества в нефтяном и газовом потенциалах современного мира сильно различаются. Если по газу наблюдается примерный паритет, то по нефти ОПЕК пока перевешивает СНГ более чем в 13,65 раза. Правда, ряд экспертов небезосновательно предсказывает на 10–16–летнюю перспективу, а возможно и чуть раньше со-

кращение этого разрыва. Предвидят и некоторое общее мировое перераспределение позиций по запасам жидкого топлива в пользу участников СНГ, если осуществляются, хотя бы частично, обширные программы "доразведки" известных крупных месторождений на Севере и Востоке России, в Прикаспии, на каспийском шельфе и еще в нескольких районах. Только после тщательного уточнения их запасы (ресурсы) из категорий возможных и вероятных смогли бы перейти в доказанные. Пока преждевременная эйфория отдельных публицистов, иногда представителей административно-политических и деловых кругов Содружества, питается зачастую смешением этих понятий, очевидно, вредным для взвешенности оценок, прогнозов и практических действий.

Аналогия между ОПЕК и СНГ по внутренней "ресурсной" структуре каждой из группировок, пожалуй, оказывается самой близкой в области концентрации геологических запасов, во-первых, у более ограниченных подгрупп и, во-вторых – у отдельных, щедрее всего "одаренных" природой стран – "лидеров". Среди участников организации на восемь ближневосточных и североафриканских государств (семь арабских плюс Иран) приходится 84,6% всех углеводородов, в т.ч. 87,5% нефти и 78,2% газа. В Содружестве 97,2% суммарных запасов, включая 91,7% жидкого и 98,0% газообразного топлива сосредоточивает уже упомянутая "большая пятерка" в составе России, трех центральноазиатских республик и Азербайджана.

"Ресурсное лидерство" России в "большой пятерке" нефти- и газозэкспортеров СНГ (85,6% общих, 70,1% нефтяных и 87,9% газовых запасов) гораздо сильнее акцентировано, чем вес Саудовской Аравии в ближневосточной подгруппе ОПЕК (33,1%, 40,7 и 13,1% соответственно). Сопоставимы оба "лидера" между собой и непосредственно (см. табл. 1), но лишь по суммарным запасам всех традиционных углеводородов, обнаруживающим относительно небольшое российское "преимущество", пока что чисто условно-теоретическое. На практике намного важнее зеркальная противоположность пропорции "нефть : газ", которая составляет 89,1 : 10,9 у Саудии и 11,1 : 88,9 у России, иначе говоря, различия "нефтяной и газовой сверхдержав" современности.

Нынешнее соотношение примерно 2 : 1 между жидким и газообразным топливом в общемировом потреблении первичных энергоресурсов; значительно более высокая мобильность и маневренность первого по сравнению со вторым как товаров в мировой торговле, т.е. относительная легкость смены партнеров в процессе

реализации нефти и наоборот – природного газа, когда технико–экономические императивы долговременных, прочных связей заметно усиливаются в зависимости от расстояний, способов транспортировки и других условий; еще ряд глобальных факторов, региональных и национальных особенностей в большинстве случаев ставят обладателей "черного" золота на более выигрышные позиции, чем хозяев "голубого". С этих позиций перед Саудовским Королевством объективно открыт "оперативно–тактический простор" для маневра ресурсами в масштабах мирового энергосырьевого рынка гораздо шире, чем перед Российской Федерацией, по крайней мере до первых десятилетий XXI в. Правда, аргументация последнего тезиса предполагает углубление в многоплановую проблематику, далеко выходящую за рамки работы.

III. Качественные характеристики нефтегазовых богатств ОПЕК и "большой пятерки" СНГ (почти исключительно России, о которой только и имеются сопоставимые сведения) важны здесь особенно с экономической точки зрения. По ряду причин, главным образом по наличию, надежности и представительности оценок, приходится ограничиться одним показателем. Это "полномасштабные удельные затраты, включая также 15% целевую норму годовой отдачи на весь капитал, вложенный в разведку, освоение и наращивание производства" единицы минерального топлива дополнительно к объемам текущей его добычи. Причем оценочные данные об объектах анализа здесь не фактические, а условно–нормативные еще и потому, что переведены на единую базу высшей производительности и эффективности оборудования, технологий и организационных приемов, применяемых в современной деловой практике фирмами США. Автор опирался в основном на систему и результаты вычислений американского независимого эксперта Т.Р.Штауффера, из чьей публикации можно почерпнуть аутентичные подробности методологии этого вашингтонского аналитика.

Его расчеты вновь подтверждают: ближневосточная группа участников ОПЕК, особенно "большая четверка" в составе Ирана, Ирака, Кувейта и Саудовской Аравии была, есть и, по всей видимости, останется на обозримую перспективу обладателем самых обширных природно–ресурсных потенциалов, позволяющих наращивать нефтедобычу при минимальных затратах. И хотя Т.Р.Штауффер отмечает, что общемировая тенденция роста удельных капитальных расходов в 70–90–е годы не обошла и эти четыре страны района Персидского (Арабского) залива, все же их

показатели остались ниже 2 долл./барр. Почти не выходят за пределы 5 долл./барр. затраты Ливии – обладателя крупнейших в Африке нефтяных запасов, скромных, однако по ближневосточным масштабам. В очень широких диапазонах (2.5–3; 6–9; 12–20 долл./барр.) варьируются оценки затрат на повышение нефтедобычи в разных нефтепромысловых районах Абу–Даби – единственного участника ОПЕК, не уступающего по величине запасов традиционного жидкого топлива "большой четверке", кроме ее "лидера" – Саудии. Причем ситуацию в Абу–Даби сложно уточнить ввиду отсутствия сведений о перспективах наращивания производства в каждом из столь различных "затратных" диапазонов по отдельности. Из членов Организации вне ближневосточного и североафриканского регионов только Венесуэла к середине 90–х годов еще могла бы заметно расширить нефтедобычу с относительно "низкими" приростными затратами до 5 долл./барр., как полагает Т.Р.Штауффер, не конкретизируя опять же возможностей прироста.

За пределами ОПЕК этот эксперт выделяет лишь два государства – Россию и Мексику – с близкими по величине, достаточно крупными (миллиарды тонн) запасами нефти, вовлечение которых в хозяйственный оборот обходится дешевле 10 долл./барр., вероятнее, со "средними" даже "низкими" условными приростными затратами 5–6 и 3–6 долл./барр. соответственно. К сожалению, при отсутствии расчетов по той же методике применительно к республикам Центральной Азии и Азербайджану остается ограничиться лишь осторожным предположением, что и в проектах развития нефтяной отрасли СНГ, которые реализуют остальные участники "большой пятерки", удельные инвестиции не выше российских.

Еще две–три страны (называются в их числе Малайзия, Оман) вписываются в категорию "средних" по приростным затратам на добычу нефти, (5–10 долл./барр.) но там ее разведанные запасы (0,60–0,72 млрд.т соответственно) пока в 7,1–8,5 раза уступают российским, в 9,7–11,6 раза – мексиканским и в меньшей мере – некоторым центральноазиатским.

В других крупных нефтепромысловых регионах мира (США, Канаде, британском и норвежском секторах Северного моря) эти показатели оцениваются как "высокие" для Великобритании и Норвегии минимум 13–16 долл./барр. плюс 3–6 долл./барр. текущих издержек, составляющих здесь крупную самостоятельную статью расходов. При вариациях средних мировых экспортных цен на сырую нефть в 1994–95 гг. в диапазоне 13–18 долл./барр. расширение ее производства на "дорогих" промыслах ставилось на грань

рентабельности. Либо добыча вообще сокращалась под давлением неблагоприятных естественных (горно–геологических и прочих) и рыночных факторов, как это происходит в США непрерывно с 1986 г.

О сравнительных экономических оценках, посвященных мировому газовому потенциалу, а в особенности постсоветскому и российскому, по сопоставимой методике автору пока не известно. Хотя в публикациях об этом виде традиционного углеводородного сырья нет недостатка, как по региональной, так и глобальной тематике. Можно сослаться, например, на один из недавних прогнозов постепенного роста удельных затрат на новые добывающие мощности и транспортную инфраструктуру в основных газопромысловых районах Российской Федерации. Однако наряду с большинством других, он не содержит абсолютных ценностных показателей, а лишь относительные, ожидаемые в 7,0–3,5 раза чем на крупнейших "старых" газовых промыслах Уренгоя и Ямбурга.

Поэтому дискуссии на темы вроде: "Каковы перспективы России стать "газовой Саудией" XXI в.?" – пока изрядно перегружены схоластикой. Однако подобные вопросы представляются отнюдь не праздными, а напротив – теоретически и практически значимыми, вполне заслуживающими углубленной разработки.

IV. Даже самые приблизительные экономические отраслевые характеристики современных нефтяной и отчасти газовой промышленности позволяют очертить узкий круг стран, которые при состоянии и тенденциях конъюнктуры на мировых энергосырьевых рынках середины 90–х годов обладали природно–ресурсным потенциалом необходимого качества, достаточным для наращивания экспорта жидкого и газообразного топлива не просто рентабельно, но и реализуя существенные дифференциальные доходы рентного происхождения разных типов.

Именно проблемы практического осуществления монополии на обладание и распоряжение ограниченными естественными богатствами с качественными преимуществами были и остаются в центре экономики и политики природопользования. Применительно к теме данной работы это конкретные процессы извлечения, распределения, перераспределения и применения горной ренты от эксплуатации нефтегазовых ресурсов, к которым причастно по сути почти бесконечное множество политических и хозяйственных субъектов от владельцев и пользователей недр до конечных потребителей энергии, топлива, химикатов.

Специально не затрагивая сложную самостоятельную тему структурного строения, позиций и функциональных связей нефтегазовых комплексов внутри рассматриваемых стран–экспортеров традиционных углеводородов и продуктов их переработки, сосредоточимся главным образом на внешнеэкономической деятельности. В этой сфере обладателей нефтяных, а возможно и газовых, запасов с "низкими" и "средними" (по мировым критериям) природными затратами на разработку объединяет важная характеристика – доминирование государственно–политических, административных институтов, а также предприятий, принадлежащих государству полностью или частично, но под его жестким контролем, зачастую со многими монопольными признаками.

В принципе, функции естественных монополистов – недровладельцев и рентополучателей присущи государственным властям разного уровня практически повсеместно, включая и страны с высокоразвитым рыночным хозяйством. Однако наибольшая централизация этих функций в 70–90–е годы характерна для участников ОПЕК, большинства других развивающихся стран–экспортеров нефти и газа, а также для экс–СССР, постсоветских азиатских республик и в несколько меньшей, но все еще очень значительной степени – для России, где топливно–сырьевой комплекс сильнее испытывает воздействие либерально–рыночных и структурных реформ.

Видимо, прочность государственных позиций здесь определяется ключевым народнохозяйственным значением нефтегазового потенциала и в особенности валютных поступлений от его эксплуатации для коренных социально–экономических преобразований в странах бывшего "третьего мира" и государствах с "переходной" экономикой.

V. Для основателей ОПЕК в 1960 г. (Ирана, Ирака, Кувейта, Саудовской Аравии и Венесуэлы) ключевое значение "черного золота" определилось задолго до этого события, как правило, еще до второй мировой войны, послужив одной из главных причин создания ими Организации. С некоторыми вариациями, зачастую не принципиальными, это качество они сохраняют наряду с другими "соратниками" присоединившимися позже. Наиболее отчетливо стратегическая роль проявляется, пожалуй, в преобладании валютных компонентов нефтяной ренты среди доходных статей государственных бюджетов. По данным Арабского валютного фонда в 1992–93 гг. только разнообразные непосредственные отчисления, включая прямые налоговые и экспортные поступления от участия

государственных предприятий в мировой торговле жидким топливом, принесли девяти членам фонда (шести аравийским монархиям, образующим Совет сотрудничества арабских государств залива, а также Ираку, Алжиру и Ливии) 75,7% и 73,8% валюты в бюджет или по 92,2 млрд. и 86,1 млрд. долл. за каждый год соответственно.

Собрать сопоставимые данные о странах СНГ, тем более о кассовом исполнении их бюджетов, весьма затруднительно. Поэтому приходится опираться на сведения внешнеторговой статистики, согласно которым примерно в те же сроки первой половины 90-х годов доля минерального топлива (газа и отчасти нефти) достигала максимума 85% в экспорте Туркменистана за пределы Содружества, но была подвержена колебаниям. России вывоз всей продукции топливно-энергетического комплекса в "дальнее зарубежье" приносил свыше 60% твердой валюты. Несколько ниже был удельный вес ТЭК в валютных поступлениях Казахстана и Азербайджана, значительно ниже – Узбекистана.

Однако более низкие относительные показатели и/или их неустойчивость в тот период свидетельствовали скорее не о меньшем значении нефтегазового хозяйства для трех последних членов "большой пятерки" СНГ (отчасти менее значимо оно лишь для Узбекистана), не о низких там экспортных квотах в производстве и вообще не ставили под сомнение внешнюю ориентацию этих отраслей, а гораздо более раскрывали проблемы транзита и соответственно выбора между торговыми партнерами в дальнем и ближнем (условно говоря, в "твердодолларном и мягкодолларном") зарубежье.

По мере решения последних в азиатских республиках СНГ, не имеющих для своего экспортного жидкого топлива прямого выхода к мировому океану и далеких географически от крупнейших импортеров природного газа вне Содружества, показатели государств "большой пятерки", вероятно, сблизятся между собой и с уровнями арабских участников ОПЕК. Пока что эти тенденции наиболее интенсивно действовали в России, обнаруживая ее преимущества не только в масштабах горногеологического потенциала, степени его освоения, наличии инфраструктуры, но и в географическом положении, прежде всего, более близком к рынкам Западной и Центральной Европы.

Достаточно сопоставить несколько российских показателей 1992–1994 гг. За этот период общеотраслевые экспортные квоты (от производства) выросли по сырой нефти и газовому конденсату

с 34,6% до 38,9% и по природному газу – с 29,5 до 30,3%, а по поставкам в страны за пределами СНГ – с 16,5 до 28,2% и с 13,7 до 18,0%. В целом для России была характерна явная переориентация нефтегазовых отраслей (особенно нефтяных) на рынки дальнего зарубежья при неуклонном росте поставок туда жидкого газообразного топлива не только в относительном, и в абсолютном выражении (с 66 до 89 млн. т нефти и с 88 до 109 млрд. м³ газа). Это происходило на фоне продолжающегося, хоть и в замедленном темпе, спада производства (по газу более умеренного понижения), а также опережающего свертывания внутрироссийского потребления углеводородов и их вывоза в республики СНГ. Еще сильнее подобные тенденции проявились в российском экспорте нефтепродуктов (преимущественно дизельного топлива и топочного мазута, 27 млн. т или 70,5% которых реализовались в дальнем и лишь 29,5% – в ближнем зарубежье уже в 1993 г.).

VI. К середине 90-х годов постепенно усиливался ряд объективных факторов, которые убеждали многих экспертов-отраслевиков и "приверженцев" микроэкономических концепций в большой вероятности, почти неизбежности усиления конкуренции на мировых энергосырьевых рынках между экспортёрами традиционных углеводородов в ближайшие пять-десять лет. Соответственно возможному превышению предложения над спросом предсказывалось и ухудшение, в разной степени, конъюнктуры для владельцев и продавцов нефтегазовых ресурсов.

Как зачастую бывает, развиваются и не столько противоположные, сколько иные аргументы главным образом теми, кого можно условно отнести к сторонникам институционализма и системных политико-экономических исследований весьма разного толка. Сразу можно заявить, что авторская позиция уже давно и прочно связана именно с этой "второй" группой методологических принципов.

Для темы данной работы весьма важно подчеркнуть, что представителей обоих намеченных здесь направлений обычно объединяет общая характеристика экспортных потенциалов ОПЕК и СНГ в качестве весьма важных, если не ключевых факторов развития рыночной ситуации по крайней мере на кратко- и среднесрочную перспективу. Таблицы 2 и 3, которые в расчетных и прогнозных показателях опираются на отбор наиболее осторожных оценок из весьма широкого "веера" альтернатив и заслуживают более подробного анализа в иной публикации, в целом подтверждают подобную характеристику.

Таблица 1

Место ОПЕК, СНГ и наиболее "весомых" их участников
в доказанных запасах "обычного" углеводородного сырья
(на начало 1996 г.)

Регионы и участники группировок	Запасы углеводородов*					
	Нефть		Газ		Всего	
	млрд.т	%	трлн.м ³	%	млрд.т н.э.	%
Мир, всего	141,05	100,0	139,76	100,0	259,85	100,0
в т.ч. ОПЕК , всего	108,95	77,2	57,71	41,3	158,01	60,8
Ближний Восток ¹	89,86	63,7	40,19	28,8	124,02	47,7
в т.ч. Саудовская Аравия	36,57	25,7	5,27	3,8	41,05	15,8
Северная Африка ²	5,42	3,8	4,92	3,7	9,60	3,7
СНГ , всего	7,98	5,7	56,01	40,1	55,59	21,4
в т.ч. Россия	5,13	3,6	48,28	34,5	46,17	17,8
Центральная Азия ³ и Азербайджан	2,19	1,6	6,63	4,7	7,83	3,0

Рассчитано по: "Oil and Gas Journal"("OGJ"), Tulsa (Okla.), 25.12.1995, vol. 93, № 52, pp. 41,44,45; 06.02.1995, № 6, p. 73; 02.08.1993, vol. 91, № 31, p. 50.

* Для сопоставимости сведений о различных энергоресурсах, а также же единиц измерения, принятых в СНГ и большинстве других стран мира, использованы соотношения и коэффициенты пересчета согласно изданию: Краткий терминологический словарь по ископаемым энергетическим ресурсам (англо–французско–немецко–испанско–русский). М., 1985, с. 200–203, 215.

¹ Абу–Даби, Иран, Ирак, Кувейт, Катар, Саудовская Аравия.

² Алжир, Ливия.

³ Казахстан, Туркменистан, Узбекистан.

Таблица 2

Фактическое производство нефти,
резервные наличные мощности и прогноз расширения

общих нефтедобывающих мощностей участниками ОПЕК

Регионы и страны	Производство в 1995 г.		Резервные мощности на начало 1995 г.		Прогноз общих мощностей на 2000 г.	
	млн.т	%	млн.т	%	млн.т	%
ОПЕК, всего	1.261,4	100,0	197,9	100,0	1.765,0	100,0
в т.ч. <u>Ближний Восток</u>	848,0	67,2	156,1	78,9	1.255,0	71,1
Абу-Даби	90,9	7,2	34,1	17,2	150,0	8,5
Иран	182,7	14,5	7,3	3,7	200,0	11,3
Ирак	30,0	2,4	0,0	0,0	200,0	11,3
Кувейт	100,0	7,9	37,5	18,9	150,0	8,5
Катар	21,9	1,7	0,6	0,3	30,0	1,7
Саудовская Аравия	403,4	40,0	76,6	38,7	525,0	29,7
<u>Северная Африка</u>	106,5	8,4	3,5	1,8	145,0	8,2
Алжир	38,0	3,0	2,0	1,0	45,0	2,5
Ливия	68,5	5,4	1,5	0,8	100,0	5,7
<u>Тропическая Африка</u>	112,1	8,9	10,6	5,4	140,0	7,9
Габон	17,7	1,4	6,0	0,0	20,0	1,1
Нигерия	94,4	7,5	10,6	5,4	120,0	6,8
<u>Венесуэла</u>	128,3	10,2	26,7	13,5	160,0	9,1
<u>Индонезия</u>	66,5	5,3	1,0	0,5	65,0	3,7

Рассчитано по: Tippee B. Questions cloud outlook for oil production capacity growth in the Middle East. –"OGJ", 11.07.1994, vol. 92, № 28, pp. 33–36; "OGJ", 25.12.1995, vol. 93, № 52, pp. 44–45.

ОСЕНЬ 1996 И ПЕРСПЕКТИВЫ НЕФТЯНОГО ЛЕВИАФАНА

(Реальность и миражи по обе стороны
кордона ООН вокруг Ирака)

Рубеж лета и осени – не столь знаменательное, сколь роковое время в недавней истории Ирака вообще, его нефтегазовой индустрии в особенности, а равно и его непосредственных соседей.

В сентябре 1980 г. после резкого нарастания взаимной враждебности и накала пограничных вооруженных столкновений разгорелась более чем восьмилетняя война между Ираком и Ираном. Она нарушила амбициозные, но отнюдь не беспочвенные, планы превращения Ирака минимум во вторую нефтеэкспортную супердержаву (после Саудовской Аравии), а то и в первую, если бы удалась стратегия захвата иранской нефтеносной юго-западной провинции Хузестан (иракские и некоторые другие арабские источники предпочитают ее более раннее османское название Арабистан). За девять месяцев до начала той войны иракские поставки жидкого топлива на мировой рынок, превзойдя 160 млн. т в среднегодовом выражении, уступали только саудовским.

В августе 1990 г. аннексия Кувейта за считанные часы превратила Ирак на несколько месяцев в единоличного обладателя сразу двух крупнейших доказанных запасов нефти: по данным Американского нефтяного института – 27,16 млрд.т или до 3/4 тех, что принадлежат мировому лидеру – Саудии, а по другим источникам – даже больше ее потенциала. Однако эта Пиррова победа принесла очень горькие плоды, начиная с международного эмбарго, которому иракское государство было подвергнуто решением Совета Безопасности ООН почти сразу после захвата южного соседа, и продолжая комплексом "холодных" политико-экономических санкций и "горячих" вооруженно-силовых репрессий. В итоге Ирак вот уже более шести лет почти совсем лишен права поставлять на мировой рынок даже собственную нефть, не говоря о чужой, которую вернули Кувейту во время памятной "Бури в пустыне" начала 1991 г.

В июле–августе 1996 г. после напряженной многомесячной дискуссии Ирак и СБ ООН вплотную приблизились к принципиальной договоренности о процедуре исполнения резолюции № 986, которая предусматривала режим эмбарго ослабить, хотя пусть весьма ограниченно по времени и содержанию льгот. Для оплаты импорта гуманитарных товаров (преимущественно продовольствия и медикаментов) могла быть санкционирована продажа на мировом рынке этим государством нефти общей стоимостью до 2 млрд. долл., что эквивалентно примерно 15 млн. т по ценам середины 1996 г., в течение полугода сверх разрешенных ранее ее закупок только Иорданией годовыми объемами лишь до 3,5 млн. т. Однако нарушенный в конце августа запрет ООН на присутствие иракских войск к северу от 36–й параллели, их участие в боях в Курдистане и незамедлительные американские военные репрессии вновь отодвинули на неопределенный срок начало возврата Ирака на нефтяной рынок и, тем более, во всю систему мирохозяйственных связей.

Последние события наглядно показали, что пытаться конкретизировать предстоящую динамику выхода этого арабского государства из экономической изоляции, конечно, когда–нибудь неизбежного, пока имеет смысл главным образом только средствами политологического прогнозирования. Здесь же автор, подразумевая лишь конечность эмбарго в принципе, ограничивает свои задачи анализом и экстраполяцией отдельных предблокадных тенденций развития иракской нефтегазовой индустрии, но сосредоточивается на наиболее вероятных послеблокадных, внутренних и внешних, подвергаемых вневременным оценкам.

Санкции ООН остаются пока последним, наиболее серьезным из внеэкономических препятствий восстановлению и развитию нефтеэкспортного потенциала Ирака, которыми его история была перенасыщена с начала 60–х годов и тем самым заметно отличалась от сравнительно "спокойной" – аравийских монархий. Череду конфликтов потянулась от предложений пересмотреть некоторые основы нефтяных концессий, но особенно – от требования иракского государства выполнить договорные условия о возврате ему неиспользованных участков трёх концессионных консорциумов, идентичных по составу, – "Ирак–", "Мосул–" и "Басра Петролеум К°", – которые тогда монополизировали почти всю территорию страны. Первый односторонний акт изъятия этих участков в 1961 г. обернулся сменой приоритетов транснационального капитала и заметно сдержал прирост годовых объемов нефти, добываемой в

Ираке (на 40,9 млн.т за 1950–60 гг. и лишь на 28,9 млн.т за 1960–70 гг.). Напротив, у его соседей прирост тогда же резко ускорился: в Саудовской Аравии с 37,9 до 123,9 и в Иране с 21,2 до 137,8 млн.т годового производства соответственно.

Затяжное противостояние завершилось национализацией иностранных концессий – частичной в 1972 г. и полной в 1973–75 гг. Следующее, исключительное для Ирака, пятилетие относительного "затишья" ознаменовалось рекордным по темпам и объемам увеличением национальных нефтедобывающих мощностей от менее 100 млн. до более 175 млн.т на 1979 г. и отраслевым пиком их фактической продукции 170,4 млн.т за тот же год. Но уже сказано, что скоро эта слишком краткая, хоть и очень продуктивная передышка была нарушена. Прежде чем это случилось, однако, рост экспортных поступлений позволил Ираку отказаться от импорта предпринимательского капитала в свое нефтегазовое хозяйство, закрепив данный принцип законодательно в июле 1977 г. Все зарубежные факторы производства с тех пор предполагалось приобретать только по "контрактам с прямой оплатой (непосредственным вознаграждением)", т.е. на поставки конкретных товаров и/или предоставление услуг, полностью исключив всеобъемлющие соглашения на весь отраслевой цикл от поисково–разведочных до промысловых, а то и экспортных операций.

Разорительные войны и продолжающаяся экономическая блокада серьезно подорвали хозяйственную, особенно финансовую, систему Ирака. На 1995 г. его внешний долг оценивался минимум в 60–65 млрд. долл. Причем прогнозировалось почти удвоение этой суммы более чем до 110 млрд. сразу после начала выплаты военных репараций, активного восстановления экономики и реализации первых проектов развития. В такой ситуации страна не может обойтись без широкомасштабного привлечения всех видов зарубежных ресурсов, технических, кадровых и, конечно, капитальных во всевозможных ссудных и предпринимательских формах. Первоочередным вниманием, в качестве будущего источника самостоятельного финансирования, иракского государства и одновременно зарубежных потенциальных инвесторов пользуется нефтегазовая промышленность, в которую после длительного перерыва вновь поощряется приток иностранного капитала. Весной 1995 г. 33 месторождения были официально предложены для подобного партнерства на самых разнообразных условиях, включая подрядные контракты "полного цикла" и их вариант – соглашения о разделе продукции.

Осуществить эти намерения, естественно, нельзя без отмены эмбарго и восстановления всех внешних экономических связей Ирака, которые и принимаются за точку отсчета в последующих прогнозах. Большинство западных аналитиков полагают годичный срок после снятия блокады достаточным, чтобы поднять добычу иракской нефти с 30 до 125–130 млн.т ежегодно. Однако ключевым технико–экономическим звеном, которое определяет краткосрочные возможности ее экспорта, единодушно признается транспортная инфраструктура. Технически, даже по осторожным предположениям, общая пропускная способность магистральных экспортных нефтепроводов тоже за год вполне может быть доведена до 120 млн.т, распределяясь приблизительно поровну между южным маршрутом к собственным нефтегрузочным терминалам Ирака в Персидском заливе и северным транзитным – через Турцию к ее средиземноморским портам. Но весьма проблематична в нынешней локальной военно–политической обстановке надежность северной трассы, пролегающей по мятежным районам Курдистана, иракского и турецкого, хотя экономически Ирак и Турция очень заинтересованы в стабильности их общего пограничья как одной из гарантий возрождения когда–то весьма интенсивного предблокадного сотрудничества. Ещё более проблематично использование Ираком южного транзитного нефтепровода пропускной способностью 82,5 млн.т в год через Саудовскую Аравию до ее порта Янбу на Красном море, поскольку этому препятствуют не только прерванные политические взаимоотношения, но и в ближайшей перспективе пока неизбежная потенциальная конкуренция на мировом рынке нефти, а также внутри ОПЕК за распределение квот. Из–за давних разногласий с Сирией бездействует с 1982 г. и западная транзитная трасса до ее средиземноморского порта Банияс, а также до Ливана и его порта Триполи.

И все же реальность восстановления нефтеэкспортного потенциала Ирака до 145–150 млн.т в год за двухлетний постсанкционный период не оспаривается даже наиболее скептическими западными расчетами. Соответственно пиковые показатели, достигнутые этой отраслью на рубеже 70–80–х годов, могли бы вновь оказаться в пределах досягаемости на третий год после санкций.

Однако эти этапы соответствуют лишь минимальным программным рубежам иракского руководства, позволяя вернуть в хозяйственный оборот меньшую часть уже известных национальных ресурсов углеводородного сырья, чрезвычайно обширных и экономически выгодных. Стратегия же Ирака на протяжении десятиле-

тий устремлена к гораздо более активной их эксплуатации. Причем вопреки сложной ситуации в самом Ираке и вокруг него, амбициозность нефтяной стратегии нарастает. Если накануне войны в Персидском заливе предусматривалось довести годовую производимость иракских нефтепромыслов до 300 млн.т, то в марте 1995 г. на багдадской международной конференции по нефтяной тематике, первой после более полуторадесятилетнего перерыва, отраслевые рубежи были выдвинуты вперед почти до 408 млн.т.

Для транснационального нефтяного бизнеса – одной из главных предполагаемых опор нынешней стратегии – привлекательность иракского натурально-ресурсного потенциала определяется его исключительными масштабами, готовностью к эксплуатации и технико-экономической доступностью. Публикации 1995–1996 гг. о доказанных запасах нефти в Ираке довольно разноречивы. Спектр оценок расходится от сравнительно редкого, осторожного минимума в 14 млрд.т, на который ориентирует Американский нефтяной институт наряду с отдельными геологами США персонально, до преобладающих средних (например, 15,68 млрд.т согласно главе парижского Центра арабских нефтяных исследований) и, наконец, до максимумов в 16,8–17,1 млрд.т по данным иракских бывших министра нефтяной промышленности и специалиста государственной нефтяной компании. Однако все эти версии прочно утверждают Ирак на втором месте вслед за Саудовской Аравией с вариациями лишь по степени их сближения и, напротив, удаления от располагаемых ниже уровней Кувейта и Объединенных Арабских Эмиратов на мировой шкале.

Среди прогнозов иракских вероятных запасов самые распространенные вписываются в интервал 25–28 млрд.т, хотя имеются и относительно пессимистические – 20,7 млрд., и гораздо более оптимистические – 39,2–50,4 млрд.т. Зачастую сравнительно меньшей, чем у большинства ближневосточных стран, изученностью недр Ирака в сочетании с информацией о весьма перспективных его геологических структурах аргументируется не просто сопоставимость этого государства и Саудии по последнему показателю, но даже возможное иракское превосходство.

Наиболее единодушны эксперты, признавая уникальность Ирака в качестве обладателя ряда крупных и нескольких крупнейших нефтяных полей, которые известны и изучены давно, доведены до разной степени готовности к освоению, а нередко и начали разрабатываться, но затем оказались исключёнными из хозяйственного оборота на ранней стадии еще до применения санкций.

Поскольку преобладающая часть – почти 87% – таких не эксплуатированных доказанных запасов расположена на юге страны, они попали непосредственно в зону боевых действий ирако–иранской войны. В результате, например, на одном из крупнейших по мировым критериям месторождении Маджнун (запасы свыше 2,8 млрд.т) все 20 действующих скважин уже после нескольких месяцев работы были подвергнуты глубокой консервации.

Характеристику иракских нефтегазовых ресурсов, которая сулит чрезвычайно высокую рентабельность их эксплуатации, обобщают удельные инвестиции в наращивание производства и экспорта углеводородного сырья, одни из самых низких в современном мире, сопоставимые только с саудовскими. Здесь приводятся показатели, измеренные отношением суммарных капитальных расходов (без учета налогов и текущих затрат) вместе с начислениями прибыли по годовой норме 15% к общим объемам нефти и газового конденсата, которые предполагается добыть и доставить до экспортных (обычно морских) погрузочных терминалов, благодаря полной амортизации реальных активов, созданных на упомянутые средства. На 1996 г. приростные инвестиционные затраты в долларах на баррель (159 л) оценивались для Ирака в интервале 0,5 – 0,7, Саудовской Аравии – 0,4–1,0, Кувейта – 1,0–2,0, а для России – 4,8–8,9. Минимум этих затрат обеспечивается исключительно благоприятным сочетанием горно–геологических и физико–географических характеристик национальных нефтяных запасов. Прежде всего, благодаря их близости к поверхности, средняя глубина эксплуатационного бурения в Ираке пока не выходила за пределы 1790 м, тогда как в Саудии – 2330 м, в Иране – 3210 м. Не менее важный источник экономии помимо инвестиций ещё и на текущих издержках – это высокая природная продуктивность. В период наиболее активного ввода в строй новых нефтепромыслов между окончанием национализации и началом войны с Ираном почти весь прирост продукции был получен Ираком в естественном режиме разработки на основе пластовой энергии, иначе говоря, посредством самых простых и "дешевых" первичных методов. Вторичная технико–технологическая схема применялась тогда лишь на промысловых иракских территориях, где промышленная добыча была начата в двадцатилетие с 1934 г. (Киркук) по 1954 г. (Эр–Румайла), да и то с преобладанием интенсификации, использующей относительно менее сложную закачку воды, над той, где для поддержания пластового давления нагнетается газ. Но даже в этом режиме Ирак, уступая по среднему дебиту нефтяных скважин

примерно вдвое Саудовской Аравии, почти во столько же превосходил Иран и в 7,75 раза – усреднённый уровень всех участников ОПЕК. Последний на рубеже 70–80-х годов, в свою очередь, почти в 9,5 раз превышал среднемировой, а теперь поднялся над ним более чем до 11,2 крат.

Другой важный фактор капитально–строительной и эксплуатационной экономии – благоприятная позиция четверки самих богатых, сверхкрупных южных месторождений с общим производительным потенциалом на перспективу свыше 105 млн.т нефти в год. Маджнун, западная Курна, Хальфайя и Нахр Умр расположены всего в 100–150 км от иракских морских терминалов Мина эль–Багр и Хаур эль–Амайя, а также в непосредственной близости от перекрестка магистральных нефтепроводов: транс–иракского на север и далее через Турцию до Средиземноморья и на юго–запад через Саудовскую Аравию до красноморского побережья.

Наконец, по всем видам затрат возможна существенная экономия, благодаря очень большой величине, высокой концентрации и централизации проектов. Только доразведка 33 известных месторождений, обустройство на них нефтепромыслов с добывающими мощностями годичной производительностью до 233 млн.т, а также расширение транспортной и экспортной инфраструктуры могут потребовать притока капиталов минимальным объемом 25 млрд. долл., вложенных за пяти–восьмилетний период. Общие же инвестиционные запросы иракской нефтегазовой индустрии с учетом других ее отраслей наверняка гораздо значительнее. Хотя по большинству статей этих предстоящих расходов пока отсутствуют даже приблизительные сметы, о порядке цифр дают представления стоимости хотя бы двух из них: окончательного восстановления отраслевого комплекса после ущерба от военных действий, а также группы первоочередных новых проектов главным образом в сфере утилизации попутного газа и нефтепереработки, – которые оцениваются по 5 млрд. долл. на каждом из направлений. Далее на очереди не менее крупные инвестиции преимущественно в газовое хозяйство: обновление и расширение трубопроводов, создание комплексов по переработке и сжижению свободного природного и попутного нефтяного газа, ориентированных на внутренние и внешние рынки.

Последнее направление особенно важно для сглаживания вопиющих диспропорций между гипертрофией добычи и экспорта нефти и отставанием почти всех прочих отраслей, которые угрожают утратой ценных ресурсов других видов углеводородного сы-

рья. Ирак разделяет 9–10 места в мире (вместе с Нигерией) по запасам газа объемом 3115 млрд. куб. м, которые почти на 3/4 ассоциированы с нефтяными. Но в противоположность жидкому топливу, газообразное долго добывалось только как побочный продукт по преимуществу. На гребне национального производства всех углеводородов в 1979 г. из 14,41 млрд. куб.м добытого газа лишь 2,23 млрд. или 15,5% были использованы, а остальные 84,5% – бесцельно сожжены в факелах. В 1983–90 гг. Ирак ввел в строй две газосборные и газоперерабатывающие системы: Северную и Южную, – рассчитанные в целом на поступление 23.3 млрд. куб.м попутного газа, а также терминал в порту Хаур эз–Зубейр, из которого в июле 1990 г. начался экспорт сжиженного нефтяного газа. Были развернуты также работы по объединению этих систем в общенациональную, но прерваны войнами и блокадой. В принципе газовое хозяйство подобных масштабов, разумеется с компенсацией военного ущерба, могло бы оказаться достаточным для комплексного использования запасов углеводородного сырья в пределах развития нефтедобычи по доблокадным проектам. Однако гораздо более обширные ее планы на постсанкционную перспективу требуют подтянуть к повышенным рубежам и другие отрасли топливно–энергетического хозяйства, а главное завершить лишь начатую газификацию экономики, обеспечить внутренний и внешний сбыт газопродуктов. За раздел столь емкого, на будущее, иракского рынка ведется длительная интенсивная конкуренция по двум главным направлениям. Во–первых, между претендентами на контракты полного цикла от завершения разведки до эксплуатации конкретных участков месторождений и возможного экспорта их продукции. На этом направлении наиболее результативно действовали компании Франции, Италии и России. Причем французские специалисты выступили консультантами иракских государственных учреждений уже на предварительной стадии по общим процедурам подготовки типовых контрактных условий, по оценкам определенных нефтепромышленных территорий и разработке примерных планов их освоения, что, по всей видимости, позволило сконцентрировать наиболее полную, компетентную информацию по этой проблематике. Помимо компаний трех названных стран активность проявляли также фирмы Австралии, Бразилии, Ирландии, Канады, Малайзии. Во–вторых, не менее, если не более острое соперничество ожидается между специализированными поставщиками техники, технологии и услуг для нефтегазового хозяйства и его инфраструктур. Эта группа потенциальных контрагентов, как правило, готова кредито-

вать свои поставки и выполнение проектных работ, но не претендует на предпринимательскую деятельность внутри Ирака. Лучшие шансы среди них имеют фирмы той же национальной принадлежности, что и обладатели полномасштабных нефтяных контрактов – вероятные распределители субподрядов, начиная с предприятий "своих" стран, а именно трех упомянутых, включая Россию. Кроме того, предпочтительнее обычно конкурентные позиции компаний с опытом работы на данном рынке, которым россияне располагают, причем немалым, а также фирм с опорой на мощную государственную поддержку в странах базирования. Среди последних явно выделяются многоотраслевые концерны Южной Кореи, чья экономическая экспансия в Ирак может быть подкреплена привлекательными условиями крупных коммерческих кредитов.

Багаж экономического сотрудничества накапливался в Ираке предприятиями бывшего СССР не одно десятилетие. Особо ценной для упрочения современных российских позиций могла бы оказаться деятельность бывших всесоюзных объединений Техноэкспорт и Машиноимпорт. Первое из них полностью выполнило обязанности генерального подрядчика в обустройстве нефтепромыслов Северное Румайлы, годовая производительность которых была доведена до 40 млн.т. Второе до начала войн 1990–91 гг. успело завершить 60% контрактных работ стоимостью 280 млн.долл. по первой очереди проекта развития промышленных мощностей на группе месторождение Западная Курна.

Контракт на продолжение последнего проекта уже обеспечил себе российский консорциум в составе компаний Лукойл – 70%, Зарубежнефть – 15% и прежний подрядчик Машиноимпорт – 15%. Расчетная годовая производительность нефтепромыслов Западная Курна определяется 45 млн.т.

Запроектировано также расширение добывающих мощностей Северной Румайлы на 18 млн.т нефти в год. Если вклад предприятий России (вместе с бывшими советскими) в развитие нефтедобывающей индустрии Ирака ограничился хотя бы только перечисленными объектами, то и тогда он превысил бы 1/4 суммарного производственного потенциала этой отрасли после полного решения последних максимальных плановых задач.

Российской стороне есть на что опереться и в процессе привлечения иракских заказов на реализацию более отдаленных отраслевых программ, особенно газовых. Например, бывшее союзное объединение Цветметпромэкспорт в 1986–88 гг. выполнило генеральный подряд на сооружение первого объекта единой га-

зотранспортной сети Ирака, сдав заказчику трубопровод Эн–Насирия – Багдад – Мусайиб протяженностью 360 км и пропускной способностью около 2,48 млрд. куб.м в год. За этим в декабре 1988 г. сразу последовал очередной контракт стоимостью 20 млн. долл. на продолжение 31 км трассы до Эль–Махмудийи с хорошими перспективами довести ее до Киркука, связав тем самым уже упомянутые Южную и Северную системы, и далее к ирако–турецкой границе с прицелом на экспорт иракского газа в северном направлении. Не вызывает сомнений обширный потенциал российско–иракского экономического взаимодействия и в других подразделениях топливно–энергетического комплекса, а равно и за его пределами.

С чисто коммерческой точки зрения для российских предприятий одно из главных преимуществ партнерства именно с Ираком заключено в уникальной качественной структуре его потребностей. Это весьма редкое, а по масштабам вероятного импорта, скорее всего, даже единственное государство, где нашли бы массовый спрос отечественные техника и технология "промежуточного" уровня, относительно несложные, с основными достоинствами в их сравнительной дешевизне.

Однако в более широком геоэкономическом контексте реализация иракской нефтегазовой стратегии, особенно в масштабах, близких к ее последним, максимальным вариантам, способна весьма существенно повлиять на структурные и функциональные характеристики мирового топливно–энергетического хозяйства, оказать ощутимое воздействие практически на всех участников этой системы от фирм до государств и межгосударственных объединений. Хотя зачастую это вероятное воздействие предвидится противоречивым, все же в большинстве случаев его результаты поддаются вполне определенной положительной либо отрицательной оценке по принадлежности объектов к экспортерам либо импортерам углеводородного сырья или/и факторов его производства, включая материально–технические, кадровые и финансовые ресурсы. По самой общей схеме экспортеры нефти и газа рискуют проиграть, а импортеры – могли бы выиграть от столь значительной прибавки предложения на топливно–сырьевых рынках в зависимости от силы влияния иракских поставок на конъюнктуру в сторону удешевления этой продукции. Конъюнктурный эффект представляется прямо пропорциональным скорости начала и интенсивности наращивания иракского экспорта, с учетом некоторого избытка производственных мощностей в современной нефтегазовой промышленности и его перехода в ближайшую перспективу.

Напротив, экспортеры товаров и услуг для этой группы отраслей ожидают огромной выгоды от возрождения емкого иракского рынка, особенно при нынешней довольно вялой инвестиционной активности среди потребителей их продукции, которым, в свою очередь, труднее могло бы стать торговаться с продавцами и подрядчиками.

Большинство потенциальных партнеров Ирака, прежде всего самые предпочтительные и, по всей вероятности, крупные, включая Францию, Италию, Южную Корею, имеют отчетливо выраженную международную специализацию именно на экспорте инвестиционных товаров, услуг и капитала для нефтегазовой индустрии и инфраструктуры, с одной стороны, а с другой – на импорте топливно–энергетической продукции. Россия в этой группе государств представляет наиболее явное исключение. В нынешней системе мирохозяйственных координат данного отраслевого комплекса наша страна находится почти на противоположном полюсе, по формальным признакам во всяком случае. Поэтому российские интересы, государственные, корпоративные и частные, в сфере экономического сотрудничества с Ираком, пожалуй, сложнее всего оценивать и прогнозировать.

Среди развивающихся стран – партнеров бывшего СССР по масштабам сотрудничества в нефтегазовой промышленности Ирак лидировал, причем с большим отрывом. Перспектива овладения таким наследством, о чем свидетельствует организация упомянутого консорциума для обустройства нефтепромыслов Западной Курна, уже служит стимулом для формирования новых индустриально–коммерческих структур в России, ориентированных на крупные зарубежные проекты. Успешное осуществление контрактов иракского масштаба способно дать импульс выходу этих структур сразу на весьма высокие международные орбиты и прежде всего – приобретению российскими нефтяными компаниями весомого транснационального статуса. "Сдав" подобный экзамен, они смогли бы уверенно претендовать и на другие сегменты обширных рынков Ближнего Востока, Северной Африки и, вероятно, иных регионов. Причем приходится вновь подчеркнуть, насколько трудно, если вообще возможно, найти замену иракскому "трамплину" в такое будущее, хотя бы неравноценную.

Например, Саудовская Аравия и Кувейт со второй половины 70–х годов не допускают иностранного предпринимательства в нефтедобывающей промышленности, а другими видами консультационных и прочих "частичных" контрактов государственные компании обеих стран, как правило, прочно связаны с фирмами США и

Великобритании, от которых требуют и получают новейшую технику и технологию. В государствах же типа Ирана, Ливии, Алжира, напротив, активно поощряющих разные формы иностранного участия, природные условия освоения и эксплуатации как "старых", так и "новых" нефтепромысловых территорий, включая морские, значительно сложнее иракских и также не позволяют обойтись без широкого применения высокотехнологичного оборудования и производственных процессов – погружных насосов, горизонтального бурения и других. Отечественные авторы уже немало писали о том, что и такое поле деятельности в принципе вполне по силам для российского машиностроения и прочих отраслей, обслуживающих нефтегазовую промышленность, особенно при рациональной конверсии "оборонки". Но все это требует времени, средств и, видимо, первоочередного насыщения внутреннего спроса, который пока удовлетворяется импортом. С учетом приведенных обстоятельств конкуренция за пределами Ирака представляется небезнадежной только после результативных, комплексных структурно-экономических реформ в России по целому ряду направлений. Иначе говоря, это проблема преимущественно общегосударственного, а не корпоративного или отраслевого уровня.

Конечно, правительственная поддержка очень пригодится российским предприятиям и в Ираке, но главным образом политическая, тогда как своей экономической деятельностью они могли бы реально принести осязаемую пользу отечественному государству. На ранних этапах их вклад мог бы оказаться наиболее весом в начале решения проблем, связанных с задолженностью Ирака бывшему Советскому Союзу и соответственно России, как правопреемнице СССР по всем зарубежным активам и пассивам. Суммы этой задолженности подлежат тщательному уточнению. Пока чаще всего называются цифры 7–9 млрд. долл. Однако не исключено, что они относятся лишь к поставкам вооружений и подрядам на объекты стратегической инфраструктуры, включая транспортную. Тогда, дополненная кредитами на гражданские проекты, сумма могла бы заметно превзойти десяток миллиардов долларов. В любом случае, нынешняя блокадная ситуация по последствиям равносильна банкротству, при котором иракские долги могут оставаться активами кредиторов с изрядной условностью, почти исключительно номинальными. Однако есть основания надеяться, что по мере возвращения Ирака в систему мирового хозяйства практический коммерческий интерес к этим пока еще "бухгалтерским архивам" будет усиливаться.

Тогда вероятно появление сразу нескольких альтернативных возможностей распорядиться пока абсолютно неликвидными активами, включая наиболее ранний вариант их реализации на вторичных рынках иностранных долговых обязательств, не дожидаясь начала погашения. Рентабельность подобных операций, естественно, должна находиться в прямо пропорциональной зависимости от близости сроков, когда возобновится обслуживание долга, и от интенсивности этого процесса. Эти принципиально важные для конъюнктуры вторичных рынков факторы, в свою очередь, определяются равномерностью либо, наоборот, избирательностью платежей конкретным кредиторам. Есть веские основания предположить наиболее вероятной последнюю тенденцию, причем вплоть до крайних проявлений дискриминации бывших источников заемных ресурсов исключительно по принципу заинтересованности Ирака в постсанкционном экономическом сотрудничестве с ними.

Во-первых, можно сослаться на прецеденты частичного погашения этим государством "гражданской" задолженности Франции и ФРГ в 1985 г., хотя вообще платежи по обслуживанию иракского внешнего долга были прерваны с 1983 г. Во-вторых, события августа-сентября 1996 г. продемонстрировали усиление политических разногласий между бывшими экономическими партнерами Ирака, с которым до санкций сотрудничало в разных областях большинство промышленно развитых стран Запада и Япония – тогда крупнейший "гражданский" кредитор среди них с остатком иракского долга на 3 млрд. долл., в т.ч. на 2,4 млрд. гарантированных экспортерам японским правительством. Поэтому если накануне блокады в этой группе экспортеров ссудного капитала, по крайней мере, преобладало неписаное правило коллективного урегулирования проблем с несостоятельными должниками, включая Ирак, путем консолидации сумм их задолженности просроченной парижским и лондонским банковскими "клубами", хотя и с отдельными исключениями, то на послеблокадное будущее вопрос о правилах и исключениях представляется весьма дискуссионным.

Тем более важно России иметь собственные экономические рычаги, способствующие возврату иракских долгов. А лучшие гарантии, чем долгосрочные нефтяные контракты, которые одновременно обеспечивают и стимулы, и средства для погашения, вряд ли удастся найти. Ускорению процесса и мобилизации дополнительных капитальных ресурсов, вероятно, могли бы помочь разнообразные многоступенчатые схемы, помимо уже упомянутых вторичных зарубежных рынков. Например, заслуживает внимания ва-

риант частичного выкупа иракских долгов российскими нефтяными корпорациями, которые, в свою очередь, попытались бы организовать эмиссию ценных бумаг от собственного имени специально для финансирования подрядных работ в Ираке, ожидая расчеты по контрактам и доблокадным кредитам.

Но сколь бы ни были весомы экономические аргументы в пользу возобновления российско–иракского сотрудничества, из коих здесь приведена лишь часть, небезосновательны также и опасения вероятной конкуренции двух государств – экспортеров углеводородного сырья и импортеров его факторов производства. Если бы дело действительно дошло до соперничества, то у Ирака оказались бы неоспоримые преимущества перед Россией. Главное среди них – превосходство по рентабельности нефтеэкспортных операций в 9,6–12,7 раза, судя по настолько же более низким, согласно расчетам, удельным приростным инвестициям. При ценах жидкого топлива до подъема осенью 1996 г. эти характеристики позволили бы извлекать в полтора–два раза большие рентные доходы из эксплуатации иранских нефтегазовых ресурсов, чем из российских. И хотя преобладающая часть этих видов современной нефтяной ренты обычно достается государствам–собственникам недр, а не их арендаторам, все же этот экономический принцип действует отнюдь не автоматически, а потому для транснационального бизнеса при прочих равных условиях привлекательнее партнеры, с которыми есть за что поторговаться. Кроме того, и побудительные мотивы, и политическая решимость на коммерческие компромиссы у Ирака пока сильнее, чем у России на общегосударственном уровне. Наконец, институциональные факторы иракского инвестиционного климата также могут оказаться привлекательнее, хотя бы ожидаемым относительным постоянством на фоне слишком частой и разнонаправленной смены российских условий для деятельности нефтяного капитала в 90–х годах.

Но все же вероятность непосредственной российско–иракской конкуренции за привлечение иностранного капитала, товаров и услуг в нефтегазовую индустрию представляется гораздо меньшей, чем между Ираком и другими производителями и экспортерами сравнительно "дешевого" углеводородного сырья, в первую очередь ближневосточными и североафриканскими, с одной стороны, а с другой – между группами производителей "дешевого" и "дорогого" минерального топлива в целом. Слишком велики различия их потребностей в конкретных факторах производства, которые у России гораздо сложнее и "высокотехнологичнее", чем у Ирака.

Пожалуй, единственную по-настоящему серьезную опасность мог бы представить "залповый выброс" продукции старых и новых иракских нефтепромыслов, крайне нежелательный для большинства агентов мирового топливно-энергетического хозяйства, кроме тех, чьи функции узко ограничены импортом и потреблением энергоресурсов. Если десяток лет назад, в 1986 г. превышения добычи нефти над ее потреблением менее чем на сотню миллионов тонн или на 3,3% оказалось достаточно для более чем двукратного "коллапса" мировых цен в среднем относительно предыдущего года, то ценовую реакцию еще более лабильного современного рынка на втрое-вчетверо больший дисбаланс, абсолютный и относительный, страшно вообразить. Однако здесь уже упоминались транспортные и иные проблемы, которые сводят почти на нет практическую вероятность резкого прорыва Ирака на международные рынки, а тем более – синхронизацию его с вводом в строй дополнительного нефтеэкспортного потенциала России, центральноазиатских республик СНГ и Азербайджана, где ожидается наибольший прирост этих мощностей. К приведенной аргументации следует добавить, что перечисленных среди стран Ирак и Россия, по крайней мере, лишь очень недолго смогли бы выдерживать расчетные "пиковые" нагрузки на свои нефтегазовые комплексы в целом, поскольку наряду с освоением новых месторождений нуждаются в широкомасштабной интенсификации разработки старых, чтобы замедлить снижение их естественной продуктивности. Но самой надежной и, по всей видимости, необходимой гарантией рыночной конъюнктуры от "перегрева" и потрясений вполне могли бы стать согласование сроков начала эксплуатации и вывода из нее крупных промыслов, а то и некоторая координация производственно-коммерческих программ в гибкой увязке с ценообразующими факторами.

В любом случае, долговременное присутствие российских нефтяных компаний в Ираке – предположительно вторым, после Саудовской Аравии, экспортном центре мирового топливно-энергетического хозяйства – только повысило бы степень информированности нашего государства и деловых кругов обо всей этой системе, а главное – свободу маневра и способности играть в ней активную роль. В стратегических интересах России превратить ее внутреннюю и внешнюю энергосырьевую политику из преимущественно валютного балансира бюджета, международных расчетов и средства "авральной" компенсации экономических диспропорций, унаследованных от советских времен, в гарантию рационального

использования невозобновимых ресурсов. Исходя из современных геэкономических условий, нашей стране пока гораздо выгоднее не форсировать экспорт своего "дорогого" ископаемого топлива и не делиться относительно скромными удельными доходами от него с иностранным капиталом, а перенести, по мере возможности, акцент на операции с более "дешевым" зарубежным энергохимическим сырьем и продуктами его переработки. Иракские контракты не только открыли бы первые широкие перспективы подобной частичной смены приоритетов, но и, судя по приведенным оценкам связанных с ними финансовых потоков, позволили бы практически компенсировать меньшие объемы сырьевого российского экспорта гораздо более предпочтительным экспортом промышленного оборудования, материалов, проектно–конструкторских и иных услуг.

При почти неизбежном будущем подорожании жидкого и газообразного топлива на мировых рынках, с одной стороны, а с другой – после постепенного развития и освоения Россией собственных прогрессивных факторов его производства "сэкономленные" минерально–сырьевые запасы могли бы использоваться гораздо эффективнее.

Однако до наступления этих благоприятных событий нашей стране, наряду с другими экспортёрами жидкого топлива, предстоит, по всей вероятности, пережить трудный этап, для успешного преодоления которого координация внутренних и внешних аспектов, общая коррекция российской энергосырьевой стратегии не просто желательны, а все настоятельнее необходимы. Этот этап включает сначала нарастание, а затем постепенное преодоление избытка производственных мощностей и экспортного потенциала мирового нефтегазового хозяйства в сочетании со сменой механизмов функционирования его рынков. Возвращение на них Ирака означало бы одновременно переход, условно говоря, от монополярной по преимуществу модели или от монополярной по ряду признаков к много– либо, как минимум, биполярной олигополярной. В первой из двух моделей, которая функционирует с начала 90–х годов до сих пор, фактически благодаря отсутствию Ирака, избыточный нефтеэкспортный потенциал обычно вписывается в интервал 150–250 млн. т в год, почти полностью сосредотачивается в странах–участницах ОПЕК и более чем наполовину – в одной Саудовской Аравии. Тем самым Саудии обеспечена роль балансирующего поставщика, который в состоянии уравновесить расхождения спроса и предложения, определяя среднесрочные тенденции ценообразования, самостоятельно либо с двумя–тремя другими государ-

ствами ОПЕК, чаще всего с ближайшими партнерами по Совету сотрудничества арабских государств залива.

На случай скорой и полной отмены антииракских санкций, пока чисто гипотетический, а также успешной и своевременной реализации всех отраслевых программ, заявленных к 1996 г., прогнозируется до 2000 г. дальнейшее удвоение экспортного избытка над импортным спросом до 400–480 млн. т годовых возможных поставок жидкого топлива. Вернув международно-правовой равный статус и осуществив планы расширения нефтяного потенциала, промышленного и внешнеторгового, до 2/3–3/4 саудовского, Ирак автоматически де-факто приобрел бы себе право вето по наиболее важным вопросам производственной и рыночной политики ОПЕК, которым пока почти безраздельно владеет Саудия. Эти два государства похожи еще и тем, что в современном мире только их нефтегазовые индустрии способны длительно с прибылью функционировать даже при падении мировых цен ниже 5 долл. за баррель или в 3,5–4,5 раза от уровней накануне и после последних ракетно-бомбовых ударов США по Ираку осенью 1996 г.

Последняя ситуация, катастрофическая для экономики новых российских нефтепромыслов, предсказывается, алармистами как вероятная рыночная реакция на паралич системы производственного квотирования ОПЕК. Избежать кризисных вариантов развития событий можно лишь на основе соглашения между основными экспортерами углеводородного сырья в котором позиции России оказались бы тем выигрышнее, чем четче будут определены ее интересы и диверсифицированы функции в мировом топливно-энергетическом хозяйстве, в т.ч. связанные с противоречивым иракским фактором.

**ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ И ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ИРАНА
(ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ).**

С тех пор, как европейские страны сделали в XVII–XVIII вв. формационный прорыв в своем развитии и страны Востока все более и более стали отставать от них по уровню своего экономического развития, проблемы модернизации для Ирана оказывались тесно связанными с усвоением опыта европейских стран, постепенным включением Ирана в мировое капиталистическое хозяйство.

Иранский опыт экономической модернизации оказался одним из самых своеобразных на Востоке, вобрав в себя и "белую" и "исламскую" революции. Нельзя не видеть в этом влияния созданной в процессе длительного исторического развития экономической системы, способной еще в начале XIX в. обеспечивать активный баланс в торговле с европейскими странами готовыми изделиями¹, воздействия на начальных этапах проникновения в Иран капитализма разных его вариантов – английского и российского.

Процесс экономической модернизации, включающий в себя совершенствование не только производительных сил, но и производственных отношений, оказался наиболее труден в отношении последних, оказавшихся более устойчивым компонентом традиционной иранской экономики, тесно связанным с религиозными, культурными и бытовыми особенностями иранского общества. И хотя осознание экономического превосходства европейских стран совершенно отчетливо произошло уже в начале XIX в., проблема модернизации путем использования европейских форм организации экономического порядка разрешалась в процессе ожесточенной социально–политической и идеологической борьбы между сторон-

¹ Вывоз в Западную Европу иранских готовых изделий в начале XIXв. превышал ввоз в 6,5 раза. Расчет на основе данных о торговле через Трапезунд, приведенных в "The Economic History of Iran. 1800–1914, Ed. Issavi., Chicago – London, 1971, p. 132.

никами почти безоговорочного подражания западным образцам организации общества и столь же яростными защитниками национальных традиций, вплоть до осуществления идей автаркизма. Наиболее ярким отражением соприкосновения . в середине XIX в. иранской социально–политической системы, достигшей в своем развитии достаточно высокого уровня, и молодой набирающей силу формационной системы Запада стали бабидские восстания и реформы Таги–хана. Несмотря на разгром движения, одним из его главных последствий стало то, что оно зародило осознание необходимости институтов личной неприкосновенности и частной собственности. По мнению некоторых иранских ученых движение бабидов оказало значительное влияние на восприятие Ираном необходимости присоединиться к европейскому типу развития.² Особенно важную веху в экономической истории Ирана сыграли реформы Таги–хана, который став в 1848г. первым министром Насер ад–Дин–шаха, смог за три года своей реформаторской деятельности оставить незабываемый след в истории и памяти народа. Проведение реформ он начинает под несомненным влиянием турецких реформ Танзимата, в свою очередь вызванных необходимостью адаптации восточного общества к европейским влияниям. Эта была попытка ускорить экономическое развитие Ирана путем внедрения капиталистических форм предпринимательства, использования технических достижений европейских стран на государственных и частных предприятиях, и одновременно создания системы защиты национальных форм промышленности и торговли, которые по убеждению реформатора в это время еще не исчерпали своих потенциальных возможностей для развития или усвоения западного опыта.³ Падение Мирзы Таги–хана, которое фактически означало отказ от дальнейшего углубления реформ, объяснялось многими причинами, в том числе вмешательством соперничающих в Иране держав, а главное неподготовленностью иранского общества к их восприятию. Иранская система все более и более стала обнаружи-

² Э.Нури. Аргаме шайтан, Тебриз, 1950 ,стр. 40.

³ Внимание к использованию национальных традиций, акцент в экономической деятельности на государственном секторе, в рамках которого создавались первые в стране модернизированные, оснащенные европейским оборудованием и наемной рабочей силой предприятия, объясняет интерес к Мирзе Таги–хану современных лидеров исламского режима. Еще в 60–х годах нынешним президентом Ирана Али Хафсанджани была написана книга "Амире Кабир йа кахрамане мобарезе ба эстемар".

вать свою неспособность к ускорению развития на самостоятельной основе, а освоение элементов нового формационного порядка приобрело крайне затяжной характер. Уже в конце XIX в. болезненное национальное чувство отсталости и необходимости использования западных принципов экономического развития нашло компромисс в признании лишь технико-финансового превосходства Запада, не подвергая при этом сомнению приоритета собственно иранских культурных, а главное религиозных ценностей, что отчетливо проявилось в воззрениях Малькольм-хана. В современном Иране подобное представление о модернизации как заимствовании лишь технических достижений Запада нашло свое отражение в концепциях идеологов исламского режима.

Сам процесс модернизации шел не постепенно, а скачкообразно. И это может служить подтверждением тому, что сам процесс и уровень развития зависел главным образом от объемов вносимых элементов нового мирового порядка, а также от структуры этих элементов, одни из которых сразу могли прижиться на иранской почве и дать результаты, а другие нет.

В условиях сохраняющегося государственного суверенитета большую роль при этом имела политика центральной власти. С установлением в 20-х годах власти новой династии Пехлеви происходит скачок в процессе модернизации страны, главными составляющими которой явились национализм и государственный капитализм.

Уже первые годы правления Реза-шаха произвели ошеломляющее впечатление на современников, главным образом, из-за массовости и скорости привнесения в иранское общество элементов европейской цивилизации и капиталистических форм хозяйствования. Силой подавив сепаратистские движения и добившись концентрации в своих руках сильной государственной власти. Реза-шах создает современную экономическую и социальную инфраструктуру, обращая особое внимание на расширение светского образования, внедрение европейских норм поведения и быта, вводит нормы буржуазного права, которые подготовили отмену в 1928 г. капитуляционного режима, юридически подтвердившего равный подход к понятию права, свободы личности и собственности в Иране и в европейских странах. Была сделана попытка прорыва в процессе модернизации, которая требовала комплексного заимствования новых форм организации хозяйства и общества. Необходимо было наращивать производительные силы и менять менталитет общества с тем, чтобы оно могло воспринять и использо-

вать эти производительные силы. Отличительной особенностью этого периода модернизации, ориентированного на привнесение западного опыта, стало ограничение связей с мировым хозяйством лишь торговыми. Следуя принципам национализма, правительство Реза-шаха отказалось от привлечения внешних займов, а выдвигавшиеся Ираном условия использования иностранных инвестиций фактически преградили им путь в страну. Конечно, продолжала действовать Англо-Иранская Нефтяная компания, но эволюция ее капитала и его строения практически не влияли на формирование современных форм предпринимательства, так как развитие нефтяной промышленности в Иране носило настолько анклавный характер, что даже вблизи нефтепромыслов не возникало никаких сопутствующих национальных производств. Тем не менее, влияние АИНК на развитие страны, в том числе на процессы модернизации, были велики, так как за счет концессионных платежей осуществлялось техническое и организационное переоснащение армии, и частично были профинансированы работы по завершению строительства Трансиранской железной дороги. Кроме того, на предприятиях АИНК работали тысячи иранских рабочих, инженеров и служащих, приобретая мировоззрение работников капиталистически организованных форм производства.

Следующим этапом модернизации экономики, явно ориентированным на прямое заимствование опыта развитых капиталистических стран, особенно США, стал период "белой" революции, или революции "шаха и народа", или период реформ 60–70-х гг. Главным фактором трансформации иранской экономики в более или менее однородное экономическое пространство стала аграрная реформа, а высокие темпы роста и экономического развития базировались на проводимой индустриализации. Реформы шахского периода в целом были направлены на подрыв традиционных институтов социально-общественной жизни, на быстрое внедрение современных форм хозяйствования, особенно со второй половины 70-х годов, когда в результате резкого повышения доходов от нефти Иран стал закупать не только наиболее высококачественные изделия, но и промышленные предприятия "под ключ". Привлекая в страну иностранные инвестиции, увеличивая финансовые возможности государственного сектора как крупнейшего предпринимателя страны, Иран превратился в 70-е годы в один из полигонов новых мировых технологий и производств, эффективность которых еще не была выявлена в странах, их поставлявших.

В начальный период реформ индустриализация и рост крупных современных производств стимулировали появление мелкого промышленного предпринимательства, а трансформация традиционных производств не выходила за рамки допустимой социальной напряженности. Хотя структура мелкого предпринимательства изменилась, но численность его значительно увеличилась – с 1964/65г. по 1972/73г. более чем в два раза. Однако уже в первой половине 70–х гг. происходит резкая трансформация мелкой промышленности, обеспечивавшей большую часть занятости. Буквально за какие–то 3–4 года после 1972/73г. оказывается сведенной на нет участие мелких форм хозяйства в процессах производственного инвестирования, а число мелких городских промышленных предприятий вновь возвращается в 1976/77г. к уровню десятилетней давности. Такое быстрое сокращение более чем на 40% от числа оставшихся не могло не стать дестабилизирующим социальную ситуацию фактором.

Шахская политика модернизации экономики смогла обеспечить высокие темпы роста всех отраслей. Среднегодовые темпы прироста ВВП в 1967/68г.–1976/77г. составили 10,8%, в том числе обрабатывающей промышленности – 12,8%.⁴ Национальный доход в расчете на душу населения за 10 лет реформы – с 1962/63г. по 1972/73г. увеличился с 172 долл. до 457 долл., а в 1977/78г. – до 2020 долл. Однако углублявшаяся неравномерность в распределении доходов, вымывание мелкого и среднего предпринимательства, особенно из–за быстро монополизирующегося рынка, оказавшегося в руках немногих торгово–промышленных государственных и частных групп, тесно связанных с иностранным капиталом, чрезмерное вмешательство государства в экономику, включая ценнообразование, вызвали нарастание негативных процессов. Темпы роста национального продукта снизились, стала нарастать инфляция, появился черный рынок, росли спекуляция, коррупция и взяточничество. Ускоренное развитие капитализма, обеспеченное на начальных этапах авторитарностью власти, через полтора десятка лет споткнулось об эту авторитарность. Невиданная концентрация политической и экономической власти в руках шахской семьи и немногих монопольных групп, их тесная связь с иностранным капиталом и чрезвычайно высокий уровень сложившейся зависимости иранского потребительского, а главное производственного рынка от поставок из развитых стран, – вызвали растущее недовольство

⁴ Расчет по "Сальнаме–е амарие кешвар сале 2536", с. 658.

шахской моделью модернизации страны, которая была разрушена революцией 1978–1979 гг. Массовость антишахского движения, его отчетливая антизападная направленность, несмотря на очевидные для всего мира достижения в экономическом росте, показала, что в конкретных условиях 60–70х гг. применение технологий и методик западной экономической и особенно социальной практики не дали ожидаемого результата и даже представили угрозу. Если доминирующая в иранском обществе система ценностей еще в 60–е годы не противоречила в целом направленности социально–экономического развития, то к концу 70–х гг. опорой бюрократически–монополизированного иранского капитализма стали социальные приоритеты, которые не смогли занять доминирующих позиций в обществе.

С точки зрения институциональной теории, ориентированной в значительной мере на развивающиеся страны, исламскому режиму удалось для стабилизации созданной им социально–общественной системы учесть влияние человеческого фактора, взаимосвязь между чисто экономическими и социально–институциональными факторами. Многие из положений ислама, касающихся взглядов на государство и экономику, обеспечивали легитимность нового порядка. В систему исламских ориентиров вписывались и такие человеческие качества, присущие иранцам и оказывавшим непосредственное влияние на экономическое развитие, как привычка к патернализму, склонность к фанатизму, к поиску внешних врагов как источнику бед, мифологизированность сознания.

Кроме попыток полнее использовать традиции и религиозный фактор, исламский режим за первое десятилетие своего существования не привнес сколько–нибудь принципиально иных, по сравнению с прошедшим историческим периодом, факторов в процесс модернизации производственных сил, в возможность повышения качества жизни общества. Даже наоборот, жизненный уровень населения снижался, особенно по сравнению со странами, вставшими на путь применения рыночных моделей капиталистического развития. Промышленное производство падало, зависимость страны от продажи нефти на мировом рынке не ослабевала.

Но этот отрицательный результат можно расценить и как позитивный с точки зрения осмысления правительственными кругами истинного положения Ирана в мировом хозяйстве и его возможности к саморазвитию. Что имеется при этом в виду?

Сторонники исламского режима считали, что смена политического режима, ориентировавшегося на западный капитал, сможет сделать страну экономически независимой – и с точки зрения нефтяной промышленности, и с точки зрения влияния иностранного капитала на внутренний рынок. Кроме того, хотя шах утверждал, что благодаря его реформам Иран модернизируется ни по западному, ни по советскому вариантам, а по собственному – третьему, иранское общество воспринимало созданную шахом узкомонополизированную экономическую модель как западный капитализм, не адекватный в целом интересам иранского общества.

Проведя национализацию и "сняв" слой бюрократически-монополизированной верхушки, национализировав нефтяную промышленность и значительно ограничив связи с мировым капиталистическим рынком, теоретики "тоухидной экономики" считали, что этим самым снимут помехи для саморазвития иранской экономики на базе "здоровой конкуренции" всех видов собственности.

В течение первого десятилетия существования режима ясно обозначилась чрезмерная зависимость от нефти, и не только как источника валютных поступлений, но и бюджетных средств. Конечно, иранская экономика не носит столь рентного характера, как некоторые другие нефтедобывающие страны. Тем не менее фискальная политика, как один из важнейших регуляторов современного хозяйствования и одна из составляющих успеха экономической модернизации, из-за нефтяных поступлений не играла и до революции сколько-нибудь значительной роли. Исламский режим не внес ничего нового в развитие фискальной системы.

Опыт десятилетнего развития высветил также, что сложившаяся за годы шахского режима зависимость иранской экономики от мирового рынка достигла такого уровня, что резкий отрыв от него угрожал не просто сбоями в развитии, но и стагнацией экономики, особенно промышленных отраслей. А условий технологического "прорыва" или даже случайного шанса для такого прорыва исламская экономика не дала. Стало очевидным, по крайней мере в отношении современных отраслей производства (а остальные отрасли оказались способны лишь на самоподдерживающий рост), что массированное перенесение в 60–70е гг. технологий из развитых стран и строительство иностранными фирмами промышленных предприятий не обеспечило в дальнейшем его самостоятельного развития. Иранская промышленность, во всяком случае в том технологическом и отраслевом наборе, какой был создан в 60–70гг, могла каче-

ственно функционировать лишь в рамках мировой производственной системы.

Более того, пока иранская экономика пыталась выйти из под влияния ТНК, последние стали внедрять в другие страны уже более передовые технологии, и ряд ведущих иранских отраслей, особенно в области электроники, потеряли свою значимость с точки зрения современного спроса. Таким образом, уникальная возможность сравнить Иран 70-х гг., когда он был полигоном передовых технологий, и 80-х гг., с его попытками саморазвития, позволяет выявить тенденции модернизации иранского общества, как восточного общества. Получается, что капитализм нужно встраивать для каждой страны в определенном наборе элементов, которые могут сделать экономическое развитие поступательным. Стало очевидным преимущество стран, избравших не импортзамещающий, как Иран, а экспорториентированный тип индустриализации, который в большей степени обеспечивал превращение зависимости от мирового рынка во взаимозависимость. Даже различие в региональном наборе отраслей создавало разные возможности для дальнейшего развития. Так, строительство государственным и частным сектором современных предприятий оказалось более успешным в процессе создания Тегеранской агломерации, а набор отраслей Тебризской агломерации – менее успешен с точки зрения ее дальнейшего саморазвития.

Обособившись от мирового рынка, Иран не только не усилил свою самостоятельность, а стал терять свой экономический потенциал, ВВП падал, еще более значительно – в 3–4 раза (в условиях увеличения темпов прироста населения) упали размеры валового продукта на душу населения.⁵

Безусловным достижением режима с точки зрения модернизации социально-экономической жизни стала его деятельность по развитию сельской инфраструктуры, включая строительство дорог, аэропортов, жилищ, газификацию, электрификацию, развитие средств связи. Был повышен уровень грамотности – с 490/0 до 74%, в т.ч. в городах с 67% до 82%. Режим широко финансировал геолого-изыскательские работы, позволившие увеличить роль природных факторов в развитии ранее отсталых регионов. Этим

⁵ Из-за различного курса риала ВВП на душу населения оценивается по-разному. По компенсационному курсу Центрального банка в 1987г. он составлял 528 долл. В 1989г. по оценке журнала "Хафте наме" – 1540 долл.

были подготовлены условия для следующего витка модернизации экономики и общества. Этот следующий виток – реформы правительства Рафсанджани.

В основе новой экономической политики, законодательной основой которой стал первый пятилетний план развития (1989/90 – 1994/95 гг.), лежит постепенное разгосударствление экономики и ее либерализация. Набор элементов политики либерализации практически одинаков с другими странами, переходящими к рыночной модели развития. Это – приватизация, усиление роли фискальной политики, либерализация внутренней и внешней торговли, отмена дотаций на продовольствие и государственному сектору, рыночное ценообразование. Это, так сказать, средства, а цель – ускорить экономическое развитие с тем, чтобы способствовать созданию "идеального" общества, которое "с точки зрения мусульман сравнимо с критериями современного развитого общества". Свой новый курс Рафсанджани воспринимает именно как средство приблизиться к "каравану цивилизации", говоря его словами, что "в тот исторический период, когда мир после эпохи Ренессанса шел по пути прогресса, иранские правительства не исполняли свои обязанности должным образом, а потому отстали от каравана цивилизации".⁶

Можно согласиться с иранским определением революции 1978–79гг. как цивилизационной⁷, если считать новым цивилизационным витком именно современное капиталистическое общество. В в программе либерализации экономики, помимо набора инструментов, которые обеспечили бы переход к рыночной экономики, должны присутствовать и такие стратегические ориентиры, которые бы стали стимулами внутреннего развития и конкурентоспособного развития в рамках мировой системы. Эти направления экономической политики, хотя непосредственно не являются элементами либерализации экономики, но органически связаны с ней и смогут сделать переход к рыночной экономике необратимым.

Одним из таких направлений является политика привлечения иностранного капитала, разрешающая участие до 50% в совместных компаниях. Правительство за счет государственной собственности обеспечивает гарантии иностранному капиталу, который направляется в дороги, мосты, нефтепроводы, экспортные отрасли обрабатывающей промышленности. Это один из главных факторов

⁶ Третий взгляд, 1996, №37, с. 10.

⁷ Хаким Фаршид. Как кому видится Исламская революция. Азия и Африка сегодня, 1994, №8–9, с. 61.

модернизации, а также повышения роли иранского частного сектора, долю которого в иранской экономике предлагается поднять за период 2 пятилетнего плана, т.е. к концу века с 25% до 40–50%.

Новым направлением экономической политики является стремление повысить качество социальной и экономической инфраструктуры, особенно информационных систем. Очевидно стремление к созданию однотипного по качеству экономического пространства, способного к восприятию новых технологий производства и управления, к формированию современной структуры спроса.

Еще одним направлением является переход к экспорториентированной экономике. Уже достигнутый уровень либерализации иранской экономики позволил установить возможный набор таких отраслей, так как многие из созданных при шахском режиме производств без государственных вливаний в виде дешевых валютных средств и электроэнергии обнаружили свою неконкурентоспособность. Поэтому сейчас наиболее конкурентными и экспорториентированными отраслями станут энергетика, нефтехимия, производство минеральных удобрений. Причем стратегическим направлением экономической политики является не просто повышение не нефтяного экспорта и экспорториентированных производств, а развитие обрабатывающей экспортной промышленности. И это сознательный выбор иранского режима не только с точки зрения экономической эффективности. Иранские сторонники либерализации считают, что ориентация на сырьевые отрасли, находящиеся в руках госсектора, объективно склоняет экономику к ее централизации; сырьевая экономика – это как правило протекционистская экономика. Доходы от экспорта сырьевых отраслей, особенно в исламской системе, поступают непосредственно в руки государства. Ориентация же на обрабатывающую промышленность может сделать процесс либерализации необратимым.

Важную роль в осуществлении нового витка модернизации может сыграть создание свободных экономических зон. Так как капитализм несмотря на долгий путь его развития в Иране, продолжает переноситься, главным образом, определенными сегментами, что порождает трудности адаптации, экономические зоны являются наиболее безболезненной формой анклавного развития. Конечно, наибольшие результаты они дали в наиболее системных с точки зрения развития азиатского способа производства странах, примером чего стал Китай. При существующем в Иране сильном идеологическом противодействии экономическим реформам принятая

программа создания свободных экономических зон также может стать стимулом как внутреннего развития, где национальный и иностранный капитал взаимодействуют в условиях свободной конкуренции, так и повышения конкурентоспособности Ирана на мировом рынке. Собственность иностранных инвесторов может составлять 100% капитала компаний, банки действуют, даже если они образованы иранцами, без исламских ограничений. Все предприятия освобождаются от налогов на 15 лет. Именно здесь могут выявиться те условные факторы, которые смогли бы повысить конкурентоспособность Ирана, выявить нужные мировому хозяйству отрасли, выработать стратегию фирм и т.п., т.е. всего того, что составляет набор "конкурентного ромба" М. Портера⁸. И это принесло свои результаты, т.к. к 1996г. подано заявок от иностранных инвесторов на 5 млрд. долл, которые они готовы вложить в электростанции, нефтехимию, сталелитейные комплексы, гостиничную индустрию.

Движение иранской экономики, таким образом, находится в русле общемировой тенденции, хотя Иран в своем переходе к либерализованной экономике фактически приходит к созданию "смешанной экономики" в ее европейском понимании. Сохраняется мощный государственный сектор и методы государственного вмешательства на рынок. Достигнутое в иранском обществе хрупкое равновесие между сторонниками и противниками реформ правительства Рафсанджани в значительной мере опирается на возможности государственного сектора использовать рыночные методы хозяйствования для своего развития, сохранив тем самым основные экономические рычаги в руках исламского государства. Сторонники рыночных реформ считают, что Иран движется по пути создания собственной рыночной модели развития, отличной от американской, немецкой, японской и других, и для него необходимо создание такой экономической модели, которая бы обеспечивала функционирование и рыночных механизмов и государственного контроля за экономикой.⁹ В этом взгляде на экономическую политику 90-х гг. можно увидеть и осознание собственной вторичности стадийного уровня, достигнутого в центрах мирового капиталистического хозяйства, и поиск возможностей развития преимущественно на иранской основе, т.е. своего "иранского капитализма", в

⁸ Michael E. Porter. The Competitive Advantage of Nations. N-Y. 1990. p. 69-178.

⁹ Третий взгляд, 1995, №35, стр. 23.

котором огромную роль будет играть государственный протекционизм в самых различных формах. Такое видение дальнейшей модернизации иранского общества не противоречит исламским воззрениям на экономику и положениям Конституции, давая возможность экономически и психологически подготовить иранское общество к освоению научно–технических достижений, используя собственные природные и человеческие ресурсы, создать такую структуру хозяйственного устройства, которая окажется способной к инновационным процессам на национальной основе.

В.И.Гусаров

**СОДРУЖЕСТВО НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ – АРАБСКИЙ
МИР:
НЕИЗВЕДАНЫЕ ПУТИ СОТРУДНИЧЕСТВА**

Распад тоталитарного СССР и образование новых независимых государств были встречены на Арабском Востоке со смешанными чувствами. В богатых нефтяных странах с консервативными режимами не скрывали удовлетворения и даже радости. Так, например, на ежегодной сессии Консультативного совета Всемирной исламской лиги, проходившей в Мекке в январе 1992 г., в заявлении короля Саудовской Аравии Фахда крушение коммунизма было охарактеризовано как благословение Аллаха. Король призвал оказать мусульманам новых государств всестороннюю поддержку и помощь.

В отличие от этого бедные арабские государства сразу осознали, что той помощи, которая оказывалась им в течение трех десятилетий на льготных условиях, а порой и безвозмездно, особенно вооружениями, больше не будет. Эти страны, как и многие другие развивающиеся государства, лишились возможности спекулировать на политическом и военном соперничестве двух сверхдержав и двух лагерей и остались один на один перед лицом глобальных субрегиональных проблем, не считая уже своих собственных, внутренних.

Уже с января 1992 г. государства СНГ (не считая Россию, которая стала правопреемником СССР) и арабские страны начали интенсивно обмениваться взаимными признаниями, устанавливать дипломатические отношения и открывать посольства в столицах друг друга. Так, в январе 1992 г. пять стран СНГ посетил помощник министра иностранных дел Египта Х.Кандиль. По завершении своего визита он призвал правительство АРЕ направить делегации в другие страны СНГ, указав, что они представляют исключительно выгодных для АРЕ партнеров и что выходить на рынки этих стран необходимо сегодня, пока они не заняты промышленно развитыми странами.

В ноябре 1992 г. АРЕ посетил тогдашний министр иностранных дел Азербайджана Т.Гасымов, который заявил, что его страна имеет большое желание "развивать сотрудничество с Египтом во всех областях". Во время его пребывания был подписан протокол о координации позиций Азербайджана и АРЕ по ряду политических проблем, заключены договор о торгово-экономическом сотрудничестве и соглашение о развитии культурных связей между странами, предполагающее, в частности, обмен специалистами и группами студентов.

Постепенно уровень делегаций стал повышаться вплоть до глав государств. Так, в декабре 1992 г. Египет посетили тогдашний президент Украины Л.Кравчук и президент Узбекистана И.Каримов. Во время пребывания в АРЕ И.Каримова было подписано несколько соглашений о сотрудничестве двух стран в политической, экономической и культурной сферах.

В столицах ряда стран СНГ и арабских государств стали открываться посольства. Так, в январе 1993 г. в Каире открылось посольство Армении, которое стало первым дипломатическим представительством этой республики на Ближнем Востоке. В декабре 1995 г. об установлении дипломатических отношений договорились Марокко и Таджикистан.

В мае 1995 г. Египет и Туркмения договорились об открытии посольств в Ашхабаде и Каире. Это решение было принято в ходе визита в АРЕ президента Туркменистана С.Ниязова и его переговоров с президентом АРЕ Х.Мубараком. В подписанном руководителями двух стран совместном заявлении было отмечено, что в ходе переговоров имел место плодотворный обмен мнениями по вопросам развития двусторонних отношений на основе равенства и взаимного уважения. Стороны высказались за развитие торгово-экономического сотрудничества. Лидеры двух стран присутствовали при подписании четырех египетско-туркменских документов – соглашений об экономическом и научно-техническом сотрудничестве, поощрении и взаимной защите инвестиций, о торговом сотрудничестве и проведении регулярных консультаций между дипломатическими ведомствами.

В октябре 1995 г. Египет и Узбекистан подписали в Каире протокол о дипломатическом сотрудничестве. По словам А.Мусы – главы МИДа АРЕ, подписанный протокол явился "важным политическим дополнением" заключенного ранее соглашения о развитии двустороннего экономического сотрудничества.

Вместе с тем прошедшие годы показали, что как новые государства СНГ, так и арабские страны не располагают ни финансовыми, ни кадровыми возможностями, чтобы позволить себе иметь дипломатические представительства во всех арабских столицах и соответственно во всех столицах стран СНГ. Им приходится прибегать к существующей практике совмещения представительств в разных странах в одном центре. Так, например, в посольстве АРЕ в Москве выделены специальные ответственные, лица, уполномоченные представлять интересы Египта в других странах СНГ.

Анализ заявлений государственных деятелей разными арабских стран, сделанных в ходе визитов к ним лидеров СНГ по случаю установления дипломатических отношений и по другим поводам, дает возможность выявить некоторые закономерности. Одна из них, на наш взгляд, состоит в том, что представители богатых нефтяных арабских стран, из международных политических и религиозных организаций обещают странам СНГ, главным образом среднеазиатским и Азербайджану, прежде всего помощь в распространении ислама и лишь во вторую или даже третью очередь – помощь экономическую, в которой те крайне нуждаются сегодня. Так, на упоминавшейся сессии Консультативного совета Всемирной исламской лиги в январе 1992 г. генеральный секретарь этой Лиги А.О.Насиф сообщил, что Лига оказала содействие мусульманам бывшего СССР в строительстве новых и восстановлении старых мечетей, исламских учебных и научных центров, а также в реализации различных проектов развития. Лига, по его словам, предоставляет стипендии студентам и теологам из стран членов СНГ и возможность совершать паломничество в святые места.

Причем поддержка распространению ислама осуществляется в самых различных формах. Одной из них, например, стала активизация деятельности египетского исламского университета "Аль-Азхар". Как сообщила каирская "Иджипшн газет" 1 февраля 1992 г., эта активизация деятельности по проникновению в мусульманские страны-члены СНГ тесно координируется с руководством Саудовской Аравии и осуществляется на саудовские деньги. Королевский режим выделил на эти цели до 35 млн.долл. Основной целью этой деятельности является не только возвращение "блудных сынов в лоно истинного ислама" после крушения коммунистической системы, но и активное противодействие иранской экспансии в бывшие советские республики.

В этом представители "умеренного" ислама встречают полную поддержку со стороны США, не заинтересованных в укреплении

нии позиций Ирана в Средней Азии. По мнению американских специалистов Саудовская Аравия, другие нефтяные страны Аравийского полуострова, а также Египет и Турция имеют по сравнению с Ираном большие шансы на успех, так как реальные условия в Азербайджане и странах Средней Азии объективно не способствуют глубокому проникновению в них идей воинствующего шиизма, проповедуемого иранским религиозно–политическим руководством.

Не приходится ни на минуту сомневаться в том, что руководители среднеазиатских государств, Азербайджана, равно как и других стран–членов СНГ, отдают себе полный отчет в том, какие цели преследуют "братские мусульманские страны", устанавливая с ними дипломатические отношения.

Нетрудно догадаться, что некоторые арабские и соседние исламские государства видят в среднеазиатских и других странах СНГ прежде всего новое поле для интенсивного распространения ислама, для посевов его разных толков. Как только поле даст всходы, это будет означать, что среднеазиатские и некоторые другие страны СНГ созрели для политического подчинения и окончательного превращения их в источник дешевого сырья, дешевой рабочей силы и рынок сбыта не очень–то конкурентоспособной продукции. Но сегодня руководство бывших советских республик Средней Азии, Азербайджана и некоторых других, не желая, разумеется, такой участи своим народам и наоборот, стремясь превратить их в новые кувейты, эмираты и швейцарии, вынуждено идти на это, рассчитывая, пусть даже таким извилистым путем, получить остро необходимую для них финансовую и экономическую помощь.

Поэтому они совершают хадж в Мекку, принимают участие в совещаниях глав государств и правительств стран–участниц Организации Исламская Конференция и в других аналогичных мероприятиях. Подтверждения этой четкой тенденции постоянно пополняются. В феврале 1994 г. Министр хабусов и по делам ислама Марокко А.А.Аль–Мдагри принял заместителя министра иностранных дел Киргизии М.Капарова. В ходе состоявшихся переговоров были обсуждены пути развития двустороннего сотрудничества, в частности, в области образования и ислама.

Единственное, что могут сделать в создавшихся реальных условиях страны СНГ, это не допускать у себя проявления и распространения исламского фундаментализма и экстремизма. Так, после завершения переговоров между делегациями комитетов солидарности АРЕ и Таджикистана, состоявшихся в январе 1995 г. в Каире, было принято заявление с осуждением всех форм терро-

ризма. В этом заявлении была подчеркнута недопустимость использования ислама в качестве ширмы для террористической деятельности и осуждены любые формы потворствования террористическим организациям, будь то их финансирование, снабжение оружием или предоставление им убежища.

Итак, ислам, ислам и еще раз ислам. В любом случае – это сфера духовная. Но странам СНГ сегодня в первую очередь нужны займы, кредиты, инвестиции в экономику. Пока ни в одной из них, кроме России, положение не улучшается, а ухудшается. Главная причина этого состоит в том, что они далеко отстали от России в проведении реформ.

Определенное исключение на этом печальном фоне представляет собой Киргизия, успешно осуществляющая сегодня программу приватизации. Благодаря этому она смогла привлечь (к середине 1995 г.) 680 млн. долл. иностранной помощи. Эти средства обещаны Киргизии различными международными финансовыми организациями, но не арабскими. В случае их действительного поступления Киргизия выйдет на первое место среди бывших советских республик по размерам иностранной помощи на душу населения.

Сообщений же о том, что хоть какая-то арабская страна предоставила относительно крупный кредит какой-то стране СНГ пока не поступало, либо эти факты нам пока неизвестны. Но нам известны просочившиеся в печать сообщения о том, что Украина, Азербайджан и Грузия вели сепаратные переговоры с Ираком и Ливией, пытаясь получить от этих арабских стран свою долю их долгов бывшему СССР (см. "Аргументы и факты" 3.07.1993). Пикантность ситуации состоит в том, что управление долгами бывшего СССР приняла на себя Россия как его правопреемник. А долги эти немалые.

В начале 90-х годов впервые были опубликованы данные о задолженности социалистических и развивающихся стран еще существующего тогда СССР (см. "Известия" 01.03 1990). Из общей суммы этой задолженности в размере 85,8 млрд. инв.руб. (или 122,3 млрд.долл.) на арабские страны приходилось 19,7 млрд. инв.руб. или 23%, а в сумме задолженности только развивающихся стран 35,2%, т.е. больше одной трети. Нашими должниками были 11 арабских стран.

За первую половину 90-х годов ряд арабских стран сумел сократить свою задолженность, а ряд других, наоборот, увеличил. Так, в 1994 г. долг Сирии России составлял (в млрд.долл.) 11; Ира-

ка – 5,5; Египта – 3; Ливии и Йемена – по 2,5. Сегодня в условиях задолженности России многим странам Запада и Востока курс ее руководства на то, чтобы добиваться возвращения арабских долгов не только правомерен, но и продиктован объективными условиями.

Однако, Ирак и Ливия не признают за Россией права получения своих долгов бывшему СССР. В такой обстановке требования Украины, Азербайджана и Грузии к Ираку и Ливии вернуть их доли долгов этих стран бывшему СССР не только нарушают существующие договоренности и дополнительно осложняют положение России в этом вопросе, но и намного уменьшают их шансы получить когда-либо свою долю этих долгов в случае их действительного возврата, поскольку сами они не участвуют в погашении долгов СССР странам Запада и другим. Следует учитывать также, что их собственная задолженность России (уже после распада СССР) за нефть, газ, кредиты и прочие товары и услуги постоянно возрастает.

Разумеется, в поставках по льготным советским кредитам в арабские и другие развивающиеся и социалистические страны участвовали сотни заводов всех республик СССР. Произведенные на этих заводах станки, машины и другое оборудование, включая вооружение, и материалы перевозились железными дорогами и пароходствами многих советских республик. Но поскольку договоренность о передаче управления долгами СССР была достигнута, то ее следует соблюдать. Уговор, как известно, дороже денег. Но эта русская поговорка, видимо, не везде известна.

Сегодня же ни одна из стран СНГ, кроме России, по известным причинам не может предоставлять арабским странам кредиты, поэтому экономические отношения между ними ограничиваются в основном торговлей. Однако, арабские страны, составляя во внешней торговле стран СНГ крайне незначительную долю (0,5–2,0%), не имеют для их экономики практически какого-либо значения. Сегодня страны СНГ поставляют на Арабский Восток преимущественно товары ширпотреба и продукты питания. Некоторое исключение составляют белорусские тракторы и узбекские самолеты. В свою очередь, импорт стран СНГ из арабских государств также состоит преимущественно из продовольствия, сельскохозяйственного сырья и бытовой техники.

Дальнейший анализ новейшей официальной статистики затруднен тем, что ряд стран СНГ не дают товарную структуру своей внешней торговли. В ней, по давней советской традиции нет, например, и упоминания о торговле оружием. И это в то время, ко-

гда в российской печати об этом пишется открыто и когда стало известно, что основным направлением нашего сотрудничества в советские годы со многими афро–арабскими странами были военные поставки, составлявшие до 90 и более процентов нашего экспорта в эти страны. Армии многих афро–арабских стран оснащены советским оружием, и их функционирование зависит от продолжения сотрудничества со странами СНГ. Поэтому можно смело предполагать, что ряд стран СНГ ведет или собирается вести продажу боевой техники и запасных частей к ней, либо готовится к поставкам их в качестве металлолома в некоторые арабские страны.

С другой стороны, для современного рынка вооружений характерно возникновение такой новой тенденции, когда некоторые афро–арабские страны вчерашние импортеры советского оружия становятся его экспортерами в страны СНГ. Так, в июне 1992 г. Ливия продала Армении несколько наших же ракетных установок "Скад". В последнее время неоднократно публиковались сообщения о поставках вооружений чеченским сепаратистским формированиям из Азербайджана и проникновении через эту республику вооруженных наемников из ряда арабских стран на территорию России.

Таковы сегодняшние реалии. Что касается будущих перспектив экономических связей между странами СНГ и Арабского Востока, то видится лишь одна область наиболее вероятного сотрудничества между ними – нефтегазовая промышленность. В ряде арабских стран сформировались и окрепли национальные нефтяные компании, которые сегодня ищут возможности вложения своих капиталов. Нефть и газ Казахстана, Средней Азии, Азербайджана они рассматривают как желательную сферу инвестиций. Так, Оманская нефтяная компания входит в международный консорциум по освоению Тенгизского месторождения в Казахстане, общая стоимость проекта которого составляет 20 млрд.долл.

Итак, когда развеялась эйфория первых месяцев независимости, торжественных открытий посольств и начались трудовые будни, выяснилось, что страны СНГ это не прежний Советский Союз, строивший свою экономику на нефтедолларах и предоставлявший льготные кредиты арабским и многим другим странам. В рыночных условиях прежние механизмы сотрудничества не работают и нужно идти неизведанными путями. А для создания новых механизмов реализации высоких деклараций, делавшихся при взаимных признаниях, ни страны СНГ, ни многие арабские государства не имеют практических возможностей.

Чтобы такие возможности появились, необходима, помимо материальных и финансовых ресурсов, ну и конечно благословения Всевышнего, организация отлаженных путей и каналов сотрудничества, строительства новых коммуникаций, нефте- и газопроводов, новых аэродромов, портов и терминалов. Даже при условии стабильного развития все это потребует не одно десятилетие.

Но самой стабильности, прежде всего политической, ни одной из стран СНГ не удалось пока добиться. Вот с этого и следует сегодня начинать.

ТУРЦИЯ МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ

Географическое расположение Турции на юге обширного пространства между Европой и Азией – и в имперском прошлом, и в республиканском настоящем – определяет ее статус евразийского государства. Но дело не только в географии. Евразийство географическое сопровождалось (и сопровождается до сих пор) евразийством цивилизационным, в пространстве которого исторически взаимодействовали, в форме господства и подчинения, исламская, католическая и православная культуры. Сами турки – этнический продукт евразийского тигеля, переплавившего воедино часть народов Малой Азии, Кавказа, Балкан, и тюрок – пришельцев из Центральной Азии. По мнению некоторых турецких социологов, это также и синтез культур: "Итогом многовекового совместного проживания турецкого государства с европейскими неизбежным стало синтезирование культур, османская и западная культуры оказались сплавленными в одном тигеле..., в итоге возникло то, что составляет турецкую культуру. Это не подражательство Западу, но и не освящение всего того, что было в прошлом"¹.

Трудно назвать первоначальный, завоевательный период продвижения турок на запад, до ворот Вены, европеизацией – наоборот, это был период исламизации, османизации части Европы. История свидетельствует, что этот период кончился тогда, когда возрожденная, сбросившая средневековые шоры Европа сумела противопоставить исламско–османской цивилизации свою европейскую цивилизацию – обновленную, динамичную, демонстрирующую духовное раскрепощение человеческой личности, растущий научно–технический прогресс. Возник феномен притягательности европейского пути развития, Европа из объекта завоевания стала объектом подражания.

В итоге, начиная с периода танзимата (реформы 40–х–70–х годов XIX в.) империя, продолжая уменьшаться в размерах, все заметнее дрейфовала в сторону европейского пути развития – под активным и многообразным воздействием как внутренних импульсов, так и при вмешательстве европейских держав. Вплоть до ке-

малистской революции действовала модель зависимой, верхушечной европеизации, активным и жадным агентом в которой выступало халифатское государство.

Развал империи, оккупация, с согласия султанской власти, Стамбула и ряда регионов Анатолии, последовавшая затем национально-освободительная борьба против интервентов, завершившаяся победой кемалистов – все это определило качественно новое продолжение реформации турецкого общества и государства. Идеи европеизации (вестернизации, модернизации и т.п.) синтезировались уже с националистической, антиимпериалистической, антиклерикальной идеологией, причем основами последней стали, во-первых, идея экономической независимости, предусматривавшая и необходимость индустриализации, установление равноправных связей с западным миром, и, во-вторых, идея светской, независимой от института религии (ислама), власти – так как это было в развитых странах. Известный английский историк А.Тойнби следующим образом оценивает условия, в которых стало возможным начать столь глубокую модернизацию отсталой мусульманской страны: "Что же касается движения за окончательную и полную вестернизацию, которую начал в 1919 г. Мустафа Кемаль Ататюрк, то есть сомнение, что даже его потрясающее прозрение и демоническая энергия смогли бы разбудить турок и вытащить их из их великого консерватизма, если бы после первой мировой войны перед ними не встала острая проблема неизбежного выбора между окончательной и бесповоротной вестернизацией или полным уничтожением"². В целом казалось, речь шла все о том же, о вестернизации, но на этот раз идеи создания современного общества исходили из завоеванных в боях возможностей, в условиях политической независимости и республиканского режима.

В отличие от европейских стран, в Турции с такими задачами выступало не "третье сословие", т.е. национальная буржуазия – она почти отсутствовала и экономически, и политически. Лидером "новой" европеизации была турецкая военно-гражданская бюрократия, которую буржуазной по социальным корням и связям было называть преждевременно. Это были представители недавней османской элиты, феодально-буржуазная часть правящего класса. Переходный характер ее определялся тем, что в социально-экономическом смысле она еще была связана в большей мере с традиционными укладами, а духовно ее передовая часть питалась уже идеями вестернизации, гражданского просветительства, идеями Великой французской революции, о которых уже в 1921 г. с эн-

тузиазмом говорил М.Кемаль перед депутатами ВНСТ³. Что касается избрания пути к современной цивилизации, то характерным в этом смысле заявлением было интервью М.Кемалья 29 октября 1923 г. французскому журналисту Морису Перно: "Стран много, а цивилизация одна. Прогресс какой-либо нации обусловлен ее принадлежностью к единой цивилизации. Падение Османской империи началось, когда преисполненная самоуверенности в своем превосходстве над Западом, благодаря одержанным над ним победам, империя порвала все связи с Европой. Эту ошибку мы не повторим... Поэтому наша политика, наши традиции, наши устремления будут направлены на то, чтобы Турция стала европейской страной, или точнее, Турцией, ориентирующейся на Запад... Мы стремимся модернизировать нашу страну, все наши старания направлены на то, чтобы учредить современную, т.е. европейскую власть. Какая страна, стремящаяся приобщиться к цивилизации, не ориентируется на Запад?"⁴. Вручая свои верительные грамоты французскому президенту в Елисейском дворце в 1925 г., турецкий посол Джевад-бей утверждал, что "турецкий народ является сегодня авангардом европейской цивилизации на Востоке. В его интеллектуальном подъеме французская культура играет преобладающую роль"⁵.

Для своей цивилизационной стратегии развития кемалисты не намерены были в качестве образца брать все стороны развития западных обществ. Цивилизационный подход позволял ориентировать собственное развитие на позитивные стороны европейских достижений, их высокий научно-технический уровень, отвергая негативные, как присущие "капиталистическим", "империалистическим", "колониалистским" государствам. "Новые политические кадры, – пишет турецкий автор Я.Тезель, – еще в период национально-освободительной борьбы не спешили подчеркивать, что под стратегией развития подразумевается стратегия капиталистического развития. Имеющийся у них опыт свидетельствовал, что такая стратегия имеет не только свои привлекательные стороны, но и свои изъяны"⁶.

В 20–е и затем в 30–е годы кемалистской властью были проведены в жизнь важнейшие реформы в духе вестернизации, такие как установление республиканского строя, ликвидация халифата, закрытие религиозных орденов, принятие европейского гражданского кодекса, упразднение шариатских судов, отмена хиджры и введение европейского летосчисления, принятие латинского алфавита и др. Некоторые из них носили характер буквальной европеизации, вплоть до одежды – реформа головного убора запрещала

папаху, феску, требовала ношения шляпы, кепи и т.п. Ряд историков даже сравнивает их с реформами Петра в России. Первые светские балы, устраиваемые М.Кемалем в Анкаре, должны были посещать не только высшие республиканские чиновники, соратники М.Кемалея, но и их жены – вопреки прежним традициям. Эти балы напоминали петровские ассамблеи.

Немало положений из османских источников правового регулирования форм собственности, коммерческой деятельности перекочевало и в право кемалистской Турции. Добавляемые новыми законами, они постепенно, на протяжении 20–30–х годов трансформировались в республиканское право Турции, некоторое время представлявшее собою противоречивую, даже эклектическую смесь буржуазного европейского права и остатков шариатского права.

Эти признаки "смешанности" отражались и в конституционном праве. Самой первой конституцией новой власти был документ 1921 г. Он был весьма краток (23 статьи) и декларативен, поэтому в правовой литературе Турции первой конституции считается документ, принятый в 1924 г. В статье 70–й устанавливался ряд публичных прав и свобод, характерных для европейского права: право и свобода договора, передвижения, трудовой деятельности, приобретения и владения, создания торговых товариществ. Статья 74–я гласила, что если не подтверждаются требования публичных интересов, если отсутствует возможность предварительной компенсации, ничье имущество не может быть использовано, ничья собственность не может быть отчуждена.

Универсальную значимость в группе "вестернизаторских" законов, принятых в первое десятилетие, имели новые гражданский кодекс и закон об обязательствах, введенные в 1926 г. по образцу швейцарских и действующих воедино с изменениями до сих пор. Они заменили собою знаменитый меджелле – многотомный свод шариатских законов, принятый в годы танзимата. В гражданском кодексе имелись разделы, устанавливающие буржуазные, светские принципы частного права (положения о физических и юридических лицах, об обществах); семейного права (положения об официальном браке в отличие от религиозного, о семье, имуществе членов семьи и т.п.), праве наследования.

В разделе о вещном праве определялись европейские понятия собственности, владения, – частного, совместного и т.п. В ряде статей детально определялись понятия недвижимого имущества, его виды, порядок его регистрации, приобретения, передачи, поль-

зования. Особенно детально в кодексе были перечислены условия владения земельной собственностью, они свидетельствуют об учреждении в турецком праве с 1926 г. европейского понятия земельная собственность. Аналогичные положения касались движимого имущества. Детально перечислялись права пользования чужим движимым и недвижимым имуществом, долговые обязательства, процент, ипотека, аренда, наем, и т.п.

Перечисленные выше меры кемалистов свидетельствуют о безусловном, осознанном выборе ими европейского пути развития, несмотря на то, что в те годы в европейских государствах, в США преобладала идея "вернуть", мягко говоря, турок в Азию. Эта идея имела хождение некоторое время даже после подписания в 1923 г. Лозаннского мирного договора. Один из многих примеров того периода – статья "Возвращение турка" в американском журнале "Атлантик мансли". Автор статьи категорически против возвращения турок в Европу, поскольку "они всегда останутся турками". Он напоминает историю прихода их в Европу, захват Балкан, покорение многих государств. Вся система и лейтмотив турецкого образа действий состоит в том, чтобы жить на налоги, взимаемые с греков и армян"⁷.

Оценивая в целом "турецкий путь" в Европу в республиканский период, можно утверждать, что он был последователен и неизменен в главном – в сохранении стратегии европеизации, понимаемой как модернизации общества. И если сама эта стратегия не является уникальной, то уникальным можно считать "турецкие" способы ее достижения – через преодоление традиционного авторитаризма восточного общества, преодоление религиозного фактора, преодоление националистической идеологии пантюркизма. Насколько успешными были эти усилия?

1. Европеизация и этатизм

Стремление кемалистов в отсталой, еще лишенной своего третьего сословия, стране создать современное государство и материальную базу европеизации неизбежно предусматривало этатистские меры. К ним кемалисты прибегали сначала вынужденно и эпизодически, но у же в начале 30-х годов окончательно, публично и твердо была провозглашена кемалистская концепция всестороннего государственного вмешательства в социально-экономическую жизнь общества. В эти же годы под воздействием целого комплекса экономических и политических факторов, прежде всего внешних (мировой экономической кризис, угроза фашизма в Европе, дея-

тельность Коминтерна) однопартийная кемалистская власть приобретает черты авторитарного режима. Под лозунгом этатизма вводятся новые принципы валютного и внешнеторгового контроля, предусматривающего строжайшее регулирование внешнеторговых связей, мобилизуются практически все доступные власти внутренние и внешние финансовые источники на создание в короткие сроки новой промышленной и банковской структуры, принадлежащей государству и обеспечивающей до самого последнего времени монополию государства в промышленности, кредитной системе и в значительной мере – в торговле. Создавались в 30–40–е годы и становились отраслевыми монополиями так называемые Государственные экономические организации (ГЭО), контролирующие каждая производство и сбыт одного или нескольких видов продукции: цемента, сахара, сигарет, спирта и водки, черных и цветных металлов, минерального сырья, электроэнергии, нефтепродуктов, и др. Государство полностью монополизировало железнодорожные перевозки, частично – морские, складское хозяйство, в т.ч. в портах, установило за собою преимущественное право закупок по ежегодно устанавливаемым ценам табака, чая, сахарной свеклы, зерна, хлопка, шерсти, и т.д. Через соответствующие организации и исходя из своих весьма ограниченных возможностей государство строило железные и шоссейные дороги, ирригационные системы, снабжало деревню техникой, семенами, проводило земельную реформу, осуществляло электрификацию. Можно думать, что столь широкие масштабы государственного вмешательства противоречили европейским нормам, были заимствованы кемалистами из советского опыта первых пятилеток. Действительно, после советской экономики только турецкая была столь этатизирована. Надо лишь иметь в виду, что в 30–е–40–е годы колониализм был не пропагандистским "пугалом", а реальностью, что этатизм был единственной кратчайшей дорогой в развитую Европу, он, как концепция, никогда не был орудием идеологических экспериментов. Кемалисты были вестернизаторами–прагматиками, защитниками принципов частной собственности. Их этатизм был в тех условиях единственным средством "мобилизации" общества, в том числе предпринимательской прослойки, на обеспечение какого–то уровня политической и экономической независимости. Не будем забывать такие, что и Европа жила в 30–е годы не чистыми идеями и практикой "лессефер", а концепциями кейнсианства. В фашистских же режимах Италии, Германии, авторитарных режимах стран Цен-

тральной Европы этатистские тенденции можно было заметить невооруженным глазом. Это тоже была Европа.

Возникновение авторитарного однопартийного режима в Турции при Ататюрке также имеет свою историю. Уже через год после Лозанны, в конце 1924 г., была создана оппозиционная Прогрессивно–республиканская партия. Программа ПРП свидетельствовала о том, что ее составители не хотели учитывать недавний опыт османской европеизации, больше беспокоились о традиционных интересах компрадорской буржуазии и представителей иностранного капитала, считали, что либерализация экономики в тех условиях не возродит систему зависимости. "Покровительственная политика, – говорилось в статье 33–й, – является не целью, а средством. Мы не хотим защищать всякую отрасль, неспособную к развитию, поднимать дороговизну жизни в стране...". Программа настаивала на необходимости снижения таможенных тарифов, привлечении иностранного капитала⁸. Подавив курдское восстание в 1925 г., власти вскоре запретили Прогрессивно–республиканскую партию.

Спустя несколько лет, в августе 1930 г., очевидно, тяготясь однопартийным режимом, который не соответствовал нормам европейской демократии, кемалисты вновь попытались инициировать деятельность оппозиционной партии, на этот раз именуемой Либерально–демократической. Однако вновь, как и в 1925 г., легально созданная оппозиционная партия в короткое время стала средоточием не только легальной фронды, но и враждебной всему кемалистскому режиму правой оппозиции, включая клерикалов. В ноябре того же 1930 г. она повторила судьбу своей предшественницы – была распущена.

Немалые заботы приносила кемалистам и левая оппозиция, прежде всего почти не выходящая из подполья коммунистическая партия Турции. Турецкая юстиция преследовала компартию в соответствии со статьями 141 и 142 уголовного кодекса, принятого 1 марта 1926 г. и, как утверждают некоторые авторы, повторившего ряд положений итальянского уголовного кодекса времен фашизма. Статьи предполагали многолетние (до 15 лет) сроки тюремного заключения за деятельность, направленную на свержение существующего строя. Между тем можно считать, что турецкие коммунисты, разделяя идею мировой пролетарской революции, были сторонниками другого типа европейской цивилизации, чуждого прагматикам–кемалистам. В основе этого типа лежали некоторые европейские концепции коммунистической утопии. Упомянутый нами А. Тойнби

не преминул в одной из своих работ подчеркнуть, что коммунизм – это "западная ересь...", которую подхватили русские", и добавим от себя – не только русские⁹. К слову сказать, уголовный кодекс столь же тяжелое, как и для коммунистов, наказание предусматривал по статье 163–й для исламистов – за попытки ликвидации светского государства и создания общества, стремящегося возродит религиозные основы и верования. Современные турецкие исследователи, стремящиеся объективно оценить авторитарный режим 30–40–х годов, не ставят под сомнение историческую необходимость такой формы существования власти, как временной, отмечают кратковременность его существования в Турции. Так, М.Тунчай напоминает, что в те годы "многопартийные демократии отсутствовали не только в Турции, их не было и в Советской России и в фашистской Италии. Однако, внешний мир, который привлекал Гази и его соратников, был мир Запада"¹⁰. Самими турками признается, что режим того времени был далек от канонов европейской демократии: "Большое национальное собрание стало образцово–показательным учреждением, представлявшим не народ, а правящую Народную партию. На выборах голоса отдавались лишь кандидатам, представлявшим эту партию. В действительности это даже нельзя было считать выборами. В конце концов народу настолько надоели эти показательные выборы, что он стал уклоняться от голосования. Число голосующих не достигало 25%... Запрещены были политические партии, кроме НРП. Рабочие не могли создавать профсоюзы для защиты своих прав, не могли бастовать... Не могли иметь свои организации крестьяне, молодежь, интеллигенция; если что–то и создавалось, то только под жестким контролем Народной партии. Любая газета не смела выходить за рамки того, что указывалось главному редактору по телефону"¹¹.

Проф. И.Гиритли не согласен с теми, кто в кемалистском режиме видит прототип нынешних военных диктатур. Он пишет, что "авторитарный режим Мустафы Кемала не сопровождался страхом услышать звонок у дверей, страхом от возможности оказаться в концлагере"¹². Концлагерей в Турции не было, но массовые переселения курдов были, как были и массовые преследования не только коммунистов, но и профсоюзных активистов, других левых организаций.

Авторитарная кемалистская власть представляла собою интересы двух элит – военной и гражданской, сами высшие руководители страны: президент, премьер–министр, – были недавние военные, герои боев с интервентами. В турецком парламенте – ВНСТ

также было представлено много военных, в министерствах, госучреждениях, на госпредприятиях прослойка отставных военных оставалась значительной еще многие годы. В то время перед такой властью не возникала угроза замены ее военным режимом, – в этом просто не было необходимости. Впервые необходимость своего периодического вмешательства в политическую жизнь страны военная верхушка в Турции начала ощущать уже после перехода общества к многопартийности, когда стала утверждаться новая европейская традиция – избрание на высшие государственные посты гражданских лиц.

Решение властей об отмене однопартийного режима было принято в конце 40–х годов. Вскоре, в 1950 г. властные функции в стране перешли от НРП к Демократической партии, добившейся успеха благодаря лозунгам обновления, демократизации, европеизации. Программа ДП учитывала интересы окрепшей предпринимательской прослойки, предусматривала отказ от жесткого этатизма, меры по либерализации экономики. Однако обещания начать демократизацию режима, приватизацию не могли быть выполнены. Частный сектор был еще слаб, он мог лишь избирательно осваивать наиболее доступные ему сферы фабричного производства – текстильное прежде всего. Отказавшись от концепции этатизма – фактически лишь на словах, – Демократическая партия не внесла каких–либо существенных корректив в стратегию страны – европеизацию. Более того, с этого времени получают особое признание идеи всестороннего расширения всего комплекса сотрудничества Турции с западным сообществом – и военного и политического (НАТО), и культурного и экономического. Несмотря на критику слева и справа, исходившую как от коммунистов, так и исламистов, в 50–60–е годы были предприняты Турцией первые шаги по установлению особых связей с Европейским экономическим сообществом. Одновременно широким потоком в Европу, прежде все го в ФРГ, устремились турецкие рабочие.

В 60–е годы со страстными призывами к турецкой буржуазии обращался известный социолог Ахмет Хамди Башар, "уговаривая" ее на страницах издаваемого им журнала "Барыш дюньясы" покончить с засильем по–прежнему остававшейся у власти бюрократии, которая "не сеет , не жнет", взять на себя лидерство в политической и экономической жизни общества. Однако вновь и вновь жесткие условия догоняющего развития диктовали правящим силам Турции, особенно "на пути в Европу", необходимость сохранять и даже развивать государственный сектор, государственное вмеша-

тельство в экономику. Турецкие экономисты, представители власти признавали, что даже немногие предприятия госсектора, самые крупные, в состоянии выдержать конкуренцию европейских производителей в условиях интеграции в ЕС.

Реформация многих сторон жизни турецкого общества на принципах либерализации – примечательная особенность существования этого общества после очередного военного переворота, в 80–90-е годы. Наиболее глубокие перемены начали осуществляться в экономике. В годы военного режима (1980–1983) они выглядели как модернизация системы смешанной, государственно-частной экономики, однако в целом монополия государства в экономической жизни оставалась прежней. Только с приходом к власти гражданского правительства Тургута Озала в конце 1983 г. начала осуществляться намного более либеральная модель продвижения к развитой экономике, так сказать "лессефер" в современном турецком варианте.

В программе правительства отмечалось, что основными функциями государства в экономике должны быть функции регулирования, ориентирования, стабилизации – без детального вмешательства. Допускается участие государства в сфере инфраструктуры. "Такие сферы как леса, воды, недра, энергетика, предназначенные для того, чтобы ими пользовалась вся нация, должны рассматриваться как достояние государства. Собственность на упомянутые природные ресурсы принадлежат государству, вместе с тем права на их разработку и эксплуатацию могут предоставляться, в соответствии с определяемыми государством положениями, отдельным лицам либо предприятиям, организуемым отдельными лицами... В принципе государство не должно участвовать в промышленности и торговле, в порядке исключения оно может создавать промышленные предприятия в отсталых районах, однако и они в кратчайшее время должны передаваться нации... В экономической деятельности государство не является конкурентом гражданину, оно – помощник гражданина..."¹³. Совершенно очевидно, что будет большой натяжкой видеть в этих положениях ориентацию лишь на принципы лессефер. "Третье сословие" Турции, развивающееся в значительной мере благодаря поддержке государства, еще не в состоянии отвергнуть этатистские условия своего существования. За государством оставалась почти не тронутая социальная сфера, инфраструктура, недра, сельхозземли и др. Специальный закон, например, оставлял под контролем государства прибрежную полосу.

Даже неполное и краткое перечисление экономических мер второй половины 80–х – начала 90–х годов свидетельствует о том, что это действительно реформаторские меры, как о них говорил Тургут Озал. Отменен существовавший с 30–х годов жесткий контроль государства над валютной системой, либерализованы режим импорта, деятельности иностранного капитала, поощрения экспорта, ограничено в значительной мере вмешательство государства в ценообразование. Одним из краеугольных камней либерализации экономики стала приватизация государственных предприятий. Принятые во второй половине 80–х годов законодательные акты, касающиеся приватизации, оказались поистине революционными: они, если не ликвидировали, то по крайней мере резко ограничили издавна сложившуюся государственную монополию на экономическую и социальную жизнь турецкого общества. Частное предпринимательство получало право действовать в любой сфере производства и услуг, были ликвидированы государственная монополия на производство и торговлю табаком и табачными изделиями, чайная монополия, монополия на воздушные перевозки, на производство электроэнергии, и т.д. Значительно возросло число частных школ, больниц, открылся первый частный университет.

Следует отметить, что эти экономические реформы, открывающие путь к либерализации, созданию свободного рынка, свертыванию госсектора, – носят глубоко противоречивый характер. В них отражено стремление явно окрепшего третьего сословия покончить, наконец, с этатизмом, – не только в области государственной идеологии, но и в области практической деятельности, там, где госсектор и сейчас продолжает сохранять важные позиции. Однако очевидно, что эти растянувшиеся на целое десятилетие меры по либерализации и приватизации, само частное предпринимательство еще не в состоянии взять на себя важные воспроизводственные и социальные функции, не готово заменить госсектор в капиталоемких отраслях, например, энергетике. Поэтому правильнее пока говорить о модернизации и ограничении государственного капитализма, приспособлении его к новым условиям, когда уже остро стоит вопрос о расширении сферы деятельности рыночного механизма. При этом предполагается и сокращение масштабов патерналистского регулирования и поддержки деятельности частного сектора, принуждение его переходить к жестким условиям капиталистической конкуренции.

Как бы далеко ни продвинулось дело интеграции турецкой экономики в европейскую, каким бы сильным ни казалось воздей-

ствие западной культуры, в том числе и политической, и массовой – на турецкую, будет упрощением считать, что путь Турции к развитому обществу, к современной социально–экономической структуре лежит через полное интегрирование с Западом, что турецкая модель развитого общества станет моделью западного типа. Выше уже отмечены некоторые особенности развития Турции, которые можно считать "восточным капитализмом". Это – этатистская модель взаимодействия государства и общества, весьма далекая от европейского так называемого гражданского общества. Эта модель модернизируется, либерализируется, но и поныне под воздействием объективных и субъективных факторов она далека от европейской демократии, сохраняет решающее участие государства в развитии. Не случайно после всех мер Т.Озала по приватизации правительство Чиллер вынуждено было вновь, уже в ноябре 1994 г., провести в парламенте новый закон по приватизации, детализирующий и либерализирующий положение прежних законов. Причем даже по этому новому закону видно, сколь сильны и ныне позиции госсектора в экономике и финансах: госбанки контролировали кредитную систему страны на 50–70%, крупнейшие государственные предприятия, давно записанные в приватизационные списки, еще не приватизированы, имеют колоссальную задолженность, и власти не знают, что с ними делать. Не сбылись надежды турок через приватизацию привлечь в смешанные компании новейшую технологию. Ее продуктивное освоение – дело будущего. Власти Турции вынуждены оправдываться перед руководством МВФ по поводу сохранения госсектора в столь широких масштабах, когда Турция стала уже с января 1996 г. членом Таможенного союза. Можно ожидать не столько "ухода" государства из общественной жизни, из экономики и социальной сферы, сколько постоянного обновления форм и методов такого участия по мере продвижения общества согласно присущей ему модели модернизации.

2. Ислам и модернизация

Совсем недавно, в марте 1996 г. президент Турции С.Демирель, будучи в Вашингтоне с деловым визитом, с гордостью напомнил, что "Турция – единственная в своем регионе светская, демократическая страна". Если судить по меркам региона, в основном мусульманского, а не по классическим европейским меркам, Демирель прав, особенно, когда речь идет о Турции как о светской стране. Огромная заслуга в этом, безусловно, принадлежит Кемалю Ататюрку, который вместо вынужденного дрейфа османского

исламского общества в сторону Европы избрал европеизацию как осознанную стратегию развития турецкого общества. Одним из главных идеологических орудий исполнения этой стратегии была секуляризация. Принцип светскости начал реализовываться первоначально через отмену в 1924 г. халифата, запрет религиозных обществ и орденов, отделения от ислама образования. Позже в процессе упрочения однопартийного авторитарного механизма власти, создания новых, светских государственных идеологических институтов, покоящихся на национализме, светскость стала одним из главных принципов конституционного права. И по сей день в турецкой конституции среди других основополагающих признаков государственности называется принцип секуляризма (ст.2-я).

До сих пор некоторые историки и политики гадают – как удалось Кемалю осуществить этот поистине исторический шаг в отсталом, пронизанном религиозным духом обществе. Ведь секуляризм в Турции, в отличие от западных стран, был реализован, как отмечают историки, "не в итоге эволюционных перемен, под воздействием, в течение веков, на большую часть общества философских идей. Турецкий секуляризм был прежде всего результатом прямой и решительной акции, революционного энтузиазма сравнительно немногочисленной элиты, представленной государственной бюрократией и молодыми армейскими офицерами". Объектом вмешательства кемалистов была, казалось бы, не поддающаяся переменам социально-культурная среда, "в которой по самой ее природе преобладали суеверие, догматизм и невежество"¹⁴. Американские исследователи-туркологи также согласны с тем, что секуляризм (светскость) был и остается "наиболее примечательным аспектом ататюркизма", имея в виду, что до этого, в течение девяти веков ислам был главной ведущей и определяющей силой общественного развития"¹⁵.

Истина о том, какой ценой, с какими жертвами и со стороны исламистов, и со стороны последователей секуляризации проводился в жизнь принцип светскости, еще далека от своего полного освещения. Давно известны и прославлены имена жертв исламских фанатиков, отрезавших головы сторонникам кемалистов. Почти ничего не опубликовано в турецкой исторической литературе о жестоких мерах кемалистов в отношении тех, кто выступил на защиту шариатского режима. Показ в 1994 г. фильма режиссера Метина Чамурджу об Ататюрке вызвал протесты части интеллигенции по той причине, что фильм этот якобы "враждебен памяти об Ататюрке". Отвечая на эти обвинения, режиссер утверждал, что "в

фильме – все правда, все – живая история: и отрезанные у шейхов бороды, и извлеченные из могил и затем повешенные по приказам судов независимости трупы..."¹⁶.

В поисках правды о жестоком времени некоторые турецкие историки – представители молодого поколения приходят даже к выводу, что сам Ататюрк отвергал религиозную веру. Так, Дж.Дюндар в своей статье об Ататюрке писал, что в разговоре с генералом К.Карабекиром он сказал: "Прежде всего мы должны ликвидировать религиозное мышление". А одному английскому писателю он якобы заявил: "Я не религиозен. Я хотел бы, чтобы все религии оказались на морском дне"¹⁷.

Новое республиканское право предусматривало суровые меры в отношении исламистов. В принятом в 1926 г. уголовном кодексе, наряду со статьями 141 и 142, направленными против левого и прежде всего коммунистического движения, имелась также и статья 163, запрещающая использование религии в политических и личных целях. Эта статья действовала до 1991 г., сохраняя чрезвычайно жесткий характер, давая возможность судебным властям применять меры сурового уголовного наказания за религиозную деятельность. В первом абзаце говорилось: "Всякий, кто учреждает, организует общество, либо руководит обществом, целью которого является даже частичное внедрение в социальную, экономическую, политическую, правовую основу государства, вопреки светскости, религиозных принципов и убеждений, подлежит уголовному наказанию сроком от восьми до пятнадцати лет". Все, кто входит в такого рода общества или способствует вступлению в них, подлежит осуждению на срок от 5 до 12 лет.

Далее в статье 163 определялось уголовное наказание (на срок от 5 до 10 лет) за пропаганду в любой форме, проводимую с вышеуказанной целью, а также "ради достижения политической цели, либо обеспечения политических выгод, путем использования религии или религиозных чувств, либо предметов религиозного культа". Та же пропаганда с использованием религиозных чувств, предметов культа и религиозных книг во имя "личного влияния или личных интересов" наказывается сроком от 2 до 5 лет.

В том случае, когда все перечисленные виды уголовной деятельности осуществлялись в государственных учреждениях, сроки наказания в отношении государственных служащих увеличиваются на 1/3.

Следует признать, что жесткая политика властей в отношении института ислама объясняется весьма распространенным в

оппозиционных кругах стремлением его политизировать. Потрясающие всю страну выступления мусульман в 20–30-е годы под руководством курдского шейха Саида и его последователей были первой попыткой национального самовыражения курдов в условиях тюркизации мусульманского национального меньшинства. Секуляризация первоначально была принята лишь небольшой частью общества, в то время в основном сельского; потребовался период долгой трансформации общественной идеологии в условиях диктатуры кемалистов, когда шариатские каноны в умах населения постепенно и с превеликим трудом уступали место причудливому синтезу национализма и европеизации.

Ограничение в отправлении в стране религиозных обрядов привело в конечном счете к оживлению нелегальной деятельности различного рода сект, орденов, обществ не только суннитского, но и шиитского толков. Они открывали нелегальные религиозные школы, кружки по изучению Корана. Сеть школ, неподконтрольных государству, охватила к середине 80-х годов около ста тысяч детей. Изучался и арабский алфавит и язык, на котором осуществляется богослужение. Возникли даже частные школы–пансионы для иногородних учащихся. Тайные религиозные школы создавались часто на средства богатых мусульман, в некоторых из них восстановлены средневековые традиции обучения. Распространение получил и "народный ислам" ("фольк ислам"), в традициях которого – различные формы поклонения святым на местах их захоронений (тюрье)¹⁸.

Кроме преподавания в обычных государственных школах, находящихся в ведении Министерства национального просвещения, религиозные дисциплины (толкование Корана, история мусульманского вероучения) преподаются и на курсах, подчиняющихся Министерству по делам религии, главным образом при мечетях. Задачи министерства – "ведать всеми вопросами, касающимися верующих–мусульман, религиозного культа, нравственности, знакомить общество с религиозной проблематикой, руководить культурными учреждениями". Оно ведает изданием религиозной литературы, и прежде всего Корана. Министерство также через свои вилаетские управления муфтиев контролирует все виды разрешенной религиозной деятельности на местах, управляет всеми мечетями страны. Служители религиозного культа, имамы входят в штат министерства (49,7 тыс.чел.), имеют статус государственных служащих¹⁹.

Среднее специальное религиозное образование (подготовка имамов, читающих хутбу и Коран, преподавателей курсов Корана и т.д.) осуществляется в государственных профессиональных школах имамов–хатибов. В 1992/93 учебном году на уровне средней школы действовало 416 школ имамов–хатибов (258,4 тыс. учащихся, что составляет 10% от общего числа учащихся средних школ) и на уровне лицея – 391 школа имамов–хатибов (137,5 тыс., т.е. 8% всех учащихся лицеев страны)²⁰.

Наряду со средним специальным образованием все более широкое распространение приобрело и высшее теологическое образование, призванное поднять общий уровень знаний преподавателей школ имам–хатибов, в т.ч. богословских знаний и растущего корпуса официально назначенных властями служителей культа.

Первым (после запрещения религиозного обучения в 20–х годах) в 1949 г. открылся теологический факультет в Анкарском университете. В 1959/60 учебном году начал функционировать Высший институт ислама в составе Стамбульского университета, затем такие же институты были открыты в Конье, Кайсери, Измире, Эрзеруме, Бурсе, Самсуне. В институтах ведутся исследования по истории религии стран Востока и Запада, толкованию исламских догм, по турецкой исламской литературе, истории мусульманского искусства Турции, мусульманского права. Выпускники становятся преподавателями религиозных дисциплин. В настоящее время эти институты в рамках университетов реорганизованы в 8 теологических факультетов. Крупнейший из них – факультет Сельджукского университета (г. Конья). По высшей школе статистические показатели отсутствуют – имеются, например, данные Библиотеки конгресса США об обучении теологов в Анкарском университете: их было в 1985 г. 1,3 тыс., в т.ч. 271 женщина²¹.

Оценивая религиозную политику властей, можно отметить несколько задач в этой политике. Основная – сохранение и развитие культуры, морали, нравственности, традиций, единения турецкого общества в условиях общей ориентации на достижения Запада. И сам М.Кемаль Ататюрк и его последователи не были атеистами, как не считают себя атеистами европейски образованные турки. Ислам оставался господствующей религией, влиятельным институтом духовной жизни в стране, эффективным инструментом в национально–освободительной борьбе, а затем и отуречивания нетурецкого населения, не только христианского (греков, армян), но и мусульманского – курдов, арабов, туркмен, выходцев с Кавказа, Крыма. Действовала и действует формула – "единая религия, еди-

ный народ, единая нация". Как далее мы увидим, в выполнении этих задач намного эффективнее стала действовать националистическая идеология, но и религиозная была бесполезной.

Отвергая обвинения против К.Ататюрка в безбожии, издавна выдвигаемые "недалекими защитниками ислама", профессор И.Гиритли в 1989 г. на страницах газеты "Истанбул тиджарет" приводит мнения авторитетных религиозных деятелей прошлого, в том числе М. Джинны, которые были убеждены, что "ни один служитель ислама не сделал для него столько, сколько сделал Ататюрк". И.Гиритли подчеркивает, что "Ататюрк и турецкая нация показали всему исламскому миру и угнетенным народам не только путь спасения. Для обществ, находившихся в плену фанатизма и догм, они стали примером прогресса в свете современного мышления и науки. Сегодня на этих землях никто не смог бы издать даже звука протеста, если бы не успех борьбы, возглавленной Ататюрком". Автор дает следующее понимание Ататюрком светскости, разделяемое многими представителями интеллектуальной верхушки Турции: "Те, кто пытаются смешивать светскость с безбожием – ни кто иной, как враги прогресса, фанатики, выступающие от имени ослепленных, не пробудившихся народов Востока. Не следует разрешать классу софитов эксплуатировать религию, ибо они извлекают материальные выгоды из религии. Следует оберегать ислам от использования его как инструмента политики"... Автор напоминает антикемалистам из исламских кругов, поощряемых фундаменталистами из арабских стран: "Создавая и защищая светское государство, Ататюрк подчеркивал важность религии и уважение к ней", необходимость ее сохранения. Его лозунг – "Светское государство – мусульманская нация"²². Надо признать, что в 70–80–е годы в религиозной ситуации в Турции появилось много признаков, которые исламские фундаменталисты могут расценивать как религиозный ренессанс, хотя продолжала действовать статья 163 Уголовного кодекса, запрещавшая использование религии в политических и личных целях. Эту статью трудно было вменить в вину тем исламистам, противникам европеизации, которые ограничивались научными дискуссиями по проблемам применимости исламских концепций к оценке путей социально–экономического развития исламского мира и прежде всего Турции. Общий тон этих высказываний, представлявших в целом некую новую школу исламской экономики – сомнение в правильности избранного Турцией пути развития.

Один из представителей левого направления школы исламской экономики Мехмед Доган в опубликованной им в 70–е годы

несколькими изданиями книги "Коварство западизации" оценил весьма критически шаги европеизации Турции в период республики. По его мнению, произошла "иностранизация" турецкого общества, его интеллигенции, культуры, процесса реформ, идеологии, политики и т.п. Выделяя три идеологические концепции, влияющие на турецкое общество – западизацию, тюркизм и исламизм, он не отделяет тюркизм от западизации, считает тюркизм продуктом западной цивилизации. "Турецкое государство, порвавшее связи с исламом, мусульманскими сообществами, оказалось политическим образованием, легко поддающимся контролю западного мира"²³. В другой своей книге по аграрному вопросу в Турции он писал, что находившиеся у власти светские партии "лишили широкие народные мусульманские массы возможности выступить против капитализма, западизации и американизации". Окрепшая турецкая буржуазия, по мнению автора книги, стремится реализовать свои идеалы "по образцам потребительской экономики Запада". Идеал же автора – "исламское индустриальное общество". В этом обществе "собственность на средства производства должна быть в руках государства, оно обязано следить за тем, чтобы не было большого разрыва в доходах отдельных лиц". После победы кемалистской революции Турция имела шанс построить исламское индустриальное общество: "Регулируя справедливое использование земли, государство могло осуществить меры по индустриализации в интересах общества, причем не руками частных предпринимателей, а посредством созданных им промышленных объединений".²⁴

Капитализм как приемлемый путь развития страны отрицают все исламские экономисты, по крайней мере на словах, признавая одновременно принцип частной собственности. Вышедшая в конце 1979 г. книга другого исламского экономиста – А.Деббаглю "Введение в исламскую экономику"²⁵ изложила, и весьма детально, возможную схему исламского варианта социально-экономического развития Турции. Из работы очевидно, что основу турецко-исламского понимания государства, исходящего от идеи общества (джемаат) составляют в конечном счете идеи приоритета государства. "Идея о существовании государства исходит из необходимости общественной справедливости и безопасности". Вместе с тем исламское общество способно разрешить противоречие между государством и обществом: внутри сильной централизации – система местного самоуправления, при фундаментальном этатизме – "народная" частная инициатива. Автор выделяет те общественные работы, которыми ведает государство – оросительные системы,

дороги, энергетические и природные богатства и др. Он подвергает капитализм резкой критике, подчеркивая, что по мере развития стран по пути капитализма увеличивается между ними разрыв в уровне доходов. "Новое мышление означает, что турецкий народ вновь должен омусульманиться, что обеспечит ему образование нового общества и нового государства".

В 80–90–е годы перспективы поглощения турецкой социально–экономической структуры, а соответственно и духовной сферы, культуры развитыми западными структурами особенно сильно беспокоит исламистов в Турции. Это беспокойство было обострено, с одной стороны, продолжающимся сближением с Европой, с другой – беспрецедентным оживлением исламского фактора на Востоке, революцией в Иране и т.п. Для позиции исламских кругов в отношении вступления Турции в ЕС характерны взгляды, приводимые в книге "От танзимата до Европейского сообщества", изданной в 1989 г. Авторы книги подчеркивают, что Турция – первая мусульманская страна, которая приобщается к западному, т.е. христианскому миру. Это неизбежно порождает вопросы, даже страхи – не произойдет ли христианизация Турции? Далее, исламские авторы обращают внимание и на неготовность некоторых лидеров Запада принять Турцию в свою семью, поскольку спрашивают – "Турция – исламская страна с иной культурой и религией, что ей нужно в Европейском сообществе?".

Часть авторов благоприятно относится ко всему тому, что способствует приобщению Турции к развитому миру: "Ведь и Ататюрк, напоминает один из авторов, О.Алдыкачты, говорил о необходимости достижения нами уровня современной цивилизации". Это высказывание не разделяет большинство авторов, не скрывает своей настороженности в отношении пути европеизации через ЕС. По мнению проф. Н.Ялчынташа, такой путь "препятствует великому стремлению Турции к прогрессу, он вместо развития науки и технологии предпочитает подражание. Вместо того, чтобы искать пути прогресса в системе исламских ценностей, их искали в европеизации". Автор видит потенциалы прогресса в особой роли Турции в регионе, "она в состоянии создать вокруг себя новые объединения из исламских стран... Наше истинное место – исламский мир и необходимо организовать этот мир". По его мнению. Европейское сообщество – не только экономическое объединение, "оно основано на тройственной основе – греческой, латинской, христианской культурах. Высокомерие ЕС просматривается в том, что

Турцию заставляют ждать у дверей этой организации после того, как она обратилась с желанием вступить в нее²⁶.

В альтернативной форме ставят вопрос о стратегии сотрудничества с Западом и другие сторонники исламского пути. В изданной за короткий срок – четыре раза – осенью 1987 г. и в начале 1988 г. книге "Куда идет Турция" ее автор А.Дилипак, близкий к исламским кругам, спрашивает: что ждет Турцию – единение с Европой, либо исламизация, с учетом оживления исламских идей? Автор уверенно отвечает: "В будущем Турции нет ни Соединенных Штатов, ни Европейского сообщества... Солнце ислама – накануне великого восхода"²⁷

Представители исламистов–теоретиков не разделяют утверждений о том, что турецкое общество обречено лишь на подражание Западу. Они считают, что меры по оживлению частной инициативы могут опираться и на традиции, на нормы ислама, несмотря на внешнюю схожесть некоторых принципов развития западной и исламской цивилизаций. Как отмечено в одном из изданий "Фонда научного исламоведения" – вышедшей в 1987 г. книге "Экономическое развитие и ислам", "необходимо избавляться от комплексов, от представлений о том, что в настоящее время кичливый Запад является единственным центром исторической инициативы, единственным генератором ценностей. По крайней мере это необходимо для мира ислама, ныне чуждого самому себе... У ислама есть собственная цивилизаторская модель экономического развития, своя экономическая политика, ориентированная на современное хозяйство, обеспечивающая ему стабилизацию, гармонию, эффективность, отвергающая все то, что разрушает человека, человеческие ценности и природу"²⁸.

Оживление ислама в быту, в духовной жизни Турции сопровождалось знаменательным событием – появлением в январе 1970 г. первой легальной происламской партии – Партии национального порядка, ставшей предтечей нынешней Партии благополучия. Автор книги "Ислам в политической жизни Турции" М.А.Агаогуллары объясняет создание партии следующим образом – "Исламская религия, исповедывание которой вне мечетей, расценивалось при Ататюрке как наказуемое действие, стала идейной основой политической партии"²⁹. Основатель и фактически бессменный руководитель единственной в стране легальной происламской партии Н.Эрбакан (р.1926 г.) окончил в 1948 г. Стамбульский технический университет с дипломом инженера–механика, затем был докторантом Высшей технической школы в Аахене (Германия). Став в 1954

г. доцентом, он несколько лет, до 1963 г., проработал генеральным директором на фабрике небольших дизельных двигателей фирмы "Гюмюш мотор". В 1965 г. получил звание профессора и с 1966 г. работал в Союзе торгово–промышленных палат и бирж Турции – влиятельной организации, представлявшей интересы частного сектора страны. Занимая довольно высокие посты в союзе, "он привлек к себе внимание, как критик крупных промышленников и торговцев, защитник интересов анатолийских торговцев и мелких промышленников". Заручившись поддержкой этих кругов, он в 1969 г. принял участие в выборах руководства Союза палат, был избран на должность генерального председателя Союза. Однако власти не признали его полномочия, поддержали другого, "своего" кандидата. Несколько дней Эрбакан продержался вместе со своими телохранителями в кабине генерального председателя, а затем насильно был выдворен из здания Союза палат в Анкаре, завоевав таким образом в некоторых СМИ славу стойкого борца за интересы мелкого предпринимателя против крупного капитала. В 1969 г. Эрбакан был избран независимым депутатом ВНСТ от Коньи, а в январе 1970 г. вместе с 17 сторонниками учредил Партию национального порядка и вскоре стал ее генеральным председателем³⁰. В программе ПНП не было прямого упоминания о том, что партия отвергает лаицизм, исповедует исламскую идеологию. Однако шестой раздел программы содержал почти открытую критику принципа светскости в Турции: "Мы против использования светскости – гаранта свободы религии и совести – в качестве инструмента давления на религию и неуважения к верующим"³¹. Отсутствие в программе положений, объясняющих позицию партии в отношении связей Турции с Западной Европой, перспектив вступления ее в Общий рынок, сполна компенсировалось частыми высказываниями на этот счет самого Эрбакана. В своих заявлениях в качестве депутата он подверг Общий рынок жесточайшей критике, называя его детищем некоторых сионистских кругов, владельцев крупного капитала. Вступление Турции в эту организацию, утверждал Эрбакан, "приведет к колонизации Турции Западом". Напоминая своим слушателям, какими природными богатствами обладает мусульманский мир, он призывал их к созданию исламского Общего рынка, "восстановлению исторических и культурных связей" с мусульманскими странами³². Уже в следующем, 1971 году, партия была запрещена по решению Конституционного суда. Так началась одиссея партии и ее лидера, сопровождавшаяся в периоды военных режимов неоднократным запретом ее деятельности, привлечением

к суду Эрбакана. Партия практически всегда была на виду – и в годы преследований ее со стороны военных режимов, и в годы легальной деятельности, выходя иногда на 3–е место на выборах – правда, с большим отставанием от ведущих партий. Она участвовала неоднократно в правительственных коалициях, Эрбакан занимал в 70–е годы даже пост заместителя премьер–министра, а его соратники – важные министерские посты. Участие в правительстве было обеспечено тем, что на парламентских выборах 1973 г. партия Эрбакана получила 48 (11%) мест в парламенте и оказалась "ключевой" между двумя ведущими соперничающими партиями. Большая часть депутатов партии пришли в парламент с должностей мелких служащих, учителей и преподавателей (главным образом, в школах имамов – хатибов). Заметной среди них оказалась доля представителей свободных профессий (27%), торговцев и подрядчиков (10,4%), религиозных деятелей (12,6%)³³.

Много внимания было уделено пропаганде Эрбаканом его партийных взглядов. В 70–е годы он – частый автор на страницах газет и журналов правого направления, автор ряда книг ("Турция и Общий рынок", "Ислам и наука – женщина в исламе – проблема нашей промышленности", "Национальный взгляд" и др.). Но на выборах 1977 г. партия выступила неудачно, потеряв в парламенте половину депутатских мест (часть из них перешла к Партии националистического действия, возглавляемой А.Тюркешем). Тем не менее до военного переворота 1980 г. Эрбакан и его сподвижники – неоднократные участники правительственных коалиций. В результате военного переворота 1980 г. все партии были распущены, против руководства некоторых из них были начаты судебные расследования. Среди арестованных был и Н.Эрбакан, поскольку, как отмечал ежегодный альманах по Турции, его партия "не делала секрета из своей враждебности к Ататюрку и его реформам"³⁴. 8 месяцев, проведенных Эрбаканом в тюрьме, очевидно, лишь усилили его антикемалистские настроения, равно как и его ненависть к армейской верхушке.

Под нынешним названием – Партия благополучия – происламская партия была воссоздана в 1983 г., в ее программе особый упор был сделан на национализм, на духовные и национальные ценности, которые должны обеспечивать единство нации. Принцип лаицизма трактовался как "путь обеспечения на практике свободы религии и совести". На местных выборах 1984 г. за ПБ проголосовало 4,8% избирателей, а в 1986 г. 36 тыс. человек официально числились ее членами. В 1987 г. Н.Эрбакану были возвращены по-

литические права и на очередном съезде ПБ в сентябре того же года он был избран генеральным председателем партии³⁵.

После парламентских выборов конца 1983 г. и восстановления гражданского правления в стране секуляризация вновь принимает противоречивый характер, эволюционируя в сторону смягчения мер в отношении исламистов всех течений и ориентаций. Левоцентристские и в целом демократические круги страны не без основания упрекали тогда правящую Партию отечества и ее лидера Т.Озала в том, что они потворствуют исламистам, позволяя им расширять свою деятельность и на ниве политического ислама, и в сфере образования, укреплять связи с саудовским капиталом, с крайне правыми исламскими группировками, действующими в соседних мусульманских государствах.

В конце 80–х – начале 90–х годов заметно участились попытки исламских кругов легализовать также атрибутику прошлого – в платках и верхней одежде, что особенно бросалось в глаза в университетах. Активизировалась деятельность различных исламских фондов – как на общенациональном уровне, так и на местах. При этом подчеркивается просветительская направленность деятельности фондов, связанных с исламом. Например, большое влияние в результате своей благотворительной деятельности приобрел в Конье Турецко–анатолийский фонд. Руководство фонда заявляет, что на примере добровольных взносов мусульман в фонд "зекят" достигает своей цели. "Мы помогаем неимущим, честным учащимся, любящим нацию и родину, своих соотечественников". Фонд владеет в Конье зданиями, в которых размещаются учебные заведения, общежития, в том числе школа имамов–хатибов. Учреждены стипендии для сотен учащихся, созданы специальные фонды для преподавателей. Такая ситуация наблюдается и в других городах. Ныне этими возможностями, при желании, может пользоваться и молодежь, прибывающая из республик бывшего СССР на учебу в Турции.

Существуют свидетельства в СМИ того, что исламисты, часто не отделяющие себя от крайних националистов, захватили прочные позиции в полиции и госбезопасности – не только в руководстве этих организаций, но главным образом на их нижних уровнях. По этому поводу журнал "Нокта" отмечал в июне 1990 г., что "исламизация кадров в органах безопасности вызывает беспокойство", в некоторых провинциальных организациях на служащих госбезопасности оказывается давление религиозно настроенными сослуживцами, требующими совершать намаз не каждую пятницу, а

пять раз в неделю. В генеральном управлении безопасности был подготовлен 10 марта 1992 г. доклад "о нелегальной деятельности некоторых сотрудников службы безопасности", в котором использованы сведения из досье на 120 незаконных организаций. В документах упоминалось в связи с этим имя религиозного лидера Фетхуллага Гювена и возглавляемой им нелегальной исламской организации "Последователи Фетхуллага", которая "имеет целью заменить на шариатский режим государство, ориентированное, согласно Конституции ТР. на демократическое светское и социально-правовое развитие. Она распространена по всей Турции, действует и в нашей службе, особенно в полицейских колледжах, в полицейской академии и в полицейских школах..." В докладе отмечалось, что упомянутая организация установила контакты с 50% учащихся колледжей, что ее цель – "обосноваться на основных постах в государственных учреждениях". Там происходит успешное насаждение идейно близких ей людей, причем вместо телефонной связи используются курьеры, "наиболее подготовленные кадры отправлены в Азербайджан"³⁶.

Такого рода факты печать, как правило, объясняет тем, что в самой Партии отечества, возглавлявшейся Т.Озалом и находившейся несколько лет у власти после ухода оттуда военных, представлены были и националистические, и религиозные деятели, сторонники идей "исламо-турецкого синтеза". Эти идеи призваны объединить исламистов и крайних националистов, которые, будучи вместе в правом лагере политической жизни страны, давно спорят между собою – какой интегрирующий лозунг эффективнее – исламизм или тюркизм.

В связи с протестами в Турции по поводу казни в Саудовской Аравии в августе 1995 г. 4-х ее граждан за контрабанду наркотиков, газета "Джумхуриет" опубликовала большую статью Хикмета Четинкая "Шею рубят мечом", в которой разоблачались связи саудовцев с турецкими исламистами. Автор сообщал, что во второй половине 80-х годов была организована некая "связная линия" ("Рабыта зинджири") саудовцев в Турции, о которой написал открыто прогрессивный публицист Угур Мумджу и за это поплатился жизнью. Четинкая приводит информацию из другой газеты ("Сабах", 23.03.1987) на эту же тему. Речь идет о том, что названная "связная линия" (или "цепочка") финансировала строительство мечети при здании турецкого парламента, оплачивает расходы на бумагу трех правых турецких газет – "Тюркие", "Милли газете" и

"Терджюман". Эта поддержка осуществляется через саудовскую финансовую компанию "Файсал финанс", созданную в Турции.

Далее автор утверждает, что к середине 80-х годов саудовский и иранский капиталы в Турции поделили между собой мечети, курсы Корана, интернаты и общежития для учащихся. По мере обострения конкуренции между Саудовской Аравией и Ираном разгоралась в Турции борьба между сторонниками религиозных сект и общин, включая тех, кто связан с Партией благополучия – "за лакомые кусочки пирога". Пока Т.Озал говорил о том, что "Турция бросает вызов веку", сторонники шариата "завершили свое внедрение в турецкие вооруженные силы, в полицию, систему национального образования, начали добиваться успеха в вилайетах, ильче, касаба и деревнях". Он считал, что шариатская поддержка сконцентрируется на его Партии Отечества, и Партия благополучия не сможет ею воспользоваться. Поэтому он и предоставил льготы банкам саудовского происхождения. В те годы "Рабыта" оплатила сотни стипендий и при поддержке Партии Отечества организовала распространение шариата в стране³⁷. Иранский "след", как сообщают светские СМИ, не менее заметен в Турции, чем саудовский. Приводится информация о деятельности в некоторых провинциях страны сторонников "Хезбуллах", организовавших подпольные начальные школы, а также летние лагеря с военной подготовкой и организацией стрельбищ. В учебный курс входило изучение произведений иранских религиозных деятелей, включая имама Хомейни³⁸. Одна из таких групп в составе 15 человек была арестована в городке Дюздже, 5 человек оказались членами Партии благополучия, некоторые члены группы имели связи с Ираном. В ходе судебных разбирательств установлено, что некоторые приверженцы "Хезбуллах" в Турции стремились к ликвидации существующего режима, созданию в курдских районах на шиитской основе и по иранской модели исламского курдского государства³⁹.

До недавнего времени в турецком общественном мнении существовало убеждение в необратимости процесса секуляризации в стране. Судя по многим показателям, это мнение пока никем серьезно не оспаривается. Считается, что в Турции сотни лет сильна традиция государства, служитель культа – государственный чиновник, религиозное обучение в значительной мере контролируется государством, европеизация в Турции продвинулась уже далеко, традиционные исламские круги через посредство правых партий в состоянии вести диалог с государством. В нынешних условиях, однако, исламисты пытаются навязать обществу представление о

себе, как о носителях объединительного начала с бывшими республиками СССР и добиться большего влияния и в Турции, и в ряде новых государств Кавказа и Средней Азии.

Очевидно, что на религиозную ситуацию в Турции огромное влияние оказал распад Советского Союза. Эйфория, подъем националистических чувств, охвативший все общество, часто сопровождается и религиозным воодушевлением, стремлением религиозных кругов, тайных сект, орденов в Турции, укрепить свои позиции в стране, приобщившись к процессам легализации, к подъему ислама в новых государствах Кавказа и Средней Азии с традиционной мусульманской культурой. Одним из самых распространенных в начале 90-х годов отголосков такой эйфории, некоего миссионерского духа были слухи о создании Туркестанской исламской республики со столицей в Алма-Аты⁴⁰. Большой интерес у турецких исламистов вызывает и религиозная обстановка в Крыму, в республиках Российской Федерации, отношения между конфессиями в Российской Федерации, особенно между православной церковью и исламом. Надо сказать, что и сейчас, скрупулезно подчеркивая светский характер государственной власти в Турции, ее представители нередко смешивают государственную политику с религиозной в отношениях с государствами, где представлено мусульманское население. Такова поддержка мусульман-нетюрок Югославии, негласная – исламистских деклараций Дудаева и т.д. Сами турки признают – в проникновении в мир "внешних тюрок" и светская власть Турции и религиозные организации, секты действуют рука об руку. Руководитель секты своего имени Фетхуллах-ходжа заявил однажды, что некоторым школам, созданным в тюркских республиках, будет присвоено имя Тансу Чиллер. Таким образом, пишет "Миллиет". он прикрыл государственным зонтиком собственную религиозную деятельность и обеспечил премьер-министру блестящий престиж в исламском мире. Активность Фетхуллага-ходжи в тюркских республиках означает внедрение в эти республики не того, что официально именуется в самой Турции секуляризмом, светскостью, а "мягкого ислама по-турецки", инициатором внедрения которого был Тургут Озал. Все, что сделала Чиллер, – переняла это знамя у Озала⁴¹.

Взаимоотношения общественно-политических сил в сегодняшней Турции на первый взгляд, как и ранее, со времен Кемаля, отражают в полной мере их принадлежность к сторонникам лаицизма или ислама. В 1994–1995 гг. политическое противостояние тогдашнего премьер-министра страны Т.Чиллер и лидера Партии

благополучия Н.Эрбакана представляло собой чуть ли не основную фабулу внутривнутриполитической жизни страны перед парламентскими выборами декабря 1995 г. Т.Чиллер, лидер правительственной Партии верного пути, стремилась выглядеть как последовательный сторонник дальнейшего рыночного реформирования экономики Турции; как глава государства, следующего курсом дальнейшего экономического и политического сближения Турции с Европой и мировым сообществом; и, наконец, как политик, пытающийся продолжить демократическое развитие страны. При этом одним из основных лозунгов Чиллер и ее сторонников являлся лозунг светского развития. Высказывания премьер-министра о приверженности принципу лаицизма дополнялись сдержанными и компромиссными посланиями по этому поводу президента страны С.Демиреля, выступающего ныне не только от имени своей партии, но и от имени нации в целом: "Невозможно даже думать о том, что Турецкая Республика в какой-либо мере отступила от принципа лаицизма, являющегося одной из государственных основ. Лаицизм не означает безверия, он – та единая крыша, под которой уживаются религиозность и свобода совести. Нанесение какого-либо ущерба лаицизму в Турции одновременно означает нанесение ущерба мусульманству..."⁴².

Основные нападки правительственной Партии верного пути против ПБ должны были сосредоточиться, казалось бы, вокруг клерикализма последней, ее связей с исламскими движениями, ее выступлений против интеграции Турции с Европой – "враждебным исламу христианским миром". Однако на практике дело свелось более всего к попыткам банальной дискредитации ПБ, обвинения ее лидеров в денежных махинациях, в частности в связи со сбором в Турции средств для боснийских мусульман. Глухо звучали обвинения в антикемализме. На смелые антирелигиозные шаги ПВП уже не решилась, более того, сама неоднократно обращалась за поддержкой к некоторым лидерам и шейхам влиятельных религиозных сект и тарикатов. Как правило, эти секты пока уклоняются от четкого определения своего места среди главных течений ислама – суннизма и шиизма. Недостаточность информационного материала, определяемая прежде всего давней сдержанностью самих идеологов этих сект, позволяет лишь по "вторичному" признаку – уклонению их от тесного сотрудничества с Партией благоденствия – предполагать, что они скорее ближе к алевитам, нежели к суннитам – господствующему религиозному толку в Турции. В одной из брошюр, открытое появление которой в Турции – также характер-

ный признак перемен в стране – разъясняется читателю, что "алевитство – это исламский толк, мировоззрение, идейное течение. Оно признает Мухаммеда как пророка, но не признает святыми его ближайших последователей, кроме Али. Алевиты исповедуют веру в Али, они – одно из течений шиизма"⁴³.

Уже в конце 1994 г. левоцентристские круги, представители демократической светской интеллигенции выступили против контактов Т.Чиллер с некоторыми шейхами – религиозной оппозицией Партии благополучия. Газета "Джумхуриет" обвиняла Т.Чиллер и ПВП в "отходе от традиционного запрета религиозных сект", – если эти секты сторонятся Партии благоденствия. По мнению газеты, свидетельством такого отхода стали встречи Т.Чиллер, ее мужа, крупного предпринимателя Озера Чиллера и других лидеров ПВП с рядом видных руководителей сект – упомянутым выше ходжей Фетхуллахом Гювенем(секта – его имени, последовательница С. Нурси). Мехмедом Кутлуларом (также последователь учения С. Нурси), Февзеттином Эролом (секта Накшбенди) и др. Упоминались также редакции газет "Заман", "Тюркие" и др.⁴⁴. Газета "Миллиет" в заметке "Исламский фронт против "Партии благоденствия" подробно рассказала о приеме в официальной резиденции Т.Чиллер шейха Фетхуллага Гювена, сообщала, что беседа началась с вопроса к Гювену – что он думает об Ататюрке. Ответ: "мы не против Ататюрка" – удовлетворил Чиллер, после чего темой беседы стала проблема мер против терроризма в Турции. Газета напоминала, что Фетхуллаг-ходжа – владелец телеканала, а также газеты "Заман", которая ведет кампанию против любых антитеррористических мер властей. "Миллиет" писала в связи с этим приемом, что премьер-министр не уклоняется от такого рода встреч "лицом к лицу", рискуя потерять свой имидж светского политика. Для нее достаточно, если собеседник не отвергает Ататюрка. По мнению газеты, приглашение Ф.Гювена "узаконило его самого и его религиозных сторонников". Газета обращала внимание на новизну ситуации, ибо совсем недавно, в 80–е годы, фактически находясь в подполье, религиозные общества в Турции на волне радикального ислама проповедовали создание в стране шариатского государства и жестоко преследовались властями. Когда позднее, уже летом 1995 г. судебными органами была установлена принадлежность в недавнем прошлом к упомянутому ордену примерно 200 слушателей одного пехотного училища, руководство училища отчислило несколько человек. Однако после вмешательства Т.Чиллер слушатели были восстановлены в своих правах⁴⁵. Другая газета – "Джумхуриет" по это-

му же поводу позже сообщала, что "Тансу-ханым ведет серьезный торг с шейхом... Под давлением шейха и его мюридов" она отстранила от ведения переговоров с этой сектой одного из руководителей ПВП, "продемонстрировав таким образом готовность уступить силам, стремящимся заложить динамит под светскую, демократическую Турцию"⁴⁶.

Интерес руководства Партии верного пути к такому влиятельному шейху, религиозному оппоненту Эрбакана, каким является Фетхулла-ходжа (Гювен), – предмет дотошного внимания у турецкой прессы. Появились подробные биографические данные о Гювене, опубликованы интервью с ним. Свою информацию и комментарии представила читателю и газета "Джумхуриет" – за четыре месяца до выборов, в августе 1995 г. В статье под заглавием "От Саида Нурси к Фетхулла-ходже" сообщалось следующее. Ходжа родился в Эрзуруме, начал свою религиозную деятельность в одной из мечетей Измира. Он вел курс Корана, летом вместе со слушателями отправлялся в летний лагерь, знакомил их с книгами по исламу. Ныне существует уже "целая армия учеников и последователей" Фетхулла-ходжи, среди них – предприниматели и преподаватели. Эта община действует через вакуфы. Она начала распространяться и в тюркских республиках Центральной Азии – как на ниве просвещения, так и бизнеса. Ученики Фетхулла-ходжи "заложили серьезный потенциал в этих странах", учредили до 150 школ. Сюда же поступает газета "Заман", телевизионные материалы, телепрограммы канала "Саманьолу".

Фетхулла-ходжа следует завету С.Нурси не выступать против государства. Он, как и его вдохновитель, не связывает себя напрямую с политическими партиями. В той же мере, как С.Нурси был связан с Мендересом, Фетхулла имел связи с Тургутом Озалом, что помогало его группе укреплять свое влияние в обществе. До военного переворота 12 сентября 1980 г. он был близок и с партией Эрбакана. Газета задает читателям вопрос – кто преуспеет в создании в Турции, "в соответствии с планом США", так называемого "уравновешенного ислама" – сторонники Фетхулла-ходжи или сторонники Эрбакана, кем успешнее будет реализована стратегия овладения массами? По мнению газеты, между будущим Турции и будущим исламских политических течений есть общность. Ибо если в Турции гражданская война (т.е. война с курдами) достигнет своих крайностей, если политический кризис и хаос возрастут, предвидится успех политических исламистов и расистов. Когда снижается требовательность к себе у демократии, усиливается до-

верие к религии и шовинизму. И наоборот, если станет возможным в Турции внутренний мир, если смогут быть предприняты шаги в сторону демократии, шовинизм и политический исламизм потеряют возможность воспользоваться старым кредитом.

По мнению Мустафы Каплана, религиозного деятеля, связанного с алевитами, а до 1974 г. с Фетхуллой, речь идет о "спасательной операции обанкротившегося режима". Обращение властей к Фетхулла-ходже – свидетельство банкротства нынешнего режима. Никто не мог отрицать экономического упадка, теперь никто не отрицает, что режим оказался и в политической трясине. Не осталось куста, за который ему можно ухватиться. Уступки, которые требуют так называемые "дружеские государства", таковы, что лишили сна тех, кто действительно любит страну. Власть хватается за спасительные символы, за Фетхуллу – в противовес другой группе. Он же, вместо того, чтобы заниматься религией, все более втягивается в социально-политическую деятельность⁴⁷.

Уместно отметить, что газета "Джумхуриет", поместившая столь подробный материал о Фетхулла-хадже и его общине, – давний его критик, равно как и критик Н.Эрбакана, последовательный защитник светских, кемалистских принципов государственности. Она и ранее, обращаясь к властям, утверждала, что если они ищут в среде религиозных кругов оппозицию Н.Эрбакану, то Фетхуллу, руководитель секты того же названия ("фетхуллисты") – не лучшая кандидатура, хотя он действительно влиятелен, контролирует газету "Заман", телепрограмму "Саманюлу" ("Млечный путь"), многие технические лицеи, бесчисленные курсы корана, фирмы, продвигает своих сторонников в различные государственные учреждения. Фетхуллу, писала "Джумхуриет" – ярый сторонник шариата, за нарушения конституции его следует привлечь к суду⁴⁸.

В другом номере той же газеты Х.Четинкая выступил со статьей – "Что хотят тарикаты на Востоке и Юго-Востоке?". Утверждается, пишет он, что в упомянутых регионах страны, "от Вана до Эрдзинджяна", религиозные ордена открыли свои школы с целью предупреждения террористической деятельности курдов, примирения в лоне одной религии всего населения. При этом якобы используется их опыт в Средней Азии. Однако целью такой деятельности является иное – "создать в короткие сроки Исламскую республику" – при созерцательной позиции государства⁴⁹.

По мере приближения выборов Т.Чиллер все больше демонстрировала толерантность своей партии к религиозному ренессансу во всем его многообразии, и исламу в целом. На предвыборном

митинге в Эрзеруме, где, кстати, ее освистали сторонники ПБ, она часто взывала и к националистическим, и к религиозным чувствам избирателей, часто повторяя "Бисмиллях", обвиняла Н.Эрбакана в том, что он противопоставляет верующих неверующим, напоминая этим лидера курдских сепаратистов А.Оджалана. Она обвинила также и своего будущего партнера по коалиции М.Йылмаза, лидера ПО – в том, что в течение последних двух лет он больше похож на руководителя молодежного крыла партии Эрбакана, отвергает все, что отвергает Эрбакан. Йылмаз был обвинен ею даже в том, что в вопросе о прокладке каспийского нефтепровода он ведет себя так, как будто он российский министр⁵⁰.

Контакты ПВП с религиозными оппонентами Н.Эрбакана в предвыборный период вызвали недовольство многих представителей светских левоцентристских кругов. Лидер Демократической левой партии (ДЛП) Б.Эджевит заявил по этому поводу: "Я не против сект, я против того, чтобы они вмешивались в политику. Это путь не к Аллаху, а к власти. Это грех для верующего и стыд для политика. Чиллер присоединилась к каравану тех, кто стремится ослабить светскую республику и ее демократию, кто ради голосов эксплуатирует веру"⁵¹

Не вызывают протеста в либерально-демократических, светских кругах попытки сближения Т.Чиллер с умеренными кругами шиитов и алевитов, представляющих скорее особенности духовной жизни, культуры турецкого общества, избегающих участия в политических спорах и конфликтах. Это тоже верный способ приблизиться к этнорелигиозному миссионерству турок в многомиллионной среде "внешних тюрок", ожидающих, по мнению миссионеров, импульсов из Турции по культурной и религиозной интеграции тюркских народов во всем мире.

Считается, что именно такой плюрализм в мире ислама не подорвет светские принципы, а, наоборот, лишит Партию благополучия монополии на религиозную жизнь в стране. Характерным в этом смысле шагом властей можно считать текст пятничной молитвы, разосланной 16 марта 1995 г. министерством по делам религии в мечети в связи с предстоящим празднованием в Турции – впервые столь широко – Невруза. В тексте содержится призыв к "единству и братству" всех мусульман, говорится также, что в "стране среди 60 млн. населения могут быть этнические различия и различия в исламском веровании. Однако они не должны быть источником конфликтов; наоборот, они обогащают и украшают культуру". В хутбе подчеркивается, что наступающий 21 марта праздник Невруз

на протяжении долгой истории был "праздником природы и возрождения", что "не следует давать повод внутренним и внешним врагам Турции использовать "нынешние события", "забыть нашу религиозную и национальную ответственность". Касаясь произошедших перед Неврузом кровавых провокаций в Стамбуле против алевитов, министр по делам религии М.Н.Йылмаз заявил, что те, кто пытались в 60–е годы использовать борьбу левых и правых, сегодня пытаются использовать противоречия между алевитами и суннитами⁵². Совсем недавно торжественно был отмечен и второй уже по счету в Турции праздник Невруза – с 15 по 23 марта 1996 г. Издаваемый в Анкаре Агентством тюркского сотрудничества и развития при МИД Турции бюллетень "Евразийское досье" специально отметил, что "Невруз празднуется и в тюркских республиках Центральной Азии – в соответствии с традициями, присущими каждому тюркскому обществу". В Турцию на празднование прибыли делегации во главе министров культуры (или их заместителей) Азербайджана, Казахстана, Киргизии, Северного Кипра, Узбекистана, Туркмении, Татарстана, Башкирии, Хакассии, Тувы, Саха–Якутии. Празднику была придана в Анкаре форма массового фестиваля фольклорных ансамблей, спортивных состязаний с участием 615 спортсменов. Фольклорные группы Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Туркмении, Северного Кипра прошли через центральные улицы столицы Турции до здания парламента "под громкие овации зрителей"⁵³.

Что касается произошедшей правой провокации в отношении алевитов, то по расследованию газеты "Джумхуриет", ее организовали защитники шариата, натравив на алевитов стамбульскую полицию в квартале Гази района Газиосманпаша. В результате нападения, начавшегося с обысков в трех кофейнях и кондитерской, полицией было убито 30 человек. Три квартала в Газиосманпаша превратились в место сражения жителей и полиции, перед джемэви – "домом общения" алевитов (у них нет мечетей) в Гази возникли баррикады. "Джумхуриет" отмечала, что в день провокации в Стамбуле было отмечено появление в мечетях групп саудовцев, алжирцев, афганцев и пакистанцев. "Кто они, кто доставил их в Турцию, кто стоит за спиной тех верующих из Афганистана и Пакистана, которые призывали к джихаду?" – спрашивала газета.

Известный публицист Ильхан Сельчук писал в той же "Джумхуриет", что алевиты – анатолийские мусульмане, они верят в Аллаха, признают Мухаммеда, любят Али. Правда, они не имеют мечетей, не совершают намаз, хадж, не соблюдают посты. Они

"вдохнули свободно, когда Ататюрк ликвидировал халифат и создал республику". Ибо халиф – это халиф над суннитами. Пятничный намаз падишаха в Османской империи демонстрировал всем, что это государство – суннитское. В Турецкой республике участие президента или премьер–министра в суннитских торжествах, превращение школ имамов из профессиональных в общеобразовательные, распространение принципов шариата – все это поощряет нападения на алевитов⁵⁴.

Политические провокации, предвыборные обещания, погоня политиков за голосами – все это непосредственно влияло на общины алевитов в Турции, традиционно поддерживавших чаще левоцентристские, а порой и левые партии и группировки. Так, закладка первого камня на строительстве Дома общения и культуры алевитов ("джемэви") состоялась в ноябре 1995 г. в Стамбуле. Участок под строительство был выделен в Шишли, состоятельном районе города муниципалитетом, деньги на строительство – несколькими влиятельными вакуфами, принадлежащими алевитским общинам. На церемонии закладки присутствовали представители руководства всех ведущих партий, в том числе Партии благополучия, а также шейхи алевитских общин, представители городских властей. Было торжественно объявлено, что лидер Партии отечества Месут Йылмаз (недавний премьер–министр) выделил для Дома 25 млн. лир (около 500 долларов).

Генеральный секретарь Руководящего совета вакуфов алевитов Ахмед Шахин заявил на торжественном заседании, что в "их доме не будет сектанства, языкового, религиозного, расового и духовного противостояния". "Мы самым решительным образом не намерены отступить от принципов Ататюрка, светской республики", место алевитов – "не среди реакционеров, мы не являемся чьей–то альтернативой". Другой представитель алевитов, кандидат в депутаты парламента по спискам Партии отечества Ф.Алтун подчеркнул, что существование угнетаемых сотни лет алевитов ныне признано властями и что они хотят лишь свободы верования и мышления и не посягают на единство и целостность родины⁵⁵.

При участии 6 тысяч алевитов в Анкаре в конце ноября 1995 г., за месяц до выборов в парламент, состоялся Первый национальный съезд "Движения за демократический мир". Инициаторами создания этой организации явились "Федерация союзов алевитов Европы" и "Общество Хаджи Бекташ Вели". Выступившие на съезде представители некоторых алевитских общин обращали внимание на активное позитивное участие алевитов в общественной

жизни Турции, подчеркивали, что не менее 50 депутатов в меджлисе – алевиты, есть среди алевитов министры, и т.д. Все выступавшие не поддержали идею созданию политической партии алевитов, предлагая ограничиться поддержкой уже действующих партий – прежде всего левоцентристских, а также "Рабочей партии"⁵⁶.

Что касается Партии благополучия, то первым заметным ее успехом на политической арене после ухода военных в 1983 г. были итоги парламентских выборов 1991 г. Партия получила 62 депутатских места (13,8%) в меджлисе, заняв четвертое место в парламентском списке партий. Успех был развит в 1994 г. – на муниципальных выборах. Партия получила 18,3% голосов избирателей, участвовавших в выборах членов меджлисов в провинциальных округах; 21% голосов при выборах мэров крупных городов–метрополий; 17,8% голосов при выборах председателей муниципалитетов; 17,9% голосов при избрании членов муниципалитетов. На этих выборах ПБ оказалась главным соперником двух ведущих правоцентристских партий – Партии отечества и Партии верного пути; она уступила им первое и второе места по первой и третьей позициям, заполучила лидерство по второй позиции и второе место (после ПО) по последней позиции, оставив позади себя правящую ПВП⁵⁷.

Именно итоги этих выборов марта 1994 г., а не более поздних – парламентских декабря 1995 г. стали сенсационными в Турции, "вызвали шок в турецком обществе", поскольку ПБ оказалась на них "истинным победителем", получив в среднем 19%. Так было прокомментировано это событие в весьма солидном и взвешенном политическом разделе альманаха, подготовленного по итогам 1994 г. солидным турецким агентством "Интермедиа". Как отмечается в этом обзоре, ПБ более всего голосов получила в центрально–восточных и юго–восточных регионах, где она воспользовалась вынужденным неучастием в выборах Демократической партии, преследуемой властями за связи с курдскими сепаратистами. Была одержана также победа в столице – Анкаре и в "космополитическом Стамбуле". Авторы альманаха называют главными причинами успеха ПБ "ухудшающуюся экономическую ситуацию, разрастающиеся скандалы, связанные с коррупцией, социальные смуты и недовольство политической обстановкой". Они также отдают должное "дотошной организованности" партии, ее умению "селективно воздействовать на обывателя", "менять свой имидж", умело пользоваться лозунгами типа "порядок немедленно".

По мнению авторов обзора успех клерикальной партии стал одновременно неудачей правоцентризма в стране, углублением его кризиса. "Политическая элита, представленная в двух смежных партиях, продемонстрировала неспособность или нежелание принять меры по коррекции своего правоцентризма с тем, чтобы он более соответствовал потребностям времени". Вместо этого обе партии извлекли из своего разгрома на местных выборах иной урок – в том, что "их выступления и политические предпочтения должны в большей степени отражать растущую значимость как религиозных ценностей, так и ультранационализма, заявившего о себе в успехе на выборах Партии националистического действия"...* . Они изолировали, таким образом, себя "от будущей политической либерализации, успешно блокировали все усилия, которые могли бы демократизировать турецкую политическую систему"⁵⁸.

Внимательный аналитик, изучив ситуацию в Турции между мартом 1994 г. и декабрем 1995 г., обнаружит, что названные выше причины успеха ПБ в марте остались в целом теми же, что и перед декабрем 1995 г. Все, чего смогли добиться власть и Т.Чиллер за указанный срок – это предупредить удаление ПВП турецкими избирателями из списка ведущих партий.

Действительно, завоевание Партией благополучия относительного большинства в новом меджлисе (158 мест из общего числа 550)** – убедительное свидетельство получения ею общественной поддержки по итогам четырехлетней деятельности и в прежнем составе меджлиса, и главное, вне меджлиса. В парламенте она имела ранее 62 места из 450, т.е. была на 4-м месте после ПВП (Партии верного пути, 178 мест), ПО (Партии Отечества, 115 мест) и СДНП (социал-демократическая народническая партия – 88 мест, ныне ее заменила НРП – Народно-республиканская партия – 49 мест). Сомнительно, что в своем успехе ПБ и ее лидер Н.Эрбакан обязаны исламистским лозунгам, "шовинизму" и даже исламскому национализму – мы скажем об этом ниже, сейчас же следует признать, что эти итоги – развитие достигнутого в 1994 г. успеха. Речь не идет о победе исламизма над секуляризмом благодаря лишь 22% голосов избирателей, скорее можно говорить о

* ПНД Тюркеша получила на муниципальных выборах 1994 г. 1,5 млн. голосов (7%).

** 135 мест в новом меджлисе имеют теперь Партия верного пути, 133 места – Партия отечества, остальные места достались левоцентристам.

происламской партии, достаточно успешно представляющей интересы прежде всего мелких собственников города и деревни. Не набирая никогда такого количества мест в ВНСТ, как ныне, партия тем не менее и раньше была на виду, входила в правительственные коалиции, получая весьма ответственные портфели.

Светская печать Турции дала жесткую оценку предвыборного поведения двух ведущих "кемалистских" партий, в течение последних лет сделавших немало, чтобы обеспечить успех партии Эрбакана. "В нынешней политической борьбе, – писала "Дюнья", – принявшей форму перебранки типа "ты кто такой – а ты кто такой?" "сам бог велел ПБ легко добиться успеха". Обе партии соревновались за либерализм, но слишком буквально они понимают лозунги европеизации – "все, как в Европе". Газета считает, что в своей "борьбе за либерализм" обе главные светские партии добились "растворения государства до самых крайних пределов". "Но можно ли сбывать такой товар, – вопрошает газета, – как план растворения социального государства?". Оно и так недостаточно, это участие государства в социальной защите населения. "Неравенство в доходах очень велико и доля общественных расходов в национальном доходе составляет всего лишь около половины той доли, которая используется на эти цели в развитых государствах"⁵⁹.

В той же газете М. Мелен писал следующее по итогам выборов: "Шумиха политической борьбы не приносила никакой пользы, лишь порождала инфляцию, воровство, набивание карманов. Все это видит народ и приходит к выводу, что у него не осталось никакой надежды, кроме мечети"⁶⁰.

Между тем политические защитники мечети в лице руководства ПБ также фактически признавали, что отнюдь не религиозные установки их партии стали причиной из победы. Депутат меджлиса от ПБ И.Э.Юлек сообщал в газете "Дюнья": "Наша первая задача – снизить инфляцию. В случае создания коалиции Партии благополучия и Партии отечества инфляцию можно снизить до уровня менее 50% в год". Он повторил все критические замечания, высказанные в адрес власти перед выборами, – высокий уровень инфляции препятствует капиталовложениям, бедных делает еще беднее, богатых – еще богаче. Моральные ценности и социальная помощь исчезли, безработица возросла, распределение национального налога нарушено. Власть не решается бороться с инфляцией, говорят об израильской модели снижения инфляции, почему же ее не применяют в Турции?

Турция, отметил Юлек, подготовила лучший в мире план приватизации. Однако реализация этого плана идет плохо. Приватизация должна быть предназначена для развития технологии, монополии должны быть распушены. Но не так, как это делают власти. Государство начало продавать свою собственность с тем, чтобы расплатиться с внутренними и внешними долгами. Это не приватизация, а распродажа. Приватизируемые предприятия должны прежде всего продаваться рабочим этих предприятий, затем местному населению, затем жителям остальных регионов Турции и уже в последнюю очередь – за границу. Но в Турции все наоборот. Цементные заводы проданы французской монополии. "По-моему, госмонополия лучше монополии частного сектора, ибо госмонополия обладает контрольным механизмом, которого нет у частной монополии"⁶¹.

Успех на парламентских выборах 24 декабря 1995 г. Партии благополучия заставил мировую общественность заговорить об угрозе установления в этой крупной региональной державе (население 65 млн.чел.) исламского режима. В турецкой печати приводится следующее мнение английской газеты "Гардиан": успех ПБ свидетельствует, что Турция перешагнула ту невидимую черту в своей истории, за которой "уже нет гарантий в ее европеизме и секуляризме, она вступила в стадию политической нестабильности". Пример Турции еще раз подтверждает, по мнению "Гардиан", что идея развития по пути Европы – не единственная идея развития. Победа ПБ – это не только провал светских партий, не только серьезная угроза турецкому государству. В наступающем столетии конфликты не останутся отражением лишь противоречий в западной идеологии, они перерастут в столкновения между воинствующими религиозными течениями, станут этническими конфликтами, борьбой за перераспределение ограниченных источников сырья". Тревожные отклики появились и в российских СМИ – "Известия", например, считают ПБ "шовинистической партией", хотя именно в этом смысле она не отличается от ряда других и крупных и мелких партий Турции.

Проблема светскости в Турции широко обсуждается после выборов, тем более что сами лидеры ПБ напоминают о своих религиозных лозунгах и планах изменения конституции. Прозвучала поддержка партии Н.Эрбакана и из Тегерана. Газета "Дюнья" приводит мнение "Техран таймс". "Турция должна вновь обрести восточный облик. Участие ПБ в коалиционном правительстве будет хорошим началом"⁶².

Заседание парламентской группы ПБ проходило с воспроизведением религиозной атрибутики – чтение молитвы на турецком и арабском языках, короткая дискуссия – надо ли в тексте присяги депутата сохранять (и произносить соответственно) термин "светское государство" и т.д. Как известно, термин "светский" ("ляик") в турецкий язык перекочевал из французского, и теперь высказано было предложение найти турецкий аналог слова и именно его применять в конституции, что может стать предметом спекуляций.

В своем выступлении Эрбакан, зачитав молитву, напомнил, что первое заседание Великого национального собрания Турции в Анкаре более 70 лет назад началось также с молитвы. Он заявил, что принципы "национального взгляда", исповедуемые его партией, совпадают с принципами кемализма⁶³. Следует отметить, что лидеры партии избегают пока высказывать прямое требование об изъятии из статьи 2-й конституции упоминания о том, что Турция не только демократическое, социальное, правовое, но и светское государство. Избран другой способ избавиться от этого термина – путем отмены статьи 4-й, которая как бы противоречит демократии. В ней говорится о невозможности изменения положения статьи 1-й о том, что форма турецкого государства – республика; положений статьи 2-й о республиканских принципах; положений статьи 3-й о том, что турецкое государство, страна и нация – единое и неделимое целое и что государственный язык – турецкий⁶⁴.

Появились и другие высказывания активистов ПБ, касающихся отношения партии к исламским группировкам за рубежом. Депутат ПБ от Ризе Шевки Йылмаз считает, что Хамас – не террористическая организация, поскольку она ведет в Палестине национально-освободительную борьбу подобно Турции, которая так же боролась более 70 лет назад. По мнению этого депутата, Ясир Арафат – предатель, сионистский слуга, изменивший своему народу. Взрывы бомб осуществляет не Хамас, а Моссад, обвиняя при этом мусульман. После того, как Иран покончил с колониализмом и империализмом, заинтересованные круги проводят антииранскую политику. Роль курдской партии ПКК – та же, что и роль Израиля на Среднем Востоке. "Я не признаю государство, именуемое Израилем", – заявил Шевки Йылмаз⁶⁵.

Известный турецкий социолог и политолог Метин Хепер, ныне – преподаватель Принстонского университета в США, в своем интервью "Миллиет" не разделяет опасений в связи с успехами партии Эрбакана. Он считает, что "сегодня демократия в Турции не отвергает религию, так же как религия все более приспособляется

ся к демократии". Переживаемый ныне обществом этап – поиск религией своего места в политической жизни страны. Она вынуждена делать это по трем причинам: 1) культурная эволюция широких народных масс; 2) изменения в религиозной среде, в умах некоторых представителей религиозной элиты; 3) изменения в мышлении светского общества страны.

По мнению М. Хепера, реформы периода республики переориентировали большинство народа с веры в ислам на веру в нацию. Народ начал осознавать себя не подданным исламского государства, а гражданином светской республики. Кроме того, народ, придерживаясь религиозных и этических принципов, диктуемых исламом, в то же время в плане мышления осознавал себя в рамках светскости. Примерно пятая часть избирателей отдает свои голоса ПБ. Однако только треть из них, т.е. 7% всех избирателей отдает свои голоса ПБ как религиозной партии. Можно легко предположить, что значительная часть представителей последней категории избирателей не хотят шариатского государства.

Сама ПБ, считает ученый, выглядит все более светской, особенно после принятия на конгрессе в октябре 1993 г. решения о необходимости более широкой открытости народу. Поскольку принцип "справедливый порядок" предусматривает преимущественное участие государства в экономике, он не соответствует экономической доктрине ислама. Крыло, возглавляемое в партии Тайипом Эрдоганом, считающимся наследником Эрбакана, известно как либерально–мусульманское. Эрдоган даже заявляет о том, что он не будет запрещать спиртные напитки в тех муниципальных ресторанах, которые его муниципалитет сдает в аренду.

В итоге, утверждает Хепер, в середине 90–х годов, помимо малочисленных и слабых воинствующих исламских групп, остальные приверженцы исламского движения превратились в легальный элемент экономической и политической жизни страны, постепенно приобретая все большее доверие и авторитет. "Мы с удовлетворением должны приветствовать тот факт, что наши граждане – приверженцы ислама постепенно начинают играть все более активную роль в общественной жизни страны, в т.ч. в политической".

М. Хепер предлагает поверить, что "многообразное участие этих граждан в жизни нашего общества еще более обогатит эту жизнь. Следует отказаться от убеждения, что каждый наш гражданин является религиозным фанатиком и сторонником шариатского государства, если он посещает мечеть и посылает своих детей на уроки религии. С другой стороны, приверженцам ислама следует с

полным уважением относиться к остальной части общества, прежде всего к тем, кто не является мусульманином".

"В той мере, в какой мы реализуем эти императивы, будет упрочиваться либерально-демократический режим в нашей стране, различные культурные группы будут сосуществовать в единой государственной структуре"⁶⁶.

Очевидно, эти взгляды издавна кажутся некоторым политикам в самой Турции весьма отрешенными от реалий. Хотя они достаточно адекватны политике светских лидеров правоцентристского толка, той же Тансу Чиллер. Вопрос же о том, насколько сама Партия благоденствия ныне европеизирована, модернизирована, остается открытым, учитывая ее сохраняющиеся связи с крайними исламистами. Для армейской верхушки, которая, очевидно, лучше знакома с различными сторонами деятельности ПБ, ее связями, сомнениям – как относиться к нынешнему имиджу партии – не существует. В Турции ни для кого не является секретом, что намечавшуюся было коалицию Партии благоденствия с Партией отечества сорвала армия, чем вызвала на свою голову, очевидно, еще одно проклятье исламистов. Военным, как представляется, пришлось долго улаживать лидеров двух крупнейших светских партий – Т.Чиллер и М.Йылмаза, пока они не согласились пойти на коалицию. 6 марта 1996 г. Месут Йылмаз официально вступил в должность премьер-министра нового коалиционного кабинета, созданного ПВП и ПО, не преминув сразу напомнить о желанной вехе на пути европеизации – полном членстве Турции в Европейском Союзе. Вряд ли Эрбакан, оказавшись на месте Йылмаза, стал бы спешить с таким заявлением. Как сегодня очевидно, названная коалиция оказалась недолговечной, ныне у власти новое правительство, объединившее недавних врагов – Т.Чиллер и Н.Эрбакана. Будет ли оно прочнее предыдущего?

3. Эволюция идеологии тюркизма

Турецкий национализм, тюркизм после начала кемалистской секуляризации постепенно становится второй религией Турции. Принятие этой религии не стало препятствием к европеизации – наоборот, цивилизованная Европа 20–30–40 годов, во всяком случае ее значительная часть, сама являла такие образцы крайнего национализма, о которых ныне цивилизованные европейцы говорят неохотно. Между тем Тойнби, например, писал в 40–е годы о западном национализме как о безусловной составляющей западных ценностей и институтов. "Турки, как и многие другие исламские

народы, восприняли наряду с остальными западными понятиями и идеями – полезными ли, вредными ли – и заразу национализма. Возникает вопрос, каковы могут быть последствия вторжения этого узколобого западного политического идеала в мир ислама, где традиционно поддерживается древняя традиция, считающая, что все мусульмане – братья по религии, независимо от различий в расе, языке или образе жизни"⁶⁷. Но вряд ли именно Европа научила Турцию национализму. Скорее – это веха общемирового эволюционного процесса, когда одна система духовных ценностей сменяется наконец в каком-либо обществе другой. Вопрос в том, как действуют позитивные и негативные стороны этого нового духовного явления.

Турецкий национализм как господствующая идеология оформился первоначально в качестве кемалистского национализма, ставшего идеологической детерминантой выживания турок как народа, как государства. Антанта, победив Османскую империю в 1 мировой войне, заставила султанскую власть подписать в 1920 г. Севрский мирный договор, поделивший собственно Турцию между союзниками.

Борьба за отмену этого договора, вооруженная борьба с "подписантами" и с той, и с другой стороны позволила кемалистам окончательно вывести Турцию из кокона османизма и начать жизнь национального государства, а туркам – осознать себя нацией. В ответ на капитуляцию султанской власти и англо-франко-греческую интервенцию, на антитурецкие выступления греческого, армянского населения страны началась национально-освободительная война, завершившаяся победой турок. Можно представить, как "решался" в такой войне национальный вопрос. Сотни тысяч беженцев – греков, армян покинули страну, не меньшее число турецких переселенцев с Балкан стали новыми гражданами Турции.

Турецкие историки обращают внимание именно на эту специфику национализма периода Ататюрка – как духовного идеологического инструмента борьбы за независимость, борьбы против Европы за европеизацию. Так проф. Исмет Гиритли пишет, что Мустафа Кемаль "уберег доставшийся от младотурок тюркизм-национализм от крайности панисламизма и пантуранизма, поэтому мы сегодня именуем его национализмом Ататюрка"⁶⁸. Другой историк, проф. С.Эрман, пишет о дальновидности Ататюрка, предложившего турецкому обществу в качестве основы развития светскость. Жизнь подтвердила, считает Эрман, что не может быть

единства религии – в исламе есть враждующие течения. Большой ошибкой было бы считать связующей основой общества расовое единство. "Ведь пришедшее из Центральной Азии, расселившееся в Анатолии и продвинувшееся главным образом на Запад первоначальное ядро в результате многих войн и миграций давно утратило свою изначальность"⁶⁹. Кстати, эту утрату "изначальности" подтверждал и внешний облик самого Кемаля, салоникского турка. Французский журналист, впервые увидев его в 1923 г., так описывал его внешность: "...Белокурые, тонкие волосы, широкий, крупный лоб. Я подумал: кто же передо мной – турок или славянин?"⁷⁰. Следует сразу оговориться – турецкие шовинисты и сегодня не любят углубляться в проблему – что осталось у турок изначального от тюрок, а что они приобрели этнически на многовековом пути в Европу.

20–е, 30–е годы стали годами расцвета турецкого национализма. Под бдительным оком Ататюрка власти следили, чтобы даже крайние националисты понятие национализма согласовывали с принятым ранее Национальным обетом турок, в котором рамки национализма ограничивались государственными границами Турции. Это способствовало быстрой консолидации турецкой нации, росту национального самосознания. Объявив себя светским государством, ориентируясь на европейский уровень духовного развития – тех времен, разумеется, Турция создала собственную систему национального просвещения, культуры, языка, идеологии – через правящую партию – НРП, народные дома, культурные очаги, и т.д. Поощрялась национальная экономика, национальное производство, национальный капитал. Выше мы уже отмечали, сколь ревностно следила авторитарная власть за приверженностью общества к государственной идеологии – кемализму. Не преувеличивая, можно сказать, что национальное самосознание подняло на ноги "больного человека Европы". Вместе с тем следует отметить, что еще при Ататюрке тюркизм столкнулся с проблемой национальных меньшинств – курдов, греков, армян, евреев и др. Справочник по Турции, изданный Библиотекой американского конгресса в 1988 г., отмечает, что "со времени создания республики Турция стремилась не предпринимать публичного, официального признания этнических, языковых либо религиозных меньшинств". Даже в ныне действующей Конституции 1982 г. "остались явно противоречивые положения относительно пользования нетурецкими языками. В то время как одна статья запрещает дискриминацию на базе языка, другие объявляют вне закона публичное использование языков, запрещенных законом. Законодательство, запрещающее

использование других языков, никогда не вводилось, однако турецкие граждане могли быть арестованы со ссылкой на то, что публично пользуются курдским языком". Статья 3-я Конституции устанавливает, что "государство Турция представляет собою неделимое целое как страна и как нация, его языком является турецкий язык"⁷¹

После смерти Ататюрка в 1938 г. турецкий национализм множится, принимая и крайние формы – шовинизм, расизм, пантюранизм (пантюркизм), фашизм. Особенно ярко это проявилось в годы второй мировой войны, когда невоюющая Турция внимательно и подчас благосклонно выслушивала идеологов и дипломатов рейха о скором крушении СССР и готовности фашистов "поделиться" с Турцией некоторыми советскими территориями на Кавказе, в Крыму и в Средней Азии, населенными тюрками. Владелец газеты "Джумхуриет" Надир Нади писал в своих мемуарах, как обхаживали тогда фашисты турецкие власти, журналистов. Он сам, будучи мобилизованным в армию, получил в 1942 г. указание от властей отправиться в составе делегации журналистов в Германию, а затем в оккупированные районы СССР. Делегацию принимал Геббельс, затем она направилась в Крым, где были организованы встречи с татарами. Н.Нади пишет, что крымские татары разделились – одни сражались с немцами в советской армии, другие были на стороне немцев в надежде, что те "помогут им получить независимость". На одной из встреч с татарами "холодным душем" для него оказалась речь одного из татар, который заявил: "Его превосходительство Гитлер освободил нас. Благодаря его превосходительству Гитлеру мы обрели свободу и независимость"⁷².

Изучивший соответствующие документы турецкий историк Д.Кочак в одной из своих книг⁷³ пишет, что первоначально турецкое правительство "не предпринимало каких-либо шагов, ожидая развития военных событий". В то же время такие дипломаты, как посол Турции в Бухаресте Танрыовер, сообщал конфиденциально Антонеску, что у Турции "будут некоторые территориальные требования". Пантюранистские круги в стране, сотрудничавшие с нацистами, получили от них мощную идеологическую инъекцию, требовали от властей "вступления войну на стороне Германии" (с.192). Осенью 1941 г. турецкая делегация во главе с начальником военной академии Йылдыз посетила оккупированные фашистами города Одессу и Николаев, а затем была принята Гитлером (с.193). Это была не единственная делегация из Турции в тот период, посетившая оккупированные фашистами южные районы СССР. Как пишет

далее упомянутый автор, в 1942 г. через посредников поступило обращение к фон Папену от маршала Чакмака – "в турецкой армии находится много офицеров – выходцев с Кавказа и Азербайджана, близко знающих данный регион. В случае успеха германского наступления будет обеспечена отправка их туда"(с.200). Как видим, возникновение для пантуранистов благоприятных, казалось бы, обстоятельств (разгром или ослабление СССР) сказывается неизбежно и на поведении умеренных националистов, лишает их возможности здраво оценивать обстановку, порождает и у них идеи Великого и единого Туркестана, Турана и т.п. 10 октября 1942 г. премьер–министр Сараджоглу нарочито туманно писал, что по географическим причинам и при сложившихся обстоятельствах, при новом режиме, "который будет установлен в России", объединение этих районов с Турцией почти невозможно, очевидно, эти районы "смогут получить административную автономию под сильным культурным влиянием Турции. Прежде всего будет необходимо отправить тысячи молодых людей из этих районов в Турцию и в процессе их обучения возродить тюркский национальный дух, до сего времени угнетавшийся".

В речи в меджлисе Сараджоглу так говорил о своем национализме: "Мы – тюрки, тюркисты и всегда останемся тюркистами. Для нас тюркизм – это в такой же степени проблема крови, в какой – вопрос совести и культуры. Мы не те тюркисты, которых будет все меньше и меньше, мы – множасьщиеся тюркисты, и всегда будем действовать в этом направлении" (с.201). Один из тогдашних идеологов пантуранизма, духовный учитель А.Тюркеша Нихаль Атсыз (1905–1975 гг.) считал, например, что "существует издавна, начиная со своего возникновения в Центральной Азии, единственное Тюркское Государство, с течением времени меняющее характер своей власти"⁷⁴.

Лишь весной 1943 г., по мнению Д.Кочака⁷⁵, появились признаки открытой полемики по поводу туранизма, и его критика. Он называет в связи с этим брошюру, вышедшую в мае, – "Самая большая опасность! Суть движения, противоречащего национальной турецкой проблеме". Подвергая жесткой критике туранизм, автор брошюры подчеркивал, что туранизм не только противоречит принципам Ататюрка и политике правительства, он способствует разделению граждан и развалу республики. "Это расизм, он враг республики и кемализма" (с.294). В ответ туранисты начали свою кампанию в печати, споры перекинулись в меджлис. Депутат Д.К. Инджедаи утверждал, что такого течения нет, что туранизм лишь

желает успеха и счастья тюркам, проживающим вне Турции, правительственная политика касается тюрок Турции.

Только в мае 1944 г., когда исход войны стал очевиден, в газетах было объявлено о существовании тайной туранистской организации и о начавшихся арестах ее членов (с.299). Последовало заявление И.Иненю 19 мая 1944 г.: "Мы – тюркские националисты, но мы враги принципа расизма в нашей стране... Туранисты находят тысячу и одно заклинание, чтобы немедленно превратить турецкую нацию во врага всех ее соседей..." (с.299).

7 сентября 1944 г. в Суде чрезвычайного положения Стамбула началось судебное расследование по делу о 23-х человек, обвиняемых в расизме – туранизме, в том числе таких известных в пантюркистских кругах, как Нихаль Атсыз, Зеки Велиди Тоган, Хамза Сади Узбек, и др. В итоге 29 марта 1945 г. 13 подсудимых были оправданы, 10 человек осуждены к тюремному заключению на 10 лет каждый. Через два года все подсудимые были амнистированы (освобождены они были еще раньше – в октябре 1945 г.). Среди них был и молодой офицер Арпаслан Тюркеш*, и поныне – лидер националистического движения в Турции (с.301). В своей книге "Основные взгляды", вышедшей в марте 1975 г., Тюркеш приводит следующие выдержки из протокола судебного заседания тех времен.

"Судья: скажите о Вашем понимании туранизма. – Тюркеш: По моему мнению, Турция – важнее из всего того, что есть. Необходимо трудиться, чтобы обеспечить максимальный успех нашей стране во всех сферах – науке, просвещении, промышленности, экономике... Туран, т.е. союз тюрок, не ограничивается лишь тюрками в Азии, он включает всех тюрок... Этот союз тюрок означает, что речь идет не только об Азии; мысленно он охватывает тюрок Болгарии, Греции и других мест. Судья: Вы заявляете, что страны с

* Родился в Никозии (Кипр) в 1917 г. Выпускник Военной Академии, один из руководителей военной хунты, свергнувшей в 1960 г. режим Демократической партии Баяра–Мендереса. Вскоре вместе с несколькими соратниками был отстранен от дел и отправлен в дипломатическую ссылку в Дели. По возвращении в Турцию принял активное участие в политической жизни как лидер крайних националистов, пантюркистов, пантуранистов и т.п. Неоднократно подвергался судебному преследованию за создание партии (с различными названиями) крайне националистического толка. см. Almanac Turkey, 1979. Ankara, 1979, p.14.

* В 1945 г. население Турции составляло 18,8 млн. человек, в настоящее время – около 65 млн.

небольшим населением постоянно находятся в опасности, поэтому при первой же возможности необходимо объединение всех тюрков? Тюркеш: Все это – пожелание на будущее. Разумеется, есть много элементов, составляющих силу государства. Один из них – его население. Этот элемент может быть одним из тех пожеланий, которые относятся к тюркскому союзу... Сегодня у нас небольшое население* . Я не утверждаю, что надо немедленно подниматься и идти к союзу, чтобы населения стало больше. Это – проблема будущего. Председатель суда: И как же это может случиться? Тюркеш: Так же, как в 1917 году, в России может произойти революция, например, в 1965 г. или в 1999 г. К этому времени Турция добьется прогресса в военной промышленности, в науке и просвещении. И Турция со своей поддержкой может продвинуться к этому союзу. Председатель: А каковыми будут границы этого союза? Тюркеш: Объединение тюрков под одним знаменем... Председатель: Я имею в виду географические границы. Тюркеш: Географические границы тех регионов, где тюрки составляют массу населения. Председатель: Вы говорите – все тюрки. Они есть в Болгарии, в Иране, во владении англичан. Тюркеш: Поскольку самая большая масса тюркского населения проживает в России..., самый наш большой враг – Россия. Россия нас привела к нынешнему состоянию, Россия точила на нас зубы, Россия разрушила нашу империю. И опять же Россия обречена грызться и возиться с нами из-за нашего географического положения. Поэтому я считаю, что самый наш большой враг – Россия. Болгария – маленькая страна. Иран по всем показателям отстал от нас. Что касается англичан, то у них в руках Кипр, где проживает 78 тыс. турок"⁷⁶.

О том, что турецкий расизм продолжал сохранять глубокие корни в турецком обществе, свидетельствуют вспышки враждебности против нетурецкого населения страны. Одна из таких вспышек 6 и 7 сентября 1955 г. приняла форму массовых погромов в отношении греческого, армянского и еврейского населения городов Стамбула, Измира и Анкары. Подогретые националистическими и весьма популярными в то время лозунгами типа "Кипр – турецкий" толпы погромщиков врываются в дома, магазины, лавки, избивали хозяев, уничтожали имущество, товар. Более всего пострадало греческое население Измира и Стамбула – было сожжено консульство Греции в Измире, свыше 5 тыс. рабочих мест и домов в Стам-

* В 1945 г. население Турции составляло 18,8 млн. человек, в настоящее время – около 65 млн.

буле. В литературе сложилось мнение, что одновременное начало погромов в разных местах свидетельствует о том, что они были специально организованы, тем более что службы безопасности не сразу вмешались в события⁷⁷.

Турецкий расизм проявил себя и позднее, на рубеже 70–80-х годов, о чем свидетельствуют итоги предпринятых военными властями в первые же дни после военного переворота 12 сентября 1980 г. крутых репрессивных мер в отношении Партии националистического движения и ее лидера А.Тюркеша. В обвинительном заключении против ПНД, которое было опубликовано в прессе летом 1981 г., отмечалось, что в отличие от левого движения, "разделенного на фракции", представлявшие Партию Тюркеша силы "действовали успешно благодаря централизации руководства, единству и дисциплине". В материалах обвинения приводились данные о том, что ПНД, когда она находилась в правительственной коалиции, готовила заговор с целью установления фашистской диктатуры во главе с А.Тюркешем по типу фашистских диктатур в Испании, Италии и Германии. На день военного выступления, планируемого 12 сентября 1980 г., тюркешисты контролировали 1700 легальных "идеологически" обществ, насчитывавших 200 тыс. членов, имели примерно 1 млн. сторонников. В распоряжении ПНД находились военизированные лагеря для подготовки террористов и штурмовиков, склады оружия, радиостанции. В обвинительном заключении перечислялись имена владельцев фирм и холдингов, переводивших значительные и небольшие суммы в пользу ПНД. Не исключено, что часть таких переводов осуществлялась под давлением боевиков партии, но как бы то ни было, у тюркешистов всегда находятся источники финансирования их деятельности, особенно когда возникает соответствующая политическая обстановка в стране или в приграничных регионах⁷⁸. Следующим шагом после установления фашистской диктаторской власти должно было быть создание государства "Туран" с объединением всех тюрков и мусульман на одной территории под лозунгом – "Одна нация, одно государство". В реализации этих идей важную роль должны были сыграть, кроме различных идейных и культурных обществ, также боевики – "серые волки"⁷⁹, романы о которых писал еще упоминаемый нами Нихаль Атсыз.

Ныне А.Тюркеш (с октября 1994 г.) возглавляет ПНД (Партия Националистического движения), одну из легальных правых политических партий Турции, с которой, кстати пыталась навести "мосты" и Т.Чиллер в преддверии прошедших в декабре 1995 г. пар-

ламентских выборов. Если судить по появлению "серых волков" в Азербайджане, куда часто ездит Тюркеш, и в Чечне, проблема объединения внешних тюрок, в том числе тех, кто живет в России и других странах, остается для этой партии актуальной⁸⁰. В отношении претензий турецких курдов даже на автономию Тюркеш категоричен: тех, кто ищет политическое решение курдского вопроса, он называет "предателем родины". Если потребуется, можно, по его мнению, "пролить кровь"⁸¹. Безусловно, такая точка зрения учитывается теми, кто формирует политику властей в отношении курдов.

Особенности турецкого национализма 80–90-х годов в значительной мере определялись новыми внешними факторами. Задача поддержки тюрок вне Турции сводилась в последние десятилетия главным образом к обеспечению благоприятного для Турции решения турецкого вопроса на Кипре – т.е. сохранения с 1974 г. оккупации севера острова. Затем проблема "внешних тюрок" обогатилась событиями в Болгарии. Турецкое общественное мнение резко отрицательно реагировало на антитурецкую, ассимиляторскую кампанию, проводившуюся в последние годы режимом Т.Живкова в Болгарии. В то же время признавалось (например, известным политическим деятелем Мехмедом Али Кышлалы), что "основной причиной, не позволяющей Турции поставить тогда в Совете Безопасности вопрос о притеснении тюрок в Болгарии, являлось опасение, что одновременно в повестку дня Совета будет включен курдский вопрос".

Смена власти в Болгарии, как известно, привела к новым парламентским выборам в 1990 г. и успеху на них лидеров турецкого национального меньшинства, получивших несколько депутатских мандатов. Турецкая печать внимательно следит за положением болгарских тюрок в политической жизни Болгарии, привлекает внимание читателей к антитурецким выступлениям тех болгарских политиков, которых она именует "болгарскими националистами". Турецкий журналист пишет, например, из Кырджалы: "В маленьком мире тюрок в Кырджалы дружба и стойкость соседствуют с безработицей, опустевшими деревнями, разобщенными семьями и этническим давлением болгарских властей"⁸². В такого рода обзорах и статьях, помещаемых в турецкой прессе, не высказывается ни малейшего сомнения в том, что болгарские турки имеют право на то, чего бывают лишены курды в Турции – на свой язык, обычаи, культурные обряды, работу. Такова же, как сегодня всем известно, и позиция Турции в отношении мусульман Югославии – всемерная их поддержка, хотя они – этнические славяне.

Исторически поворотным событием для турецкого общества в его, казалось бы, безоглядном цивилизованном продвижении на Запад стали события в тюркоязычных республиках СССР, события в Закавказье. При всей важности шагов исламистов в Турции в сторону религиозного единения, солидарности с новыми государствами исламского мира, в светском обществе Турции именно националистический настрой и энтузиазм преобладал над другими чувствами по поводу провозглашенных в бывших советских республиках свободы, независимости.

Очевидно, что развал СССР придал новый мощный стимул развитию в 90-е годы идей тюркизма в различных его формах – и умеренных, и крайних. В то же время можно сказать, что развал Советского Союза значительно усложнил, видоизменил исторический процесс европеизации турецкого общества. В своем движении "в Европу" Турция отныне все более начинает ощущать себя неким ядром появившегося внезапно и светского, и исламского тюркского мира. Она еще не разобралась с новыми функциями – ядра, но одной из них будет, очевидно, функция посредника Запада на бывшем советском Востоке. Только на этих условиях вечный должник Европы может рассчитывать на компенсацию своих расходов по приобщению неопитов. Как писал влиятельный турецкий журналист Сами Коэн, "одной из новых реалий, порожденных стремительным развитием в мире, стала та значимость, которую приобрели тюрки, проживающие вне Турции... "Тюркская сила" начала заявлять о себе на обширной территории, раскинувшейся от Балкан до Средней Азии". В таких условиях, считал автор, невозможно представить, чтобы сама Турция не уделяла внимание этому явлению⁸³. Разделяя эту мысль, другой влиятельный журналист Али Биранд писал: "Нас обвиняют в том, что мы слишком интересуемся тюркским меньшинством в других странах, в то же время многие западные страны, готовя нам новую роль в отношении этих меньшинств, считают нас лидером внешних тюрков"⁸⁴.

В проблему "тюркизма" различные силы в Турции вкладывают каждая свой смысл. Для идеологов правого толка, сторонников исламо–турецкого (исламо–тюркского) синтеза и крайних националистов эта идея сегодня, как и вчера, увязывается и с исламизмом, и с пантюркизмом. Для большинства же турецкого общества, т.е. главным образом для светских кругов, эта идея означает реализацию давно культивируемых ожиданий тюркского единства на основе культурной, духовной, исторической близости турок к другим тюркским народам. На практике первую идею – негативную нелегко

бывает отделить от второй – позитивной. Как, например, оценить стремление отставного генерала Суата Ильхана в статье "Геополитические процессы и тюркский мир" представить этот мир неким геополитическим единством, насчитывающим по всему миру 150 млн. тюрков – со своей собственной историей⁸⁵. Это пантюркистский подход? Турции предоставилась, наконец, реальная возможность распространить свое политическое и экономическое влияние на обширный регион, богатый различными полезными ископаемыми, прежде всего нефтью, которую Турция у себя добывает мало, и имеющий важное геополитическое положение. Бесспорно, было и есть и встречное желание новых государств к всестороннему сближению с Турцией. Этим преследовалась цель – с одной стороны, при содействии Турции обеспечить международное признание и упрочение их суверенитета, с другой – получить от нее финансовую и экономическую помощь для развития национальных культур и экономик.

Турецкий ученый–экономист Х.Гюнгур писал в 1992 г.: "Среднеазиатские республики считают, что они ближе к Турции, нежели к Ирану и арабским странам. Турция – первая из стран, поддержавшая принятие решений этих республик о независимости... Ныне среднеазиатские тюркские республики считают Турцию старшим братом–экспериментатором. Они хотят использовать, насколько это возможно, эксперименты Турции в вопросах многопартийной демократии, свободной рыночной экономики и светского государства. Тот факт, что руководители этих республик первые свои визиты после принятия решений о независимости совершили в Турцию, имеет определенный смысл. Такого рода сближение обеспечивает Турции бесчисленные преимущества на международной арене"⁸⁶.

Сразу же вслед за объявлением тюркскими республиками бывшего СССР своей независимости началась серия визитов их руководителей в Турцию с целью добиться от нее их официального признания. Азербайджан объявил о своей независимости 29 октября 1991 г., а 3 ноября премьер–министр Хасан Хасанов был уже в Анкаре. 11 декабря 1991 г. в Анкару прибыла делегация Туркменистана во главе с президентом Ниязовым. В ходе визита туркменская сторона также настаивала на признании ее независимости Турцией. 17 декабря в Анкару прибыла узбекская правительственная делегация во главе с президентом Исламом Каримовым. Главная цель визита была все та же – признание со стороны Турции. Было подписано 9 документов, среди которых такие, как Соглаше-

ние о принципах и целях сотрудничества, Протокол о договоренностях, Протокол об установлении консульских отношений, Соглашение о сотрудничестве в области культуры, науки, образования, здравоохранения, спорта и туризма, Соглашение о сотрудничестве в области транспорта и связи. Была достигнута договоренность о предоставлении Узбекистану кредита (первого тогда) 5 млн. долл. Наконец, 24 декабря 1991 г. в Турцию прибыл президент Киргизии Аскар Акаев. Было достигнуто согласие о признании Турцией независимости Киргизии и об установлении дипломатических отношений на уровне консульств. Турция и Киргизия подписали два Соглашения: "О дружбе и сотрудничестве" и "Об экономическом и торговом сотрудничестве".

Все эти и аналогичные им первые визиты были обставлены торжественно, в адрес Турции звучали такие слова как "старший брат", "отец всех тюрок", "путеводная звезда", "священная земля всех тюрок" (?), "центр тюркского мира" и т.д. Руководители республик заявляли, что они берут как пример и образец турецкую модель развития и, в частности, ограничения государственного вмешательства в общественно-политическую жизнь и экономику страны.

Стали раздаваться призывы о создании по подобию европейского Общего рынка и в определенной степени в противовес ему Общего турецкого рынка с единым флагом, алфавитом, денежной единицей, мерами измерения, всеми стандартами.

Взятый курс на близкие, доверительные политические отношения был подтвержден в феврале 1992 г. в Давосе на проходившем там международном экономическом форуме на высшем уровне. В перерыве работы форума встретились лидеры Турции, Казахстана, Азербайджана и Узбекистана и подтвердили достигнутые ранее договоренности о всестороннем развитии отношений между их государствами.

Уровень достигнутых отношений был закреплен во время визита целой группы министров и депутатов парламента Турции по республикам Средней Азии, в Азербайджан и на Украину в конце февраля 1992 г. В ходе этого визита были достигнуты договоренности по совместным проектам в различных сферах сотрудничества, в частности, о постепенном переходе всех тюркских республик на латинский алфавит, о безвизовом передвижении граждан Турции, Туркмении и Азербайджана, о сотрудничестве в банковском деле и т.д.

В начале 1992 г. со всеми тюркскими республиками бывшего СССР (а также с Литвой, Белорусский и Украиной) Турцией были подписаны протоколы об установлении дипотношений на уровне посольств, и 23 февраля 1992 г. в "Официальной газете Турецкой Республики" был опубликован список лиц, назначенных послами в эти республики.

Помимо официальных дипломатических контактов Турция активизирует свои усилия по развитию научных, культурных связей – в основном на базе общих тюркологических интересов. Речь идет о периодически созываемых, в основном в Турции, таких организаций, как "Ассамблея тюркских народов", "Курултай дружбы, братства и сотрудничества тюркских государств и обществ"* и многих других. Спеша опередить западных конкурентов, Турция активно принялась разрабатывать стратегию экономического сотрудничества с республиками Содружества независимых государств, и прежде всего с тюркскими, при этом учитывается их тяжелое финансово-экономическое положение.

В декабре 1991 г. в Москве было проведено последнее 4–е заседание Турецко–Советского делового совета, на котором было принято решение о переименовании его в Деловой совет Турции и Содружества независимых государств и об организации таких советов с каждой республикой. На начало февраля 1992 г. были созданы ДС между Турцией и Украиной, Казахстаном, Грузией, Азербайджаном, Туркменистаном и Россией. Позже были учреждены Деловые советы с другими республиками – Киргизстаном, Узбекистаном, Таджикистаном.

В январе 1992 г. было учреждено новое ведомство в структуре МИД Турции, обладающее правом юридического лица – "Агентство тюркского сотрудничества и развития"*. Главной функцией этого ведомства является оказывать всестороннюю помощь соседним странам в развитии их образования, культуры, искусства, экономики и финансов – прежде всего тюркским республикам, образовавшимся после распада СССР. Среди направлений его рабо-

* В марте 1996 г. в Анкаре состоялась уже 4–я встреча участников курултая с участием 290 делегатов, прибывших из тюркоязычных государств, Северного Кипра. Турецкие участники курултая – президент Демирель, лидер ПВП Т.Чиллер, министр культуры, автор и пропагандист "исламо-тюркского синтеза" Агях Октай Гюнер, председатель Фонда курултая Альпарслан Тюркеш, и др. (см. "Eurasian File" № 54, April 96/1, p.3).

* Ныне известно под названием ТИКА – по турецкой аббревиатуре ("Тюрк ишбирлиги ве калкынма ажансы").

ты указываются такие, как подготовка законопроектов по вопросу сотрудничества с этими странами; подготовка кадров по работе в этом направлении; оказание этим странам помощи в переходе к свободному рынку – в таких сферах, как банковское дело, статистика, страхование, внешняя торговля, формирование бюджета; разработка налоговой системы; направление в эти государства соответствующих турецких специалистов; обучение и стажировка в Турции кадров, прибывших из этих стран; финансовое обеспечение проектов, предназначенных для этих стран – с широким привлечением турецкого и международного капиталов. ТИКА ведает также проектами научного, культурного сотрудничества с указанными странами. В настоящее время персонал ТИКА насчитывает примерно 70 человек, включая переводчиков, а также референтов по Азербайджану, Казахстану, Киргизии, Туркмении, Узбекистану, Молдавии, России, Украине. В структуре агентства три департамента – просвещения, культурного и социального сотрудничества; экономического, торгового и технического сотрудничества; персонала и финансов⁸⁷.

ТИКА имеет два периодических издания: – первое – "Евразийское досье" – информационный бюллетень, выходит два раза в месяц, помещает краткую информацию о событиях в странах Евразийского региона. Второе – ежеквартальное издание "Евразийские этюды" – помещает исследования по истории, языкам, экономике тюркоязычных стран, их связям с Россией, Турцией. Оба издания выходят на турецком, английском языках, некоторых языках стран Средней Азии.

Примерно такой же интерес проявился к Турции и у тюркских республик России, хотя в целом можно считать, что Турция апробирует в отношении их другой вариант региональной активности, определяемый тем, что в этом случае речь идет о республиках, входящих в Российскую Федерацию. Наибольший взаимный интерес демонстрируют Турция и Татарстан. Татарский народ – самый крупный по численности среди тюркоязычных народов Российской Федерации. Здесь также помимо экономических интересов присутствуют в равной мере и духовные, культурные, этнорелигиозные. Татарстан еще в советский период начал расширять и прямые контакты с Турцией. В декабре 1990 правительственная делегация Татарстана посетила Турцию, в итоге был подписан протокол о развитии экономических и торговых связей между республикой и Турцией. Расширяются культурные, научные, религиозные связи между Казанью и Анкарой. В Казани выходит при содействии ту-

рецкой газеты "Заман", упоминаемой выше, газета на татарском языке "Заман–Татарстан" со страницей турецкого текста. На этой странице приводится информация о Турции, о тюрках и мусульманах всего мира. Читателя информируют и о распространенности в тюркских республиках газеты "Заман". В Киргизии ее издают уже четвертый год, в Туркмении газета сотрудничает с другими турецкими изданиями, с местными СМИ. В одном из номеров с турецким текстом "Заман–Татарстан" повествует о деревне Вестница близ Бихача (быв.Югославия), которая была при османах форпостом борьбы против христианства. До сих пор деревня сохраняет эту свою особенность, пишет газета. Ее не сломил даже Тито. После ухода османов деревня так и не подчинилась "другим властям", как это сделали другие⁸⁸. Татарские ученые в своих публикациях в Турции часто обращаются к давней и недавней истории отношений Татарстана с Россией. Со своей стороны, турецкая печать, радио, политические лидеры внимательно следили и следят за обстановкой в Татарстане. В сообщении турецкого радио, например, еще 17 октября 1991 г. рассказывалось о демонстрациях в Казани, о том, что "татарское население требует независимости".

В период "мирного" правления в Чечне Д. Дудаева он стремился также расширять всесторонние связи с Турцией. Часть турецкой общественности, особенно выходцы из Чечни, которых немало в Турции, активно поддержали провозглашение Дудаевым независимости Чечни, воспринимали его прилеты в Турцию как действия главы независимого государства, к тому же – летчика. Очевидно, и турецкие власти долго не могли разобраться в статусе Чечни – российская дипломатия оказалась на длительный срок молчаливым созерцателем событий. В Турции создано несколько комитетов солидарности с Чечней, проводятся сборы денег для дудаевцев. Общий тон турецкой прессы, даже умеренной: русские – чужие в Чечне, их ненавидят все чеченцы поголовно. "Идет партизанская война, каждый, кого мы встречали, требовал, чтобы Турция им помогла" – сообщал о своей поездке в Чечню турецкий журналист М.Берекет⁸⁹. Боевые действия российских войск в Чечне вызывают протесты в Турции – не только в прессе, не только через демарши властей, но и в виде демонстраций. Турецкие газеты охотно публикуют фотографии демонстрантов – чеченцев и турок. В руках некоторых видны плакаты с символикой "серых волков". Газеты сообщали, что организаторами митингов являются "Культурное общество Северного Кавказа" и "Кавказско–чеченский комитет сопротивления".

Следует отметить, что антирусские настроения не являются доминирующими сегодня в турецком обществе, – многое гасят растущие экономические связи – хотя подозрительность в отношении поведения северного соседа часто высказывается открыто, особенно когда речь заходит о наличии российских войск на армяно–турецкой, грузино–турецкой границах. Недовольны турки и тем, что начиная ощущать себя крупной региональной державой, а теперь и лидером тюркского мира, они не видят со стороны высших властей России того внимания, на которое они хотели бы рассчитывать. Прочной базой российско–турецкого сотрудничества являются торгово–экономические связи. Вместе с тем часть политологов националистического толка стремится поддерживать на "должном", по их мнению, "уровне" националистические антирусские чувства – может быть даже не столько у турок, сколько у интеллигенции тюркоязычных независимых государств и некоторых республик России. Высокой бывает порой шовинистическая, антирусская тональность и в докладах и дискуссиях, на встречах представителей тюркских народов, в статьях, книгах, предназначенных для потребления "братьями–тюрками". Российская политика в отношении турок подвергается, как правило, жесткой критике, возникает у объективного читателя подозрение в том, что некоторые авторы намерены поддерживать у него, если он турок, вечную подозрительность и даже некий синдром вечной враждебности к русским. Мысль – "Мы – родня, они – чужие" грубо или деликатно звучит в некоторых речах и статьях. Активно используются в качестве пугала некоторые высказывания Жириновского, который иногда подается чуть ли не продолжателем дела Ивана Грозного, взявшего Казань⁹⁰ и начавшего таким образом империалистическую вековую войну против турок.

Даже Демирель, опытный и осторожный политик, не в состоянии иногда удержаться от политизации "родственных связей" и тонкого противопоставления России Турции перед тюркскими республиками. Газета "Джумхуриет" опубликовала отрывки из беседы ее корреспондента с Демирелем в Бишкеке, где в августе 1995 г. состоялась его встреча с руководителями ряда тюркских государств. Заголовок гласил – "Освобождайтесь от зависимости". Приводятся пассажи из заявлений Демиреля: "Россия не должна испытывать беспокойство по поводу нашего сотрудничества", "изменить родство не может никто", "доставка природных богатств, которыми владеют тюркские республики, на мировые рынки через

территорию Турции имеет свою особенность – это спасает названные страны от вероятной зависимости"⁹¹.

Любопытна и подчас искренняя убежденность – у простого турка, "человека с улицы", и у многих интеллигентов – в том, что нет двойного стандарта в их подходе к оценке событий в Чечне и Турецком Курдистане, в "русском империализме" и турецкой оккупации Северного Кипра, и т.п. Любопытно и другое – когда турок приезжает в Европу, он вынужден забыть о своем шовинизме, начинает подчас ощущать себя человеком второго сорта – не без помощи местных националистов, прежде всего германских, которые устраивают погромы и поджоги в турецких кварталах. На конец 1993 г. вне Турции постоянно проживало 3,5 млн. турок, в том числе в Западной Европе – около 3-х миллионов (из них около 2-х млн. в Германии). Турки давно поселились здесь семьями, иногда смешанными, их дети забывают родной язык, но мало кто стремится уехать обратно в Турцию, где высока безработица, намного ниже уровень жизни. Только в Германии насчитывается 37 тыс. рабочих мест (как правило, небольших), принадлежащих турецким владельцам⁹². Это тоже европеизация, но она является скорее добровольной ассимиляцией.

Особенности проявления турецкого национализма выявляются постоянно на отношении к нетурецким народам, прежде всего к курдам, также являющимся мусульманами. Как отмечает американский справочник, в 30-е и 40-е годы курды официально именовались "горными турками", а официальным эвфемизмом 80-х годов является термин "восточные турки", хотя известно, что курды принадлежат к индоевропейской языковой группе. Тот же справочник, обычно обладающий надежными источниками информации, не приводит точных данных о численности курдов в Турции. Он называет цифру от 3 до 10 млн. человек⁹³.

Курдское национально-освободительное движение в Турции – одна из самых острых внутривнутриполитических проблем в 70-90-е годы, препятствующих интеграции Турции в европейские структуры. Эта проблема – главный повод для властей прибегать к чрезвычайному положению на Востоке, сохранять в стране антидемократические институты и законодательство, вести боевые действия в курдских районах, подчас переходя границы соседей, конфликтовать с соседними Сирией, Ираном и Ираком, либо вступать с ними в сговор ради подавления выступлений курдов, требующих в зависимости от политических установок ту или иную степень независимости, вплоть до создания единого курдского государства.

Курдская проблема – это и социально–экономическая, культурная отсталость востока страны, вынуждающая власти предусматривать в пятилетках крупные государственные капиталовложения в энергетические проекты, в новую аграрную реформу, в развитие образования, учреждений университетов, и т.д. Эта проблема – один из важных пунктов межпартийной политической борьбы, она в значительной мере раскалывает турецкую интеллигенцию. Консервативная, националистически настроенная часть общества не признает этнических прав за курдами, продолжает считать их частью турецкого этноса, настаивает на том, что любое признание за курдами особых прав подрывает единство государства, целостность территории.

Типичным примером резкого неприятия требований курдов, именуемых "террористами", "сепаратистами", являлась давняя позиция правого журнала "Ени форум", издаваемого в последнее десятилетие проф. Айдыном Ялчыном в сотрудничестве с известными учеными – историками, экономистами, политологами – Османом Окьяром, Сейфи Ташханом и др. (все трое были советниками МИД, влиятельными лицами Института внешней политики, близкого к МИДу). В передовой статье апрельского номера за 1990 г., написанной проф. Айдыном Ялчыном, критике подвергалась позиция левых "сталинистов", западных кругов, сочувствующих курдам, и тех представителей власти, которые якобы терпят сепаратистские выступления только потому, что "Европа может неправильно понять", захлопнуть перед Турцией дверь в Европу. Все это, по мнению профессора, не что иное, как "измена родине". "Применяя силу против силы, еще большую жестокость против жестокости, прежде всего ликвидируется кризис. Затем предусматриваются экономические и социальные меры, политическое и административное урегулирование"⁹⁴.

О якобы турецком происхождении курдов помещалось немало материалов в прессе. При этом авторы ссылаются на схожие обычаи, традиции, ищут схожести в языках. Приводя такого рода аргументы, турецкие власти в 90–е годы отстаивали на международных встречах свою позицию непризнания курдов как отдельного, нетюркского этноса. В газете "Хюрриет" под заголовком "Официальная позиция Турции" была помещена информация об участии турецкой делегации во главе с тогдашним министром иностранных дел Али Бозером в конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшейся в 1990 г. в Копенгагене. По курдскому вопросу А.Бозер настаивал на том, чтобы "не искать

различий там, где раньше они не существовали". Турция, по мнению А.Бозера, признает меньшинством те "влиятельные группы, которые определены двусторонними и международными договорами". Это заявление, по оценке печати, – намек на то, что в Лозаннском мирном договоре курды не упомянуты. Турция, если курдский вопрос будет включен в повестку дня конференции, намерена основываться на двух принципах: 1) "В рамках международных договоров (Лозанна) курдское меньшинство в Турции не существует". 2) "С учетом исторических оценок признание за курдами статуса национального меньшинства будет шагом назад по сравнению с существующими правами"⁹⁵.

О возможности признания за курдами культурной автономии высказываются ныне все чаще многие представители демократической интеллигенции, и очевидно, этот вариант – наиболее воспринимаемый в умах турецкой общественности. Идеи левых кругов о признании за курдами национальной автономии в пределах Турецкой республики не получают поддержки турецкой интеллигенции, большинства политиков, не говоря уже об армии. В то же время сохраняется давление общественности на правительство – сделать что-то для нормализации ситуации .как-то договориться, но как об этом у многих нет четкого представления, поскольку PKK требует признания суверенитета курдов. В печати приводятся сведения о сожженных деревнях, тысячах беженцев, о гибели мирного населения, турецких солдат, боевиков. Только в регионе Диярбакыра за десятилетие 1984–1995 было арестовано 60 тыс. человек, предано суду 34 тыс. человек, причем количество судебных обвинений достигло 10 тысяч⁹⁶. Сообщается также, что расходы на военные операции в турецком Курдистане ежегодно составляют триллионы лир, они идут на содержание там военной силы численностью 220 тыс. человек, на тысячи солдат особых подразделений, на вооружение, вертолеты. Несмотря на все это, "ужасы PKK не прекращаются"⁹⁷.

Действия властей в Курдистане стали причиной широких протестов в Европе в парламентах многих государств, которые, поддерживая территориальную целостность Турции, настаивают на мирном решении вопроса. В комиссии по правам человека в Европейском парламенте было заявлено о нарушении прав человека в Турции, о невозможности поэтому принять Турцию в Совет Европы⁹⁸. В Страсбурге от имени парламентариев Европейского совета выступил Мигуэль Мартинес, сообщивший, что по итогам поездки в Турцию специальной миссии выяснилось несоответствие некото-

рых статей турецкой конституции, закона о политических партиях, уголовного кодекса, закона о борьбе с терроризмом, с Декларацией о защите прав человека⁹⁹. Жак Делор заявлял в декабре 1994 г., что в условиях, когда Турция отправляет в тюрьму своих депутатов (курдов), ее невозможно принять в Совет Европы¹⁰⁰. По тем же причинам Вашингтон угрожал сократить предоставление Турции военных кредитов и военной помощи¹⁰¹.

Эти события все более заставляют задумываться многих турецких политиков, что же представляет собою ныне турецкий национализм, каково его будущее, как он соотносится с нынешними европейскими представлениями о демократии, что нужно делать обществу и властям, чтобы путь в европейское сообщество мог быть продолжен Турцией. Это понимает и Тансу Чиллер – профессор экономики, не один год стажировавшаяся в США. Она даже однажды высказала предложение отказаться от того, чтобы считать официально всех жителей страны турками, использовать другой термин – "жители Турции" ("тюркиели"). Это высказывание один из лидеров Партии благополучия назвал "странным"¹⁰².

Все чаще в прессе стали появляться собственные названия тюркских народов – не просто тюрки/турки, что по-турецки – одно и то же – "тюрк", а узбеки, азербайджанцы, казахи, туркмены, киргизы и т.д. Появляются разъяснения типа того, что в понятие "тюрк" вкладывается не этническое содержание, а определение населения, гражданство – так как американцем считает себя гражданин США, независимо от этнического происхождения¹⁰³. Проф. И. Туран высказал и такое мнение: "Центральная Азия никогда не была частью Османской империи. Мы – одних корней с народами тюркских республик, вместе с тем мы все больше начинаем понимать, что по сути являемся разными обществами. Отсюда очевидно – хотя и есть возможность весьма прочного сотрудничества, невозможен политический союз с ними [тюркскими республиками Центральной Азии]. Этому есть и географические, и политико-социологические причины"¹⁰⁴.

Эти слова подтверждают справедливость предположения, высказанного осенью 1994 г агентством "Рейтер" и изложенного в турецкой газете "Дюнья". "Рейтер" считает, что Турция расстается с мечтами о шелковом пути, призванном соединить Босфор с Великой Китайской стеной, объединив всех тюрков. Западные наблюдатели-дипломаты в таких тюркских республиках, как Азербайджан, Киргизия, Туркменистан, Казахстан и Узбекистан считают, что идеи о создании "Федерации Великой Турции" потеряли свою прежнюю

привлекательность. Турки размышляют уже более логично и при выработке решений учитывают политико-экономические процессы в мире, стараются быть мудрее... Азиатские же дипломаты утверждают, что после советского опыта мало кто из среднеазиатских стран захочет укрыться под зонтиком "Федерации Великой Турции", который им предлагают¹⁰⁵.

Интересный перечень сложностей, которые еще предстоит преодолеть Турции на пути демократизации, содержится в обзоре Огуза Ояна в газете "Дюнья". По его мнению, тяжелым грузом для Турции на этом пути остается курдский вопрос, который так и не решен еще демократическим, мирным путем. Далее автор считает необходимым отказаться турецкой общественности от убежденности в том, что "на права турок или мусульман в других странах следует смотреть через увеличительное стекло" и в то же время "давать повод другим подозревать Турцию в установлении связей, ассоциируемых с пантюркизмом", в желании "быть региональной экономической и политической силой". Третье препятствие на пути демократизации, считает О.Оян, это – "усиление фундаментального исламизма, угрожающего светскому республиканизму и процессу демократической структуризации". И наконец, четвертое препятствие – нарушение прав человека в Турции, "систематическое применение пыток, вынесение приговора без судебного разбирательства"¹⁰⁶.

Заключая наше исследование, мы осознаем, что путь Турции в Европу еще долог и сложен, исторический эксперимент по интеграции двух цивилизаций не завершен. Светский Запад ждет, рассчитывает на успех турецкой секуляризации, на избавление турецкого общества от крайностей национализма, без чего само общество не сможет стать демократическим, гражданским обществом. Тогда и государство утратит те свои функции (в том числе полицейские), которые определяют характер турецкой демократии, как управляемой, периодически и вынужденно обновляемой с помощью армии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Tarihi gelişmeler içinde Türkiye'nin sorunları sempozyumu (Dün-bugün-yarın). Ankara, 1992, s. 186.

² А.Дж.Тойнби. Цивилизация перед судом истории. Сборник. Пер. с англ. М.-С.-П. 1995, с. 164.

³ Atatürk'ün söylev ve demeçleri. I-III. Ankara, 1989, с. 230 (I).

⁴ Там же, с. 91 (III).

⁵ "Journal des Debats". P., 7.02.1925.

⁶ Y.Tezei. Cumhuriyet döneminin iktisadi tarihi (1923-1950). 2 baskı. İstanbul, 1988, с. 119.

⁷ Atlantic monthly. Vol.131, № 1, p. 113.

⁸ T.Z.Tunaya. Türkiye'de siyasi partiler. 1859-1952. İstanbul, 1952, с. 618.

⁹ А.Дж.Тойнби, с. 161.

¹⁰ 10. M.Tunçay. Türkiye Cumhuriyetinde tek Parti yönetiminin kurulması (1923-1931). Ankara, 1981, с. 245.

¹¹ Z.Sertel. Hatırladıklarım (1905-1950). İstanbul, 1986, с. 189, 190.

¹² "İstanbul Ticaret", 21.10.1994.

¹³ Anavatan Partisi 6 Kasım 1983 seçim beyannamesi. Ankara, 1983, с. 33.

¹⁴ A.Ü.Siyasal Bilgiler Fakültesi Dergisi. Ocak-Haziran 1988, с. 29.

¹⁵ Turkey. A country Study. Washington, 1988, p. XXII.

¹⁶ "Günaydın", 4. 10. 1994.

¹⁷ "Milliyet", 10.01.1995.

¹⁸ Turkey. A country Study...p. 125.

¹⁹ T.C.Devlet teşkilatı Rehberi, 1986, с. 254-259.

²⁰ Türkiye İstatistik Yıllığı 1994. Ankara, 1995, с. 167, 168.

²¹ Turkey. A country Study...p. 130.

²² "İstanbul Ticaret", Mart, 1989.

²³ M. Dogan. Batılama ihaneti. Ankara, 1978, 5-е изд., с. 208

²⁴ M. Dogan. Tarih ve toplum. Türkiye'de toprak meselesi. İstanbul, 1977, с. 289, 290, 331, 332.

²⁵ A. Debbagolu. İslam iktisadına giriş. İstanbul, 1979.

-
- ²⁶ Tanzimattan Avrupa Toplulluguna Türkiye. Istanbul, 1988, c. 182.
- ²⁷ A.Dilipak. Türkiye nereye gidiyor. 4 baski. Istanbul, 1970, c. 1995.
- ²⁸ İktisadi kalkinma ve İslam. Istanbul, 1987, c. 171
- ²⁹ M.A.Agaogullari. L'İslam dans la Vie politique de la Turquie. Ankara, 1982, p. 245.
- ³⁰ Türk ve Dünya ünlüleri ansiklopedisi. Gilt 4. Istanbul, c. 1995.
- ³¹ Parti programlari. 1-nci kitap - 1-nci cilt. Istanbul, 1970, c. 399
- ³² N.Erbakan. Türkiye ve Ortak Pazar. Izmir, 1971, c. 79, 80.
- ³³ 1973 seçimerli. Istanbul, "Milliyet", 1975, c. 33, 38.
- ³⁴ Turkey. 1981. Almanac. Ankara, 1981, p.129.
- ³⁵ Турецкая Республика. М., "Наука", 1990, c. 108, 109.
- ³⁶ "Cumhuriyet", 14.12.1994.
- ³⁷ Там же, 24.08.1995.
- ³⁸ Там же, 17.09.1995; "Yeni Yuzyil", 19.04.1995.
- ³⁹ "Cumhuriyet", 16.09.1995.
- ⁴⁰ "Milliyet", 6.06.1990.
- ⁴¹ Там же, 13.12.1994.
- ⁴² "The Economist" Lnd. 27.02.1993.
- ⁴³ Tarih boyunca Alevilik ve aleviler. 100 soruda. Istanbul, "Tempo", 1995, c. 3.
- ⁴⁴ "Cumhuriyet", 14.11.1994.
- ⁴⁵ "Milliyet", 13.12.1994.
- ⁴⁶ "Cumhuriyet", 23.11.1995.
- ⁴⁷ Там же, 26.08.1995.
- ⁴⁸ "Cumhuriyet", 15.12.1994.
- ⁴⁹ Там же, 13.10.1995.
- ⁵⁰ Там же, 14.11.1995.
- ⁵¹ Там же, 14.12.1994.
- ⁵² Там же, 17.03.1995.
- ⁵³ "Eurasian File". Ankara, April - 96/1, p.4-5.
- ⁵⁴ "Cumhuriyet", 17.03.1995; 20.03.1995.
- ⁵⁵ Там же, 27.11.1995.
- ⁵⁶ Там же, 26.11.1995.

-
- ⁵⁷ Statistical Yearbook of Turkey. 1994. Ankara, 1995, p.206, 208.
- ⁵⁸ Turkey. Almanac 1995. Executive's Handbook. Istanbul, Intermedia, 1995, p.75.
- ⁵⁹ "Dünya", 5.01.1996.
- ⁶⁰ Там же, 20.02.1996.
- ⁶¹ Там же, 6.02.1996.
- ⁶² "Dünya", 23.02.1996.
- ⁶³ Там же, 9.01.1996.
- ⁶⁴ Там же, 16.01.1996.
- ⁶⁵ "Hürriyet", 16.03.1996.
- ⁶⁶ "Milliyet", 19.03.1996.
- ⁶⁷ . А.Дж.Тойнби. Цивилизация перед судом истории. М.-С.-П. 1995, с. 167.
- ⁶⁸ "Istanbul Ticaret", 10.11.1995.
- ⁶⁹ "Cumhuriyet", 23.03.1995.
- ⁷⁰ Atatürk'ün söylev ve demeçleri. I-III. 4 bas. Ankara, 1989, с. 90 (I).
- ⁷¹ Turkey. A country Study...p. 106-107.
- ⁷² Nadar Nadi. Perde araligindan. Istanbul, 1983, с. 498.
- ⁷³ С. Коçак. Türkiye'de Milli Şef dönemi(1938-1945). Ankara, 1986.
- ⁷⁴ Türk ve Dünya ünlüleri Ansiklopedisi. Cilt 1. Istanbul, 1983, с. 498.
- ⁷⁵ С. Коçак. Türkiye'de Milli Şef dönemi...
- ⁷⁶ Alparslan Türkeş. Temel görüşler. Istanbul, 1975, с. 362-363.
- ⁷⁷ Yürt Ansiklopedisi. Cilt 11. Istanbul, 1984, с. 8276.
- ⁷⁸ Турецкая Республика. Справочник. М., "Наука", 1990, с. 51-55.
- ⁷⁹ .79.А.Г.Аксиненко. Борьба политических партий Турции за влияние на молодежь. 1920-1980. М., 1986, с. 85-86.
- ⁸⁰ "Dünya", Istanbul, 10.10.1994; "Cumhuriyet", 2.09.1995.
- ⁸¹ "Cumhuriyet", Istanbul, 12.1994.
- ⁸² "Milliyet", 19.03.1996.
- ⁸³ Там же, 10.05.1990.
- ⁸⁴ Там же, 26,05.1990.
- ⁸⁵ "Eurasian Studies". Ankara. TİKA, № 3, Fall 1995, p.23.

-
- ⁸⁶ "İstanbul Ticaret", 14.02.1992.
- ⁸⁷ TİKA. Ankara, 1994.
- ⁸⁸ "Заман-Татарстан". Казань, 9.02.1996.,. tk Т 6 (144).
- ⁸⁹ "Milliyet", 28.03.1996.
- ⁹⁰ "Türk yurdu". Ankara, Temmuz, 1994, с.44, 46.
- ⁹¹ "Cumhuriyet", 29.08.1995.
- ⁹² "Günaydin", 24.07.1994.
- ⁹³ Turkey. A Country Study..., p.107.
- ⁹⁴ "Yeni Forum", Ankara, 1990, Nisan
- ⁹⁵ "Hürriyet", 6.06.1990.
- ⁹⁶ "Cumhuriyet", 21.01.1995.
- ⁹⁷ "Milliyet", 3.01.1995.
- ⁹⁸ "Cumhuriyet", 21.06.1994.
- ⁹⁹ "Günaydin", 4.10.1994.
- ¹⁰⁰ "Milliyet", 13.01.1995.
- ¹⁰¹ "Cumhuriyet", 5.01.1995.
- ¹⁰² "Milliyet", 3.01.1995.
- ¹⁰³ "Cumhuriyet", 22.12.1994.
- ¹⁰⁴ Там же, 26.03.1995.
- ¹⁰⁵ "Dünya", 13.10.1994.
- ¹⁰⁶ Там же, 23.02.1996.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИРИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Изменившаяся международная обстановка, распад СССР, прекращение противостояния двух великих держав привели к пересмотру внешнеполитических концепций и поиску новых направлений внешней политики Ирана.

Один из главных принципов внешней политики ИРИ – “ни Запад, ни Восток, а Ислам” – потерял свою значимость. Иранская традиционная внешнеполитическая концепция балансирования между двумя соперничающими силами (в XIX в. между Россией и Англией, с середины XX в. – США и СССР) стала неприемлема в новом мировом порядке.¹ Претерпел изменения и другой внешнеполитический принцип – экспорт исламской революции в другие страны, ограничившись распространением и пропагандой исламской культуры в мире.

Главный упор во внешней политике направлен не во вне Ирана, как было ранее, а на обеспечение внутренней безопасности страны и ее территориальной целостности, поддержание добрососедских отношений с граничащими с ИРИ государствами.

Но более прагматичный, взвешенный подход к международным проблемам современного руководства Ирана встречает определенный отпор у ряда политических деятелей страны, являющихся сторонниками жесткого и бескомпромиссного внешнеполитического курса. Характерное явление сегодняшнего Ирана – наличие двух враждующих между собой группировок в правящей элите страны.

Мусульманское духовенство не представляет собой единого целого. Серьезные разногласия разделяют муллу на соперничающие фракции. Расхождение по проблемам экономики, внешних сношений, практики ислама противопоставляют их друг другу. Внутри правящих кругов идет острая борьба за власть. Одна часть духовенства, так называемые исламские радикалы, выступают за сохранение в неизменном виде политико-экономической системы Ирана, которая сложилась еще при жизни имама Хомейни. Другая

часть духовенства, более прагматически настроенная, выступает за проведение экономических реформ внутри страны и за изменение внешнеполитического курса Ирана.

Борьба среди духовенства идет с переменным успехом. Но нужно иметь в виду, что при всей остроте внутренних разногласий правящее духовенство не доводило дело до явного раскола своих рядов, во всех случаях сохраняя сословно–корпоративную солидарность.

Президент Хашеми–Рафсанджани является сторонником умеренного, прагматичного внешнеполитического курса. Он выступает за рациональные отношения с Западом, возражает против намерения исламских радикалов продолжать политику экспорта исламской революции в другие страны.

Внешнеполитический курс Хашеми–Рафсанджани неоднократно подвергался критике как в Меджлисе, так и в печати.² Но, несмотря на это, президент старается последовательно проводить намеченную им политику: иногда отступая под сильным нажимом оппозиции, но вновь продвигаясь вперед. В то же время внешнеполитический курс президента становится жестким и бескомпромиссным, когда что–либо угрожает исламской республике. Свидетельством этого являются нападения на базу ОМИН в Ираке, некоторые политические акты в странах Запада, захват островов в Персидском заливе и др.

Сохраняется исламская воинственность и в ряде внешнеполитических вопросов. ИРИ осудила мирный процесс на Ближнем Востоке и само существование государства Израиль. Политизированное иранское духовенство продолжает декларировать лозунг “Смерть Америке”. Двойственность в подходе к внешней политике сказывается на отношениях Ирана с другими государствами, мешает установлению дружественных контактов со многими странами, питает недоверие, настороженность к иранской политике во всем мире.

Основным направлением внешнеполитического курса Ирана является развитие отношений со странами Запада. Только оттуда Иран может получить современную технологию, необходимую для хозяйственного восстановления страны. Большая часть промышленных отраслей ИРИ полностью зависит от Запада как по инвестиционным товарам, так и по запасным частям для оборудования и не может функционировать без поставок извне.

Тегеран заинтересован в улучшении экономических и политических связей с Западом. Однако этому мешают блокирование

ирано–американских связей, противоречивость иранской внешней политики, нарушение прав человека в Иране, продолжающаяся поддержка призыва имама Хомейни казнить писателя С.Рушди.

Но в настоящее время возникли новые трудности в отношениях с Западом. Это связано прежде всего с позицией администрации президента Клинтона в отношении ИРИ. Рассматривая Иран, как своего главного противника на Ближнем и Среднем Востоке, препятствующего проведению ближневосточного урегулирования по планам США и составляющего угрозу Израилю и проамериканским режимам арабских государств Персидского залива, Клинтон рассчитывает оказать сильное политическое и экономическое давление на Иран. США призвали своих европейских союзников еще летом 1993 г. порвать военные и финансовые связи с Ираном, предложили политику “двойного сдерживания”, которая направлена на экономическую и военную изоляцию в одинаковой степени Ирана и Ирака, чтобы ни один из них не мог добиться доминирующего положения. Однако за исключением весьма немногочисленных случаев – таких, как ограничение продажи ядерной технологии, США вряд ли получат поддержку в своей политике в отношении Ирана от Европы или Японии. Инвестиции последних в Иране и не столь велики, но достаточно значительны, особенно их заинтересованность в иранской нефти. Едва ли это заставит европейцев и японцев охранять интересы США. Поэтому европейские страны оказали давление на Вашингтон с целью смягчения противоречий между Ираном и США, призвали к диалогу с Ираном.³

Наиболее тесное сотрудничество связывает Иран с Германией, которая является основным его внешнеполитическим партнером. Поддерживаются постоянные контакты на высшем уровне двух стран. С помощью Германии правительство Рафсанджани рассчитывает на прорыв политической и экономической блокады ИРИ. Связи ФРГ с Ираном вызывают критику США и Великобритании. Но Германия отвергает эту критику, заявляя, что несмотря на расхождения с Ираном по ряду вопросов, твердо намерена продолжать сотрудничество с ним. Товарооборот Ирана с ФРГ достигает 6–7 млрд. долларов, что составляет большую величину в сравнении с другими государствами. Интенсивные контакты с ФРГ особенно важны для ИРИ, т. к. ее отношения с другими европейскими партнерами и, в частности, с Францией – были подорваны в результате предоставления Парижем убежища для оппозиционных иранских группировок, а с Великобританией – из-за дела Рушди. Активные экономические отношения поддерживает Иран с Япони-

ей, Италией и другими странами Европы. Налаживаются отношения со странами восточной Европы, которые были прерваны в результате падения там прокоммунистических режимов, в том числе с Болгарией, Румынией, Венгрией. Товарооборот с ними достигает 1 млрд. долл., 70% его приходится на иранскую нефть.

Важность отношений со странами Европы для Ирана заключается в получении иностранных займов для осуществления экономических проектов. Главными инвесторами выступают фирмы из Германии, Японии, Италии и Франции. В 1955 г. общая сумма кредитов равнялась 36 млрд. долл.⁴ Она состояла из краткосрочных и среднесрочных кредитов на закупку товаров и оборудования, необходимого для различных экономических и социальных проектов.

Учитывая финансовые трудности Ирана, но надеясь на его платежеспособность в будущем, европейские страны и Япония пошли на отсрочку его долгов до 1996 г., что составляет по Германии 2,6 млрд.долл., Японии и Франции – по 2 млрд.долл., Италии – 800 млн. долл.

Одна из важнейших задач внешней политики ИРИ – укрепление военного потенциала. Особенно эти настроения возросли после войны в Персидском заливе, когда Иран ясно ощутил опасность, которая может исходить от США. Поэтому Иран стремится создать или закупить оружие массового уничтожения. Военный бюджет ИРИ – 2–2,5 млрд.долл., и это позволяет ему покупать оружие в Китае, КНДР, России, Пакистане и др. странах.⁵

Большие опасения США вызывает стремление Ирана получить ядерные технологии. Израиль считает иранский ядерный потенциал самой серьезной угрозой своей страны. Высокопоставленные представители Израиля заявили, что если программа создания атомной бомбы в Иране не будет остановлена, они будут вынуждены рассматривать вопрос о бомбардировке иранских ядерных реакторов.

По мнению ИРИ, исламские страны должны приобрести ядерное оружие, чтобы противостоять США и Израилю.

Ядерную технологию Иран получает из России, Пакистана, Китая, бывших республик Советского Союза.

После исчезновения СССР в Иране появилась надежда на обретение важного союзника в лице России, обладающего как ядерным арсеналом, так и правом вето в Совете Безопасности ООН. При этом Россия уже не расценивается как страна, представляющая потенциальную военную или идеологическую угрозу для исламского Ирана.

Иран и Россия не имеют общей сухопутной границы, но они заинтересованы в трех районах – Кавказ, Средняя Азия и Афганистан. У обеих стран одинаковое понимание ситуации в регионе, их интересов и опасений. Их взаимодействие может содействовать миру и стабильности в Центральной Азии. Вначале исламские радикалы попытались воспользоваться распадом СССР для насаждения в Средней Азии исламского фундаментализма, но это оказалось малорезультативным. В настоящее время правительство Хашеми–Рафсанджани старается наладить взаимодействие со странами этого региона. Визиты высших руководителей ИРИ в Туркменистан, Узбекистан, Кыргызстан, Казахстан, Азербайджан имеют целью развитие сотрудничества с этими республиками, которые рассматриваются как важнейший источник сырья и сбыта для иранской продукции. Но сотрудничество с Ираном республики не собираются строить в противовес экономическому союзу СНГ. Пересмотр внешнеэкономических приоритетов, приведший к переоценке Тегерана в пользу развития отношений с Москвой как политических, так и экономических, привел к тому, что Иран стал проявлять осторожность в оценке политики России. Примером может служить ситуация в Боснии, когда Иране занял взвешенную позицию, стараясь не обвинять Россию в боснийском кризисе. Сдержанность проявляет Иран и в отношении политики России в Таджикистане, несмотря на явные симпатии к исламской оппозиции.

В отношении чеченских событий позиция Ирана очевидна, его симпатии на стороне Чечни. В первые дни чеченской войны МИД ИРИ и другие официальные учреждения предпочитали отмалчиваться. И только когда война затянулась, президент ИРИ выступил с осуждением военных методов решения чеченской проблемы. Появление в Чечне иранских моджахедов не одобрено иранским правительством.

Иран и Россия подписали ряд совместных документов. Они касаются сотрудничества в области торговли, связи, туризма, здравоохранения, юстиции, культуры и связей двух парламентов. Иран планирует довести экспорт своих товаров в Россию в стоимостном выражении до 3–х млрд.долл. Для России иранский рынок также весьма важен. По прогнозам на 1995–1996 гг. Иран займет 5–е место в российском машинотехническом экспорте, не меньшее значение имеет и торговля оружием.

Основные направления в сотрудничестве России и Ирана охватывают проекты железнодорожного, автомобильного и морского сообщения, транспортировку газа и нефти в Европу, многосто-

ронную координацию действий на Каспийском море, в том числе сохранение его экологических параметров, организацию судоходства, морской нефтедобычи, рыболовства и др. Это связано с тем, что Иран сможет предоставить среднеазиатским республикам выход к южным морям, что важно для СНГ и России.

Победой иранской дипломатии можно считать открытие в мае 1996 г. железной дороги Мешхед–Серахс–Теджен. Эта дорога соединила магистрали Средней Азии с иранскими и предоставила среднеазиатским государствам кратчайший выход к Персидскому заливу.⁶ Поведение Ирана в Средней Азии весьма осторожное и учитывает его долгосрочные интересы. В будущем Иран хотел бы стать новым центром силы в регионе. Пока же США, Россия, Турция, Китай опережают его в борьбе за влияние в этом регионе.

Иран подписал ряд амбициозных соглашений с Казахстаном, Туркменией и другими государствами региона, но отсутствие денежных средств и нажим со стороны США помешали осуществлению многих из этих планов. Самым близким своим торговым партнером в регионе Иран считает Азербайджан. Торговый оборот двух стран достиг 0,5 млрд. долл. Тегеран, кроме того, предоставляет средства для восстановления в Азербайджане шиитских мечетей и печатания религиозных газет. Он поддерживает фундаменталистскую исламскую партию. Однако Азербайджан проявляет сдержанность в отношениях с Ираном, он более заинтересован в развитии связей с Турцией.⁷

Развитие отношений с Россией является для Ирана приоритетным направлением его внешней политики, что диктуется стратегическими интересами последнего. Правительство России заверило Иран, что твердо намерено завершить строительство АЭС в Бушире, несмотря на возражения США. В ближайшие два года Иран собирается приобрести оружие в России на 1 млрд. долл. и произвести модернизацию своих вооруженных сил с ее помощью. В России осуществляется подготовка иранских специалистов для эксплуатации поставляемой техники.

Россия и Иран заинтересованы в установлении мира и стабильности в районе Персидского залива, который достаточно близко расположен к СНГ и, в частности, к России. В этой связи Россия и ИРИ работают над договором, предусматривающим предотвращение военных действий в этом районе.

Большое внимание Иран продолжает уделять своим отношениям с соседними мусульманскими странами – Турцией и Пакистаном. Несмотря на имеющиеся расхождения, Иран и Пакистан со-

трудничают по афганской проблеме, правительство Пакистана обеспокоено сближением Ирана с Индией. Тем не менее сотрудничество Ирана и Пакистана в области торгово-экономических отношений и в военной области успешно развивается. В последнее время несколько осложнились отношения с Турцией, поскольку растет соперничество за лидерство в исламском мире и особенно в бывших республиках Советского Союза. Влияние Турции определяется этническим и языковым родством с тюркскими народами Средней Азии, тогда как Ирана – культурным фактором. Существуют противоречия двух государств в отношении курдской проблемы, а также деятельности ряда иранских организаций на турецкой территории. В то же время обе страны заинтересованы в поддержании дружественных отношений. Последние двусторонние соглашения свидетельствуют о том, что страны пошли на определенные уступки друг другу. Подписан документ, предусматривающий тесное сотрудничество в области добычи и переработки нефти, природного газа, приграничной торговли, транспорта и промышленности.

Иран поставляет в Турцию 3–4 млн. т сырой нефти в обмен на турецкие товары. Заключен договор о строительстве газопровода через Турцию, с помощью которого нефть Ирана будет направляться в страны Европы. Железнодорожная сеть Ирана и Турции будет состыкована с железными дорогами Средней Азии. Подписано соглашение между Ираном и Турцией, а также с Сирией в отношении курдов.

Новым направлением внешней политики ИРИ является установление более тесных отношений с Китаем и Индией, как ответ на негативную американскую политику в отношении этих государств. Двусторонние отношения с Китаем касаются широкого спектра вопросов и включают стройиндустрию, энергетику, коммуникации, городской электротранспорт. Предполагается построить в Китае нефтеочистительные предприятия для переработки сырой иранской нефти и др. Китайская сторона согласилась предоставить Ирану двойной кредит в 150 млн. и 120 млн. долл. Ширящиеся контакты с Индией подпитываются взаимным интересом. Иран занимает важное место в политических планах индийского руководства, особенно потому, что он в силу своего географического положения может стать связующим звеном между Индией и государствами Средней Азии. Переговоры касались вопросов строительства газопровода для транспортировки иранского газа в Индию, увеличения поставок иранской нефти в Индию на 3 млн. тонн в год, сотрудничества в области нефти, газа и др.

На основе своих отношений с Индией и Китаем Иран пытается создать новый альянс в Азии, стремится привлекать к нему государства Средней Азии, чтобы противодействовать конкуренции турецкого влияния в регионе.

Одна из важных задач внешней политики ИРИ – укрепление позиций в Персидском заливе. Иран – одно из крупнейших государств региона. На всем протяжении своей истории Иран боролся за доминирующее положение в этом районе. В 60–70-е годы текущего столетия он был близок к осуществлению своей мечты. Но в результате исламской революции 1978–1979 гг. Иран перестал быть лидером в Персидском заливе, особенно ослабли его позиции после ирано–иракской войны.

Иран жизненно заинтересован в нормализации отношений со своими южными соседями как с политической, так и экономической точек зрения. Безопасность ИРИ всегда будет находиться под угрозой, если арабские государства и особенно Саудовская Аравия, будут проявлять враждебность к Ирану. Иранские власти понимают, что в этом случае любой инцидент может открыть дорогу для вооруженного вмешательства США и их союзников. Иранская экономика также нуждается в сближении ИРИ с богатыми арабскими соседями, что диктует курс на умеренность иранского МИД'а.⁸ Но поддержка иранскими радикалами исламистских движений в ряде мусульманских стран мешает этому сближению.

Важно и то, что Иран не отказался от стремления занять лидирующее положение в Персидском заливе. С ослаблением Ирана в результате операции “Буря в пустыне” у Ирана вновь появились надежды на ведущую роль в регионе. После окончания ирано–иракской войны и в результате политики нейтралитета, которую занял Иран в кувейтско–иракском конфликте, доверие к ИРИ в арабских странах возросло, что привело к определенной нормализации отношений с государствами Персидского залива. Иранское правительство попыталось даже принять участие в системе региональной безопасности, которая вначале складывалась успешно в рамках “Дамасской декларации” 1991 г. Однако, страны Персидского залива заключили ряд двусторонних соглашений об обороне с США, и это вызвало неудовольствие Ирана в связи с укреплением американского присутствия в Персидском заливе. Тегеран пересмотрел свое отношение к Дамасскому соглашению. Подключение к соглашению Египта и Сирии, не являющихся прибрежными государствами, и исключение из него Ирана вызвали протест иранских властей.

Иран выступает против присутствия американских и английских войск в Кувейте. Безопасность региона, с точки зрения ИРИ, должна быть обеспечена исключительно силами прибрежных государств с обязательным участием Ирана.

Но это вызывает неудовольствие членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). По их мнению, Иран стремится стать региональной сверхдержавой. При заключении договора о региональной безопасности роль ИРИ в соответствии с иранским военным, экономическим и людским (около 60 млн. чел.) потенциалом будет настолько велика, что это будет нежелательным и даже опасным для других стран Персидского залива и, в первую очередь, для Саудовской Аравии, которая сама стремится играть роль лидера. Исходя из этого, Ирану было отказано во вступлении в ССАГПЗ и в другие объединения арабских государств.

В настоящее время две основные силы определяют положение в Персидском заливе – Иран и Саудовская Аравия. Без этих двух стран невозможно обеспечить безопасность и стабильность в зоне залива. Ведь их постоянное соперничество способствует дестабилизации обстановки в регионе. Это объясняется идеологическими и политическими причинами. Саудовская монархия не без основания опасается республиканского Ирана, который в 1979 г. сбросил 2500-летнюю иранскую монархию.

Обострение саудовско-иранских отношений имеет в определенной степени циклический характер, связанный именно с сезоном паломничества мусульман в Мекку. В основе его лежит стремление иранских официальных лиц, в том числе и сопровождающих паломников Ирана, максимально политизировать эту религиозную акцию.

Ирано-саудовские отношения были разорваны после кровавых событий 1987 г., когда 400 человек погибли во время паломничества в Мекке. Оманское соглашение 1991 г. между Тегераном и Эр-Риядом урегулировало вопросы восстановления двусторонних отношений и участия иранцев в ежегодном паломничестве в Мекку и Медину. Была установлена квота иранских паломников в размере 115–117 тыс. человек.

В 1994 г. Саудовская Аравия сократила квоту иранских паломников до 55 тыс. и запретила проведение политической церемонии «отречения от неверных». Места размещения иранских паломников в Мекке были окружены полицией. Это способствовало обострению отношений Ирана с Саудовской Аравией. Была отме-

нена встреча на высоком уровне между президентом ИРИ и королем Саудовской Аравии.

Об активизации политики ИРИ в Персидском заливе свидетельствует захват ею трех островов – Абу–Муса, Большой и Малый Томб. В течение 20 лет они находились под совместным управлением Ирана и ОАЭ. Весной 1992 г. ИРИ потребовала, чтобы приезжающие на острова лица, не являющиеся гражданами ОАЭ, получали въездные визы в Иране. В связи с этим на острова не были допущены иностранцы, работающие по контрактам с ОАЭ. Возник конфликт. Иранские власти заявляют, что эти острова были иранскими еще до того как ОАЭ обрели независимость, и останутся таковыми навсегда. Для Ирана острова имеют важное стратегическое значение. С их помощью можно контролировать вход и выход из Персидского залива. Имея флот и подводные лодки, Иран может создать здесь опасную обстановку.

Захват Ираном трех островов осудили Лига арабских государств, ССАГПЗ, министры иностранных дел стран–участниц “Дамасской декларации”. Иранское руководство исключает возможность передачи суверенитета над островами ОАЭ, но в то же время поддерживает готовность урегулировать проблему мирными средствами на двусторонней основе без передачи спора в Международный суд в Гааге.

Тем не менее, переговоры вряд ли могут дать положительный результат. Об этом свидетельствует и заявление президента Хашеми–Рафсанджани, сделанное в июне 1994 г.: “Иранские острова ОАЭ смогут заполучить, лишь переплыв через море крови”.

Более благополучно складываются отношения Ирана с Оманом, Катаром, Бахрейном. Растет товарооборот, заключаются выгодные торговые и экономические соглашения, увеличивается обмен туристами. Большое количество иранских рабочих размещено в этих странах. Их правительства выступают за расширение отношений с Ираном, за принятие его в арабские сообщества. Но все же существует определенная настороженность со стороны арабов к внешней политике ИРИ, еще недавно провозглашавшей активный экспорт иранской революции в арабские страны. Кроме того, большинство стран залива находятся под влиянием Саудовской Аравии, которая сохраняет отчужденные отношения с ИРИ. Но помимо этих факторов существуют и другие, способствующие дистанцированию арабов от Ирана. В частности, на совещании глав арабских стран Персидского залива в Бахрейне в ноябре 1994 г. страны ССАГПЗ дали негативную оценку ситуации, сложившейся к тому

времени в Заливе. Накануне и во время встречи не без помощи ИРИ были инспирированы столкновения между группами радикально настроенной шиитской молодежи с полицией. Были проведены массовые аресты. Эти события, а такие же в Омане и Саудовской Аравии, где были раскрыты подпольные проиранские организации, занимающиеся антигосударственной деятельностью, подтолкнули арабов к принятию резких резолюций против экстремизма и фундаментализма.

В то же время арабские страны Залива заявили о стремлении развивать с Ираном добрососедские отношения и призвали к урегулированию вопроса о спорных островах.

Иран не оставил надежд на то, чтобы стать доминирующей силой в Персидском заливе. Но на этом пути перед ним стоит много препятствий как внутренних, так и внешних. Это прежде всего экономическое и политическое положение ИРИ в настоящее время, а также насилие в Заливе американского влияния, способного активно нейтрализовать поползновения Ирана. Поэтому в настоящее время Иран вряд ли может быть активной силой в Персидском заливе и представлять угрозу для арабских стран.

Иран стремится расширить свои контакты и с другими арабскими странами. В связи с этим наблюдается прогресс в ирано–египетских отношениях, которые были разорваны после Кэмп–Дэвидских соглашений с Израилем в 1979 г. Особенно это заметно в сфере экономического сотрудничества. Появились совместные ирано–египетские предприятия в легкой промышленности и электронике. Египет согласился расплатиться за кредиты на сумму 320 млн.долл., предоставленные еще иранским шахом, путем передачи Ирану 4–х самолетов “Туполев” и строительства 5 фабрик по производству сахара в ИРИ.

Главными союзниками Ирана в арабском мире остаются Сирия и Ливан. В настоящее время к ним можно причислить и Судан. Сирия была единственной страной, которая на протяжении всей ирано–иракской войны оказывала политическую и моральную поддержку Ирану. Для Сирии важна та финансовая помощь, которую ей оказывает Иран и его экономическая и военная поддержка ее позиций в Ливане. Но опасения сирийского руководства вызывают попытки Ирана распространить идеи исламской революции в Сирии. Главная роль в этом принадлежит культурному центру ИРИ в Дамаске. В работе центра активное участие принимают шииты, проживающие в Сирии. Основное направление в работе центра занимает пропаганда идей исламской революции.

В настоящее время в связи с углублением процесса ближневосточного урегулирования и резкого негативизма иранского руководства по этому вопросу, Сирия несколько дистанцировалась от ИРИ и более приблизилась к арабскому миру. Были восстановлены отношения с Египтом и другими арабскими странами, что неодобрительно встречено в Тегеране.

Двойственный подход к внешней политике в иранском руководстве продолжает проводить политику идеологической экспансии. Богатые благотворительные фонды, возглавляемые реакционными муллами (например, Фонд обездоленных имеет капитал в 10 млрд.долл.) служат прикрытием для финансирования пропагандистской деятельности, организуют поддержку мусульманским экстремистским движениям. Иранские муллы финансируют, вооружают и обучают военные формирования Хезболлах и Хамас в Ливане, а также подрывные ячейки фундаменталистов в Египте, Алжире, Тунисе, Судане и др. местах. Просирийские палестинские организации, блокируясь с Хезболлах на ливанском юге, выступают против переговоров с Израилем – это организации Фатх–Интифада, Фатх–Ревсовет и др. группы, используемые в качестве инструментов внешней политики Сирией.

Таким образом Иран сохраняет свое влияние, хотя и косвенное, на события на Ближнем и Среднем Востоке. Это влияние двойственное, не всегда концентрированное и эффективное, что объясняется мощными противоречиями в лагере тех, кто ответствен за принятие политических решений. Именно это обстоятельство определяет при повышенной динамичности иранской внешней политики ее невысокую результативность в том, что касается воздействия на систему региональных отношений. Однако этот фактор не следует преуменьшать, ибо Иран располагает большим финансовым и культурным потенциалом, опасность мобилизации которого в разрушительных целях сохраняется, несмотря на присутствие в руководстве лиц, отказывающихся от наиболее одиозных форм внешней деятельности иранской исламской революции.

¹ “Третий взгляд”. Посольство ИРИ; спецвыпуск, посвященный 14 годовщине победы исламской революции в Иране.

² “New–York Times”, 7.02.1989 г.

³ “Wall street journal”, 22.06.95.

⁴ Там же

⁵ “Tehran times”, 4.05.95.

⁶ “Третий взгляд”, 1 июня 1996 г., с. 3–9.

⁷ “Wall street journal”, 22.06.95.

⁸ “Tehran times”, 3.09.1990 г.

РЕПАТРИАНТЫ ИЗ СТРАН СНГ: НОВЫЙ ФАКТОР В ИЗРАИЛЬСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

29 мая в Израиле должны состояться выборы в Центральные органы власти. От всех предыдущих выборов они отличаются по целому ряду параметров. Прежде всего, впервые, помимо выборов депутатов парламента, состоятся прямые выборы главы правительства. Во-вторых, выборы впервые пройдут в совершенно новой для Израиля внешнеполитической ситуации, когда существует реальная перспектива окончательного замирения с арабами и создания палестинского государства на территориях, оккупированных Израилем в 1967 году. Наконец, в-третьих, выборы пройдут и в совершенно новой внутривнутриполитической ситуации, когда на расклад политических сил могут оказать существенное влияние голоса новых репатриантов из бывшего СССР, приехавших в Израиль в последние 6–7 лет. Указанные факторы накладывают свой отпечаток на предвыборную стратегию большинства партий, в особенности двух самых крупных, которые в последние 20 лет попеременно в коалиции с более мелкими партиями стоят у руля государственной власти. Это правящая МАИ (Израильская партия труда) и оппозиционный "Ликуд".

Прямые выборы премьера, в которых, к тому же, примут участие только два кандидата: лидер МАИ Ш.Перес и лидер "Ликуда" Б.Нетаньягу, обострили борьбу за голоса избирателей до предела. Если раньше право формирования правительства автоматически предоставлялось руководителю партии, получившей относительное большинство в кнессете (а в условиях Израиля для этого всегда бывало достаточно 30–35% голосов избирателей), то теперь, чтобы стать премьером, кандидату необходимо набрать свыше 60% голосов. Поэтому и МАИ, и "Ликуду" в нынешней предвыборной кампании приходится работать не столько со своим традиционным электоратом, а это примерно по 26–30% избирателей, и даже не с теми, кто постоянно колеблется между ними и голосует то за одну, то за другую партию (еще примерно 10%), сколько, в

первую очередь, с теми, кто никогда в жизни за них не голосовал. Речь, таким образом, идет о 30–40% избирателей, чьи интересы на политической арене отражают мелкие политические партии, предельно мечтаний которых обычно является провести в кнессет максимум 5–6 депутатов.

Они представляют самый широкий политический спектр: от коммунистов на крайне левом фланге до ультранационалистов на крайне правом. Израильская политическая мозаика, помимо всего прочего, осложняется наличием нескольких религиозных еврейских партий, а также нескольких партий, опирающихся на голоса значительного арабского меньшинства, составляющего около 17% населения. Таким образом, перед МАИ и "Ликудом", чтобы провести своего кандидата в премьер–министры, стоит настоятельная задача заручиться поддержкой именно этой части израильского электората.

Основной темой, по которой во время предвыборных кампаний всегда вели и ведут между собой полемику все без исключения израильские политические партии, является тема мирного урегулирования с арабскими странами и самоопределения палестинцев. Следует подчеркнуть, что в Израиле не существует разделения на правых и левых в традиционном понимании, и место той или иной партии в политическом спектре определяется не ее социально–экономической программой, а в первую очередь, позицией по вопросам мирного урегулирования. Поэтому здесь принято несколько иное деление: к левым относят так называемых "голубей", то есть тех, кто выступает за достижение мира с арабами и за уход Израиля (на тех или иных условиях) с контролируемых территорий (что автоматически предусматривает создание палестинского государства), к правым – так называемых "ястребов", то есть тех, кто стремится свести к минимуму территориальные уступки арабам и не допустить национального самоопределения палестинцев.

Но если ранее вопрос о мире с арабами, хотя и был главным в межпартийной полемике, но для рядовых избирателей, да и для руководства различных партий, оставался, все же, умозрительным, поскольку фактически не стоял не повестке дня, то теперь все коренным образом изменилось. В арабо–израильских отношениях происходят перемены, еще несколько лет казавшиеся немыслимыми: заключен мирный договор с Иорданией, нормализуются отношения Израиля с Марокко, Тунисом, княжествами Персидского залива, хотя и с проволочками, но идут переговоры о мирном урегулировании с Сирией, наконец, в соответствии с договоренностями

ми, достигнутыми в Осло, самая широкая автономия предоставлена палестинцам.

В новых условиях, таким образом, перед израильскими избирателями впервые встала возможность оказать практическое влияние на ход и характер мирного процесса. Израильское общество в целом едино в том, что мир с арабами невозможен без четких гарантий безопасности для их страны. И как раз объем и характер этих гарантий различными партиями понимается по-разному. Одни считают, что уход Израиля с занятых в 1967 г. территорий является основным условием мирного урегулирования и обеспечения в будущем его безопасности, другие – что такое решение лишь ухудшит его военно-стратегическое положение. По этому вопросу в израильском обществе существует раскол: с одной стороны, в нем накопилась огромная морально-психологическая усталость от перманентного состояния войны с арабами, с другой, – его продолжает сковывать страх перед враждебным окружением. Следует отметить, что это даже не только и столько раскол на два лагеря, сколько раскол или своего рода раздвоение личности в душе большинства израильтян.

Наконец, к двум вышеуказанным факторам, которые отличают нынешние выборы от предыдущих, добавился, причем для многих неожиданно, еще один – новые репатрианты из стран СНГ. Здесь их называют "русской" общиной или просто "русскими" вне зависимости от того, из каких республик бывшего СССР они приехали. Хотя значительная часть нынешних израильтян имеет российские корни, "русский" фактор до последнего времени не играл в политической жизни страны практически никакой роли. Во-первых, потому, что процесс иммиграции выходцев из России и СССР по времени был растянут на несколько десятилетий, и более ранние иммигранты до прибытия новых успевали ассимилироваться, во-вторых, потому, что из-за "железного занавеса" в СССР иммиграция евреев в Израиль не была массовой: в страну ежегодно прибывало лишь по несколько тысяч человек, которые быстро растворялись в израильском обществе. К тому же, в силу относительной немногочисленности репатриантов государство имело возможность выделить значительные суммы на абсорбцию каждого вновь прибывшего, что способствовало быстрому обустройству этих людей на новом месте и их безболезненной интеграции в израильское общество.

Ныне же ситуация принципиально иная: после либерализации выезда из СССР, а затем из стран СНГ, в Израиль, начиная с

1989 года буквально хлынул поток новых репатриантов. По различным оценкам, в страну за шесть с небольшим лет переехало на постоянное место жительства 700–800 тыс. человек, которые резко разбавили израильское население, составив примерно 13% от его численности. Думается, ни одна страна в мире, даже более крупная и экономически сильная, чем Израиль, оказалась бы не в состоянии быстро переварить столь массовый наплыв иммигрантов.

В результате произошло следующее: хотя общий объем выплат репатриантам, безвозмездно предоставляемых государством на их абсорбцию значительно вырос, выплаты на отдельного репатрианта снизились. Поэтому многие оказались недовольны своим материальным положением и разочарованы в ожиданиях достижения быстрого благополучия. В первую очередь, это пенсионеры и лица предпенсионного возраста, а также представители тех профессий, которые в условиях такой маленькой страны, как Израиль, оказываются либо не востребованными вовсе, либо востребованными в очень маленькой степени. Многим репатриантам пришлось переквалифицироваться, пойдя при этом на понижение своего социального статуса, с чем всегда бывает очень трудно мириться. Пенсионеры, безработные, люди, имеющие низкооплачиваемую работу, соответственно не имеют возможности обзавестись собственным жильем и вынуждены поэтому либо снимать жилье за весьма приличные деньги (а цены на съемные квартиры в связи с наплывом репатриантов подпрыгнули высоко вверх по сравнению с тем, что было раньше), либо жить в так называемых "хостелях" и "караванах". Если соотнести данные израильские реалии с российскими, то "хостели" – это что-то вроде наших общежитий, где кухня и все другие удобства – общего пользования, а "караваны" – это вагончики на колесах, приспособленные под временное жилье.

На предыдущих парламентских выборах, которые состоялись четыре года назад, большая часть недавних выходцев из СССР поддержала МАИ, фактически склонив чашу весов в ее сторону и приведя ее к власти. Тогда репатрианты проголосовали "за" Партию труда по двум причинам: из-за недовольства политикой абсорбции, которую проводило правительство во главе с "Ликудом", а также из-за того, что поверили лидерам МАИ, направо и налево раздававшим обещания, придя к власти, исправить ситуацию, создать множество новых рабочих мест и обеспечить нуждающихся дешевым жильем.

За прошедшие четыре года число новых репатриантов из СНГ удвоилось, если не утроилось, и они стали еще более весомой

электоральной силой. Ныне, как уже говорилось, они составляют 13% израильского населения и, соответственно, примерно столько же избирателей. Иными словами, "русские" репатрианты, во-первых, способны предопределить победу того или иного кандидата в премьеры. Во-вторых, при существующей в Израиле пропорциональной избирательной системе на их голоса приходится 15 депутатских мест из 120. Таким образом, в Израиле впервые за всю его историю сложилась такая ситуация, при которой выходцы на бывшего СССР способны самым существенным образом повлиять на состав будущих парламента и правительства и, следовательно, на внешнюю и внутреннюю политику страны. Как подчеркнул в интервью израильской русскоязычной газете "Вести" политический обозреватель газеты "Едиот Ахронот" Ш.Шифер, "алия из бывшего СССР может сыграть решающую роль в выборах главы правительства, алия определит ту дорогу, по которой пойдет государство" [1]. А Г.Салет из наиболее уважаемой израильской газеты "Гаарец" даже более категоричен: "На выборах в который уже раз окажется, что ни МАИ, ни "Ликуд" не предопределяют окончательных результатов борьбы за пост премьера и за состав нового кнессета. Как всегда, все будут решать голоса болота" [2]. При этом, к "болоту" он помимо электората традиционных религиозных партий относит и новых репатриантов на стран СНГ.

Правда, новый "русский" электорат в Израиле следует назвать скорее не "болотом", а "terra incognita", поскольку значительная его часть еще ни разу не голосовала, и, следовательно, точно неизвестно, как репатрианты поведут себя на первых для них парламентских выборах. Поэтому практически все израильские политические партии (за исключением лишь тех, которые имеют ярко выраженный этнический характер, то есть арабские и сефардские), прекрасно сознавая, какую мощную избирательную силу представляют собой недавние выходцы из СНГ, рассчитывают привлечь на свою сторону их голоса.

В первую очередь, это, естественно, МАИ и "Ликуд". Но на поддержку части репатриантов надеются, также, леворадикальный блок МЕРЕЦ, который в нынешнем кнессете имеет 12 мандатов и входит в коалиционное правительство с МАИ, и Национально-религиозная партия (НРП), и ультраправая "Моледет", а из вновь образованных: еще более ультраправая "Ямин-Израэль" ("Израильские правые"), и правоцентристский "Третий путь". Помимо вступивших между собой в борьбу на "русском" поле партий общеизраильского (если можно так выразиться) характера, в преддвее-

рии выборов образовались еще две партии, которые называют себя репатриантскими и, соответственно, делают ставку исключительно на голоса недавних выходцев из СНГ. Это "Израэль-ба-алия" (ИБА и "Единство и Алия" (ЕА).

Предвыборная пропаганда МАИ и "Ликуда" среди новых репатриантов строится на прямо противоположных тезисах: если МАИ всячески упирает на статистику, свидетельствующую об успешной, по мнению ее лидеров, абсорбции, то "Ликуд", со своей стороны, упирает на то, что абсорбция при нынешнем правительстве идет недостаточно быстрыми темпами, зато при "Ликуде", как только он будет у власти, – побежит вперед семимильными шагами.

Нельзя сказать, что правительство во главе с МАИ, сформированное после победы на выборах в 1992 году, придя к власти, отказалось от предвыборных обещаний, данных новым репатриантам. Более того, оно сделало для их абсорбции даже значительно больше, чем предыдущее ликудовское правительство, хотя сейчас оппозиция и пытается утверждать обратное. Как пишет Г.Салет, "еще не было ни одной алии, которая абсорбировалась бы столь быстро. Действительно, если принять во внимание огромное количество новых репатриантов (а за шесть лет, начиная с 1989 года, в страну из бывшего СССР въехало 720 тысяч человек – по одному на каждых восьмерых израильтян!), то темпы абсорбции просто поражают" [3]. По данным официальной израильской статистики, которым нет оснований не доверять, примерно 40% тех, кто приехал в Израиль в последние годы, уже успели обзавестись собственным жильем и приобрести работу по специальности" [4]. И еще один факт, красноречиво свидетельствующий о том, что абсорбция протекает, в целом, успешно: среди новых репатриантов выпускных классов израильских школ сдали экзамены на аттестат зрелости более половины учащихся, тогда как в целом по стране доля таковых значительно ниже и составляет около 38% [5].

Тем не менее, среди многих недавних выходцев из СНГ существует весьма заметное недовольство нынешним правительством, которое, на их взгляд, не делает всего, что можно было бы для абсорбции. В особенности такие настроения свойственны пенсионерам и тем, чей возраст перевалил за 45 лет, иными словами, тем, кто живет на пособие по старости, и тем, кому трудно найти работу по специальности или же переквалифицироваться. Среди молодых, которые уже нашли подходящую работу или надеются в скором времени ее найти, недовольных нынешним правительством

несравненно меньше. В общем же, "русская" община в Израиле сейчас разделена примерно пополам: на тех, кто в целом доволен жизнью в новой для себя стране, и на тех, кто недоволен.

Соответственно, те, кто за время пребывания у власти МАИ успел обустроиться, в общем, поддерживает нынешнее правительство, а те, кто не смог этого сделать, настроены преимущественно антиправительственно. При этом, для последних, строго говоря, не имеет значения, какое правительство в данный момент находится у власти. Если бы страну возглавлял "Ликуд", они голосовали бы против "Ликуда", как это, между прочим, и было четыре года назад. Складывается впечатление, что в руководстве "Ликуда" уверены: на выборах премьер-министра большинство недовольных репатриантов и так, проголосует за Б.Нетаньягу, а на парламентских выборах – за "Ликуд".

Что касается МАИ, то ее руководство проявляет значительно больше обеспокоенности по этому вопросу. Иллюстрацией может служить тот факт, что в ликудовском предвыборном списке представителю "русской" общины отведено 45-е место, которое никоим образом не гарантирует его обладателю депутатский мандат, тогда как в списке Партии труда – абсолютно надежное 25-е. Более того, если ликудовское руководство пожертвовало интересами кандидата от новых репатриантов в пользу вошедших в предвыборный блок с "Ликудом" партий "Цомет" и "Гешер", которым гарантировано по семь верных мест в кнессете и которые, таким образом, просто задвинули "русского" кандидата на весьма проблематичное место в предвыборном списке, то руководству МАИ пришлось пойти на отчаянные усилия, чтобы этого не случилось. Так, на внутрипартийных выборах кандидатов в кнессет от МАИ представители новых репатриантов оказались вообще в самом хвосте предвыборного списка. Тогда Ш.Перес принял решение освободить для одного из них 25-е место и провести 11 апреля дополнительные выборы, в которых приняли участие только 17 тыс. членов партии новых репатриантов, прибывших в Израиль после 1 января 1989 г. Следует отметить, что это было волевое решение, противоречащее Уставу МАИ и мнению значительной части членов партии. Но, как подчеркнул Ш.Перес, выступая на чрезвычайной конференции МАИ, специально посвященной этому вопросу, "вклад новых репатриантов из СНГ в развитие Израиля огромен и воистину неоценим. Наши братья и сестры из бывшего СССР, ступив на землю Израиля, разделили нашу судьбу, минуты радости и печали. 700 тыс. но-

вых репатриантов стали лучшим доказательством того, что коммунизм проиграл, а сионизм победил" [6].

Впрочем, значение того, какое место в списке МАИ или "Ликуда" займет представитель новых репатриантов, вряд ли стоит переоценивать. Дело в том, что для тех, кто еще как следует не обустроился в Израиле, этот эмоциональный демарш МАИ, равно как и равнодушие по данному вопросу "Ликуда" вряд ли дойдут. Как пишет в "Едиот Ахронот" С.Плоцкер, сабра, родившийся в семье репатриантов из СССР начала 70-х годов, "я хотел бы дать бесплатный совет обеим большим партиям. Совет такой: по вопросу о "русских" кандидатах ничего предпринимать не нужно. Те репатрианты из бывшего СССР, которые замкнулись в своем иммигрантском кругу, огородили себя стенами русского "культурного" гетто и желают жить в нем дальше, ни в коем случае за вас голосовать не будут. За вас будут голосовать лишь те, кому удалось избавиться от ментальности бедного и несчастного родственника и разочарования и обиды, свойственные всякому человеку, попадающему в чужую для себя страну. За большие партии, за Переса или за Нетаньягу, проголосуют только те репатрианты, кто духовно уже "здесь", а не "там", кто уже считает себя частью израильского общества. А таких – подавляющее большинство" [7]. В принципе, в своей оценке С.Плоцкер прав, хотя самое последнее его высказывание о подавляющем перевесе среди новых репатриантов тех, кто уже полностью интегрировался в израильское общество, несколько преувеличено.

Опрос, проведенный автором среди примерно 40 семей репатриантов, прибывших в Израиль в 1991–92 гг., а это 120 человек, обладающих правом голоса, Впрочем, показывает, что подавляющее большинство из них (95%) на выборах будут голосовать либо за МАИ (50%), либо за "Ликуд" (45%), либо за "Моледет" (5%). Правда, следует оговориться, что данный опрос не является в полной мере репрезентативным, поскольку все опрошенные выходцы из Москвы с высшим образованием, а таких среди новых репатриантов всего около 15%. Тем не менее, показательна следующая тенденция, подтверждающая мнение С.Плоцкера: те, кто успешно абсорбировался, устроился на работу, купил квартиру, как правило, отдают предпочтение крупным израильским партиям, занимающим позицию ближе к центру политического спектра, либо чуть левее (МАИ), либо чуть правее ("Ликуд"). При этом, их действительно практически не интересует, имеются или нет среди кандидатов в парламент представители новых репатриантов.

Леворадикальный блок МЕРЕЦ, со своей стороны, считает, что проблемы, с которыми сталкиваются новые репатрианты (безработица, жилье и т.д.), – это проблемы, хотя и актуальные для всего израильского общества в целом, но все же частные по сравнению с главной проблемой – мирным урегулированием. Соответственно, и решение этих проблем, по мнению руководства партии, может быть достигнуто, во-первых, после решения главной проблемы, во-вторых, в рамках повышения благосостояния израильского общества в целом, и его малоимущих слоев в частности, в том числе и новых репатриантов. Как пишет член руководства МЕРЕЦ, Х.Орон, "любая конкретная цель может быть достигнута только общими усилиями и только при условии, что она является частью широкой партийной платформы... Вступив в эпоху мира, Израиль сможет значительно сократить бюджетные ассигнования на оборону, направив освободившиеся средства на образование, абсорбцию алии и рост валового национального продукта" [8]. Правда, следует отметить, что МЕРЕЦ среди новых репатриантов практически неизвестна, и шансов получить сколько-нибудь значительное число их голосов у этого блока немного.

На поддержку определенной части выходцев из СНГ рассчитывает и НРП. Ее лидеры прекрасно понимают, что, во-первых, возможности для улучшения материального положения репатриантов у партии ограничены, и, во-вторых, ортодоксальными религиозными лозунгами их вряд ли увлечешь. Поэтому, в отличие от крупных партий, которые в своей пропаганде среди репатриантов основное внимание акцентируют на вопросах работы, жилья и социального обеспечения, НРП претендует на определенную идеологичность, строя свою предвыборную программу на лозунгах "светского национализма". При НРП для работы с новыми репатриантами создана специальная структура под названием "Движение за еврейскую стойкость Израиля". Как считают активисты этого "светского" движения, "сегодняшние политические игры на "русской улице" – в преддверии парламентских выборов – преследуют вполне утилитарные цели и не могут всерьез считаться попыткой духовного и философского самоопределения новых граждан Израиля. Осознать свое место в своей стране, осознать свое место в мире – это задача поважнее корзины абсорбции или льгот на покупку автомобиля" [9].

Однако, такая тактика вряд ли будет иметь сколько-нибудь значительный успех. Подавляющее большинство новых репатриантов не питает к иудейской религии особых симпатий. К тому же,

как это часто бывает, политик или партия, которые стремятся заполнить голоса той или иной группы избирателей, должны, если хотят преуспеть, говорить главным образом то, что избиратели предрасположены слушать. Иначе они за ними не пойдут. Слушать же сейчас недавние выходцы из СНГ предрасположены не отвлеченные разговоры о "духовном самоопределении", а обещания конкретных льгот и материальных благ, какие они получают, отдав голоса той или иной партии.

Партия "Моледет", которая выступает против каких бы то ни было территориальных уступок арабам со стороны Израиля, среди новых репатриантов рассчитывает, в первую очередь, естественно на тех, кто живет на контролируемых территориях. На их же голоса рассчитывает и "Ямин–Израэль". Но если "Моледет" – партия светская, то "Ямин–Израэль" ультраортодоксальная религиозная. Второе отличие между ними заключается в том, что в первой подавляющее большинство составляют коренные израильтяне, а во второй – выходцы из России и других стран СНГ. Впрочем, шансы обеих партий среди "русского" электората невелики, так как они апеллируют к узкой группе избирателей–поселенцев на контролируемых территориях. Как пишет обозреватель "Вестей" Д. Контопер, обращаясь к эмоциональной, но неопытной аудитории, "Ямин–Израэль" может отхватить у правого лагеря несколько тысяч голосов, однако, этого ни в коем случае не хватит, чтобы провести в кнессет даже одного депутата" [10].

Несколько больше шансов у партии "Третий путь", которую возглавляет отставной генерал А.Кахалани. Как и "Ямин–Израэль", эта партия была создана недавно, в преддверии майских парламентских выборов. Она считается правоцентристской. Хотя лидеры "Третьего пути" всячески подчеркивают общеизраильский характер своей партии и говорят о том, что она создана, чтобы представлять интересы всех израильтян в качестве альтернативы двум "обанкротившимся" крупным партиям, состав ее руководящих органов и анализ предвыборной платформы свидетельствуют: основная ставка сделана, все же, на голоса выходцев из СНГ. Платформа партии состоит из двух частей: политической и социально–экономической. "Третий путь" выступает против ухода Израиля с Голанских высот, то есть против какого бы то ни было территориального компромисса с сирийцами, против какого бы то ни было изменения статуса Иерусалима в качестве "единой и неделимой" столицы Израиля, против каких бы то ни было уступок палестинцам тех территорий на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа,

которые заняты сейчас израильскими поселениями. "Третий путь" за мир с арабами с позиции силы. Политическая часть платформы партии, таким образом, очень близка к программе "Ликуда".

Что касается социально-экономической части платформы "Третьего пути", то она имеет ярко выраженный "репатриантский" уклон. Если в предвыборных программах крупных партий такие пункты, как строительство дешевого жилья, создание новых рабочих мест, увеличение дотаций репатриантам и т.д. занимают периферийное место, то в программе "Третьего пути" они вынесены на первый план. Более того, создается впечатление, что социально-экономические проблемы коренных израильтян и старожилов партии вообще не интересуют. В принципе, на выборы "Третий путь" выходит практически под теми же лозунгами, что и чисто репатриантские партии ИБА и ЕА, и, следовательно, бороться все они будут за один и тот же электорат: выходцев из стран СНГ. В этой связи руководство "Третьего пути" предпринимало попытки, правда, непоследовательные – прозондировать почву на предмет объединения с какой-либо из репатриантских партий. С одной стороны, это свидетельствует о генетической близости "Третьего пути" и "русских" партий, с другой – об определенной неуверенности в том, что партия сможет привлечь на свою сторону достаточно репатриантских голосов. Впрочем, эти попытки успеха "Третьему пути" не принесли, так как те, кто называют себя истинными представителями интересов "русской" общины, по-видимому, посчитали, что им не имеет смысла вносить конкурента на своих плечах в кнессет.

Рассмотрим теперь чисто репатриантские партии, которые, в отличие, скажем, от "Третьего пути" или "Ямин Исраэль", открыто декларируют свой "этнический" характер и представительство на израильской политической сцене исключительно интересов выходцев из бывшего СССР. Поначалу таких партий было три: АЛИЯ во главе с Э.Файнблумом и Э.Меламедом, "Единство в защиту алии" во главе с Э.Гуром и ИБА во главе с Н.Щаранским. Теперь, в результате слияния 7 апреля партий Э.Файнблума и Э.Гура в партию под названием "Единство и Алия", их осталось две. Лидером ЕА стал Э.Гур.

Э.Гур выходец из Грузии. Он репатрировался в Израиль в 1972 году. Э.Гур дважды набирался в кнессет от "Ликуда" и занимал посты замминистра транспорта и замминистра связи в правительствах, сформированных под руководством этой партии. В начале 1996 года он вышел из "Ликуда" и создал свой собственный предвыборный список, который, как уже говорилось, за полтора

месяца до выборов объединился с партией АЛИЯ. Программа возглавляемой Э.Гуром ЕА практически мало чем отличается от программы "Третьего пути", как впрочем, и от программы ИБА, разве что малозначительными деталями: те же обещания дешевого жилья, создания новых рабочих мест, повышения пенсий и дотаций новым репатриантам. Нюансы предвыборной программы Э.Гура заключаются, пожалуй, лишь в том, что он всячески подчеркивает свой парламентский опыт, заслуги в принятии законов об увеличении так называемой "корзины абсорбции", то есть безвозмездных государственных дотаций новым репатриантам, связи в высших эшелонах власти. Он заявляет: "Мой уход из "Ликуда" объясняется, во-первых, отнюдь не идеологическими амбициями. Наоборот, я многое теряю. То, что я сформировал самостоятельный список, – не тактический ход" [11]. Думается, здесь Э.Гур лукавит. Он, очевидно, понял, что достиг уже потолка карьеры в "Ликуде", где на большее, чем депутатский мандат, рассчитывать вряд ли сможет. Если же он пройдет в кнессет сам и проведет вместе с собой еще пару кандидатов, то при благоприятном политическом раскладе это может даже принести ему министерский портфель: в случае победы Б.Нетаньягу и в случае присоединения ЕА к правительственной коалиции во главе с "Ликудом". Следует отметить, что Э.Гур не скрывает своих проликудовских симпатий. "Мои сторонники на выборах будут голосовать за Биби (Нетаньягу – авт.), а сторонники моего товарища Файнблума – за Переса", – заявил он [12]. Определенный электорат у ЕА среди репатриантов, безусловно, имеется. Главным образом, это грузинские евреи, которых в Израиле насчитывается несколько десятков тысяч. Удастся Э.Гуру привлечь на свою сторону и часть горских и бухарских евреев. Не случайно для их представителей зарезервированы четвертое и пятое места в предвыборном списке ЕА. Проголосовать за Э.Гура могут также те из "русских" репатриантов, кто идеологически тяготеет к "Ликуду". Какую-то часть избирателей привел в ЕА и занявший третье место в ее списке Э.Файнблум. Однако, ни Э.Гур, ни Э.Файнблум, ни созданная ими партия не пользуются среди репатриантов из СНГ достаточным авторитетом. Весьма характерно также, что Э.Гур пытается опереться не на репатриантов–ашкенази, а в основном на представителей так называемых "восточных общин". Таким образом, можно говорить о том, что в среде репатриантов из СНГ происходит своего рода "этническое" размежевание. Ашкенази, составляющие подавляющее большинство, идут за ИБА во главе с Н.Щаранским, "восточные" евреи за Э.Гуром. По всем прогно-

зам и опросам общественного мнения ИБА среди репатриантов существенно опережает ЕА.

ИБА была официально зарегистрирована 13 марта 1996 года. Однозначно перевести с иврита ее название "Исразль ба-алия" вряд ли возможно, так как слово "алия" имеет несколько значений, в частности, "подъем, восхождение" и производное от него – "репатриация в Израиль". Поэтому смысл, вкладываемый в название, можно истолковать примерно так: "Израиль на подъеме – благодаря репатриации." А поскольку партия, как провозгласили ее основатели, создана исключительно для того, чтобы бороться в парламенте за интересы новых репатриантов из России и других республик бывшего СССР, то ее название следует толковать еще более расширительно: "Израиль на подъеме благодаря репатриации евреев из бывшего СССР".

Спустя четыре дня после регистрации, 17 марта, в Иерусалиме состоялся учредительный съезд ИБА, который избрал лидера партии и ее центральные органы, утвердил предвыборную платформу и выдвинул кандидатов в кнессет. На съезде присутствовало около 1500 делегатов. Следует отметить, что в отличие от большинства мелких партий, которые в Израиле во множестве образуются накануне очередных выборов, на съезде ИБА делегаты, по крайней мере, формально, представляли не только самих себя. Партия имеет низовые структуры в ряде городов, при ней незадолго до съезда были созданы молодежное и женское движения. Перед съездом партийное руководство объявило о том, что в ИБА уже записалось около 40 тыс. репатриантов. Как заявил создатель и лидер партии Н.Щаранский, "мы успели создать всю структуру, найти организации в США, которые оказали нам материальную поддержку, и лишь потом пришло время зарегистрировать себя партией" [13].

Лидером ИБА и, соответственно, кандидатом № 1 в ее предвыборном списке был безоговорочно и единогласно утвержден Н.Щаранский. Путь Н.Щаранского в Израиль, в отличие, кстати говоря, от пути большинства тех, чьи интересы он собирается представлять в кнессете, был непростым. В 1977 году его арестовали в СССР за правозащитную деятельность и приговорили к 13 годам лишения свободы по обвинению в шпионаже и государственной измене. Н.Щаранский провел в заключении девять лет, а потом был выслан из СССР в Израиль. Он, бесспорно, стал самым знаменитым из так называемых "узников Сиона".

В репатриантских кругах Н.Щаранский считается признанным лидером не только созданной им партии, но и вообще "русской" алии конца 80–х первой половины 90–х годов. Его верховенство признают даже руководители другой "русской" партии, ЕА, соперничающей с ИБА в борьбе за голоса новых репатриантов. Так, Э.Гур во всех интервью постоянно подчеркивает, что он "никогда не оспаривал первенство Щаранского" [14]. Э.Файнблум также по влиянию в "русской" общине на первое место ставит Н.Щаранского, на второе Э.Гура, на третье – себя. Вместе с тем, и тот и другой затаили на Н.Щаранского обиду, так как на их неоднократные предложения об объединении он неизменно отвечал отказом. Эта обида выплеснулась наружу 15 апреля, когда Э.Гур заявил на пресс–конференции в Тель–Авиве: "Я обвиняю Натана Щаранского в том, что он упустил историческую возможность (которая может больше не повториться) объединить политические силы алии и стать третьей по величине и значимости партией Израиля" [15].

Н.Щаранский, очевидно, считает, что ЕА не сможет стать для ИБА ни серьезным противником, ни серьезным союзником на выборах, то есть не сможет ни увести значительную часть "русского" электората, ни привлечь его в случае объединения. В то же время, Э.Гур, предлагая Н.Щаранскому объединиться, по–видимому, не испытывает, несмотря на амбициозные заявления, уверенности в том, что его ожидает успех. Итак, ИБА возглавляет человек, который, во–первых, считается непререкаемым лидером в собственной партии, во–вторых, непререкаемым лидером новых репатриантов, в–третьих, благодаря своему правозащитному прошлому, известен не только в русскоязычной среде, но и широкому кругу израильтян, в–четвертых, опять–таки благодаря своему прошлому, имеет связи и знакомства в израильском истеблишменте.

После утверждения кандидатуры Н.Щаранского, которое не сопровождалось никакими дискуссиями и было лишь процедурной формальностью, съезд набрал так называемый партийный Центр в составе 600 человек, а по сути выборщиков, которые, в свою очередь, должны были избрать кандидатов от ИБА в кнессет и расставить их по порядку в предвыборном партийном списке. Поскольку в Израиле существует пропорциональная избирательная система, при которой голосуют не за конкретных кандидатов, а за партийные списки, то вопрос о том, кто пройдет в парламент, в сущности, решается не на выборах, а на партийных съездах. По опросам общественного мнения, ИБА сможет получить от трех до шести депутатских мандатов. Первое место было заранее зарезервировано за

Н.Щаранским. Поэтому основная борьба между 22 претендентами развернулась за второе и третье места, которые практически гарантируют своим обладателям кресла в кнессете, а также за три последующих, которые в порядке убывания оставляют надежду стать депутатами.

В результате выборов вторым после Н.Щаранского человеком в ИБА стал М.Нудельман, депутат горсовета Кирьят–Шмона, небольшого городка на севере Израиля; третьим Ю.Эдельштейн из поселения Алон–Швут на контролируемых территориях, он занимает пост координатора партийного предвыборного штаба. Четвертое место в списке, которое также дает своему обладателю очень хорошие шансы быть избранным в кнессет, досталось Ю.Штерну из Иерусалима, в руководстве ИБА он отвечает за пропагандистскую работу. На пятом и шестом местах расположились, соответственно, М.Солодкина и профессор Еврейского университета в Иерусалиме Ц.Вайнберг.

Хотя многие полагали, что, поскольку ИБА является "партией одного человека" – Н.Щаранского, то отбор кандидатов пройдет целиком и полностью под его диктовку, этого не произошло. Так, все прочили второе место правой руке Н.Щаранского Ю.Эдельштейну, который не случайно был назначен координатором предвыборной кампании ИБА. Но его сумел обойти М.Нудельман, не относящийся к ближайшему окружению лидера партии. Еще один соратник Н.Щаранского, вместе с ним стоявший у истоков ИБА, – Р.Бронфман, вообще оказался на седьмом месте, что практически закрывает ему дорогу в кнессет. Как заявил в этой связи Н.Щаранский, "это, конечно, не соответствует его опыту, его роли в нашей партии. Но и демократия имеет свои недостатки" [16]. В качестве компенсации на состоявшемся 25 марта заседании правления ИБА Р.Бронфман по предложению Н.Щаранского был утвержден его заместителем. Он будет отвечать за подбор кадров в партийный аппарат и за подготовку к муниципальным выборам 1998 года.

Следует отметить, что в первую шестерку наиболее реальных кандидатов в кнессет от ИБА, партии, которая по идее должна представлять интересы недавних репатриантов, из них, собственно говоря, смог попасть только один. Это М.Нудельман, приехавший в Израиль из Львова в 1991 году. Все остальные репатрировались значительно раньше. При этом, М.Нудельман был избран, в общем, вопреки желанию Н.Щаранского и в руководстве ИБА является, в сущности, чужим человеком.

В отличие от выборов кандидатов в кнессет, утверждение предвыборной платформы стало, как и выборы лидера партии, процедурной формальностью, поскольку в ИБА по этому вопросу уже давно сложился практически полный консенсус. Н.Щаранский и его партия рассчитывают пройти в кнессет почти исключительно за счет голосов тех, кто приехал в Израиль из бывшего СССР в самом конце 80–х первой половине 90–х годов и оказался разочарованным в своих ожиданиях. Соответственно, и предвыборная платформа ИБА строится на положениях, которые практически совпадают как с положениями предвыборной платформы больших партий относительно репатриантов, так и с платформами "Третьего пути" и ЕА. ИБА обещает добиться повышения пенсий по старости и пособий малоимущим, создать дополнительные рабочие места, дабы обеспечить новых репатриантов работой по специальности, широко развернуть строительство дешевого жилья, привлечь в Израиль в ближайшие годы еще один миллион человек из СНГ и стран Балтии. Достичь всего этого предполагается за счет либерализации израильской экономики и за счет приватизации предприятий государственного сектора, который имеет в Израиле очень сильные позиции.

Чтобы избавиться от уже сложившегося в израильском обществе имиджа ИБА как партии, которую интересует исключительно улучшение материального положения новых репатриантов, ее руководство, разрабатывая предвыборную платформу, уделило достаточно много внимания мирному процессу – главному вопросу, вокруг которого ведется полемика между ведущими политическими партиями. ИБА однозначно выступает против создания в будущем независимого палестинского государства, против изменения статуса Иерусалима, а возможные территориальные уступки арабам увязывает с демократизацией арабских тоталитарных режимов. Жесткость в вопросах мирного урегулирования Н.Щаранский объясняет так: "Массовая алия невозможна, если не будет гарантирована личная безопасность граждан. Люди должны быть уверены, что их дети смогут спокойно ездить в автобусах" [17].

В целом, анализ предвыборной платформы ИБА свидетельствует, что как по социально–экономическим, так и по внешнеполитическим вопросам она ближе к программе "Ликуда", нежели к программе правящей МАИ. Это, в общем–то, понятно, так как ИБА и возникла на волне недовольства части новых репатриантов нынешним правительством, которое, по их мнению, не прилагает достаточных усилий для улучшения условий абсорбции. Как заметил

один из ближайших сподвижников Н.Щаранского Ю.Штерн, "в штаб-квартире нашей партии мы должны повесить портреты Оры Намир (министр труда – авт.) и Моше Шахалья (министр по вопросам внутренней безопасности – авт.). Ведь это Намир сказала, что мы алия стариков и нахлебников. Ведь это Шахаль постоянно твердит о "русской мафии" [18].

Вместе с тем, Н.Щаранский, несмотря на то, что предвыборная платформа его партии имеет ярко выраженный проликудовский крен, не спешит заранее блокироваться с "Ликудом", оставляя себе поле для маневра в том случае (кстати, весьма вероятном), если на прямых выборах премьер-министра победит лидер МАИ Ш.Перес. И не случайно на свой учредительный съезд ИБА пригласила как действующего премьера, так и его соперника Б.Нетаньягу. Человек из окружения Н.Щаранского заявил, что тот "будет выжидать до выборов главы правительства и лишь тогда, когда обстановка прояснится, вступит в переговоры с победителем, чтобы добиться максимума как для репатриантов, так и для депутатов от нашей партии" [19].

После съезда ИБА и выступлений на нем лидеров МАИ и "Ликуда" вывод политических комментаторов был однозначен: "Сегодня Щаранский стал министром". Позиции ИБА среди новых репатриантов еще более укрепились после того, как стали известны результаты выборов кандидатов в кнессет от двух ведущих израильских партии. Как уже говорилось выше, если в "Ликуде" представитель репатриантов занял 45-е место, что дает ему лишь призрачные шансы быть избранным в парламент, то в МАИ репатрианты оказались вообще на безнадежных местах. После такого предвыборного расклада многие из тех, кто не знал за кого голосовать: за крупную партию или же за ИБА, приняли решение отдать свои голоса Н.Щаранскому.

Вместе с тем, массовая поддержка, которой, вроде бы, пользуется ИБА среди недавних выходцев из СНГ, далеко не бесспорна, как это может на первый взгляд показаться. Н.Щаранский и его партия опираются на "униженных и оскорбленных", а также на тех, кто за их счет стремится сколотить политический капитал. По данным израильской статистики пенсионеры составляют среди новых репатриантов 20%, те, кто не решил жилищные проблемы 58%, те, кто не нашел работу по специальности порядка 60%. Но это совсем не означает, что, например, все 60% последних или, скажем, 58% не имеющих собственного жилья или даже все 20% пенсионеров поголовно будут голосовать за ИБА. Как представляется, голосо-

вать за партию будут, в основном, те, кто уже не питает надежд на улучшение своего материального положения, то есть значительная часть лиц пенсионного и предпенсионного возраста. Лица в возрасте 45 лет и выше составляют примерно 40% репатриантов. Но электорат ИБА среди них, очевидно, будет меньше этой цифры, поскольку какую-то часть голосов у Н.Щаранского отберут, во-первых, Э.Гур и его партия ЕА, во-вторых, "Третий путь", наконец, МАИ и "Ликуд". Часть пожилых людей, к тому же, вообще не явится на избирательные участки. Правда, эти потери частично могут быть компенсированы как за счет избирателей помоложе, определенная часть которых проголосует за ИБА, так и за счет части избирателей выходцев из СССР, которые прибыли в Израиль в 70-х – 80-х годах.

Наряду с проликудовским креном и четкой ориентацией на конкретную этносоциальную группу платформа ИБА содержит одно явное противоречие, на которое мало кто почему-то обращает внимание. С одной стороны, партия ратует за увеличение ассигнований на социальные нужды, с другой, для того, чтобы этого достичь, требует приватизации предприятий госсектора. В этой связи возникает вопрос: как и за счет чего государство сможет осуществить широкомасштабные социальные программы, если его экономические возможности окажутся, как того добивается ИБА, существенно урезанными?

На это противоречие, правда, в программе "Ликуда" указал обозреватель "Гаарец" Э.Райнер. Он подчеркивает, что, если взять на вооружение принцип свободной экономики, который отстаивает Б.Нетаньягу, то "все репатрианты, по-видимому, должны будут абсорбироваться в Израиле самостоятельно, по правилам этой самой "свободной экономики": они сами будут искать себе работу, на собственные кровные снимать или покупать квартиру, из собственных средств оплачивать обучение детей и медицинские услуги. Конечно, совсем не об этом хотел сказать Нетаньягу, обращаясь к репатриантам на съезде партии "Израэль ба-алия", но так уж у него получилось" [20]. Думается, эта характеристика вполне применима и к социально-экономической части платформы ИБА.

Надо сказать, что отношение к партии Н.Щаранского, как и к партии Э.Гура, со стороны новых репатриантов далеко не однозначно, не говоря уже об отношении старожилов и коренных израильтян. Многие считают, что после того, как был либерализован выезд евреев из бывшего СССР, Н.Щаранский, попав в Израиль, попросту оказался не у дел и теперь стремится прорваться в боль-

шую политику, используя благоприятно складывающуюся конъюнктуру. Так, бывший председатель Объединения репатриантов из СССР Р.Голан отозвался о лидере ИБА так: "Для нас Шаранский не есть священная корова. Может быть он и популярен среди американцев, но отнюдь не среди новых репатриантов. Он, в сущности, делец, который собирает деньги и делает за счет репатриантов политическую карьеру" [21].

Известный израильский психолог и сам в прошлом репатриант А.Козулин также считает, что для лидеров ИБА главное власть, а не защита интересов новых репатриантов. В интервью газете "Вести" он говорит: "Избирателю стоит задуматься, не попытаться ли стреножить эту партию с самого начала, чтобы сделать ее партией, действующей по содержанию. Можно попытаться, например, заключить с ней некий контракт: условно говоря, если в новом правительстве Щаранскому дают пост министра абсорбции, а потом из-за некоторых политических перестановок у него появляется возможность занять более соблазнительный пост, он с самого начала должен пообещать избирателю не делать этого, несмотря на то, что с точки зрения политика это безумие" [22].

Многие репатрианты, к тому же, считают, что они не имеют права предъявлять к стране, принявшей их, чрезмерные требования, как это делают партии Н.Щаранского и Э.Гура и их сторонники. Читательская почта израильских русскоязычных газет убедительно свидетельствует о том, что число тех, кто пишет в редакции письма с жалобами на жизнь и с претензиями по поводу абсорбции, примерно равно числу тех, кто считает эти жалобы и претензии необоснованными. Ясно, что первые, скорее всего, составят на выборах электорат ИБА и отчасти ЕА, а вторые электорат крупных израильских партий. В этой связи показательно письмо в газету "Вести" нового репатрианта Е.Михайловского. Он пишет: "Партия "Израэль ба-алия", как всякая партия, не имеющая особых причин для существования, но, тем не менее, пытающаяся свое существование оправдать, вынуждена использовать многие мифы, распространенные в среде репатриантов, а также предлагать ошибочные решения реальных проблем" [23]. Автор письма выделяет два таких мифа о дискриминации репатриантов их СНГ и о бездействии правительства в области абсорбции. И то, и другое, по мнению Е.Михайловского, неверно.

Если за ИБА большинство израильских политических обозревателей с известными оговорками еще признают право на существование, то партию Э.Гура ивритоязычная пресса просто не

замечает, а русскоязычная относится к ее шансам весьма скептически. Так, Д.Конторер считает, что ЕА вообще должна отказаться от участия в выборах: "Такого же вежливого жеста уместно ожидать от Эфраима Гура и его партии "За единство в защиту алии". Можно создать эффект присутствия на страницах русскоязычной прессы и в бывшем иерусалимском кафе Культурного центра, но одних только организационных усилий недостаточно, чтобы превратить компанию аутсайдеров в реальную политическую силу. Гур завершил свою парламентскую карьеру, и у него должно быть довольно чести, чтобы уйти, не навредив интересам репатриантов и правого лагеря" [24].

Что касается коренных израильтян, то они тем более воспринимают претензии части вновь прибывших, как чрезмерные и необоснованные, поскольку сами не имеют даже тех льгот, которыми эти вновь прибывшие недовольны. И если политики, в особенности представители МАИ и "Ликуда", склонны говорить о претензиях репатриантов и представляющих их интересы партий предельно взвешено, поскольку на выборах им нужен каждый голос, а после выборов скорее всего придется вести с ИБА переговоры о коалиционном правительстве, то журналисты, не говоря уже о рядовых израильтянах, значительно более категоричны и менее сдержаны.

Г.Салет пишет в "Гаарец": "Недавно к болоту, куда следует отнести "Третий путь" и прожженных политических эквилибристов из религиозных партий, добавилась еще одна партия, которую я назвал бы кулаком, олицетворяющим русскую силу. Таким образом, единственным местом на земле, где бывшая советская империя еще способна нанести свой последний удар, оказался Израиль" [25]. А его коллега А.Данкнер приводит слова рядового обывателя, которые, в общем, отражают отношение значительной части израильтян к репатриантам из СНГ: "Русские евреи вообще—то, и не евреи вовсе, а потомки хазар. Я делаю вырезки из газет о русской мафии и русских проститутках, о том, что среди них много гоев (не-евреев – авт.), что все они шпионы. И зачем только мы их сюда пустили? Зачем?!" [26].

Если со стороны коренных израильтян преобладающим чувством по отношению к новым репатриантам являются настороженность и даже страх, то со стороны тех из репатриантов, кто поддерживает "русские" партии, по отношению к израильтянам, по мнению журналистов из ивритоязычных газет, преобладают презрение и высокомерие. Как пишет А.Данкнер, лидеры ИБА "не обращают никакого внимания на то, как воспринимает их израильское

общество, в принципе не приемлющее партий, созданных на этнической основе.

"Ну и что, – сказал мне кто–то из них, когда израильтяне проснутся после выборов и увидят в кнессете шесть или семь наших депутатов, они хоть что–то начнут понимать" [27]. В принципе, можно говорить о том, что между израильским обществом, с одной стороны, и частью новых репатриантов, еще не успевших абсорбироваться, с другой, установилась стена взаимного непонимания и отчуждения.

Но, хотя, с одной стороны, многих израильтян и коробят чрезмерные, по их мнению, претензии новых репатриантов и ответственность их лидеров, с другой стороны, при той пропорциональной избирательной системе, какая принята в Израиле, обе ведущие политические партии, не набирая на выборах абсолютного большинства голосов и оказываясь при формировании правительства в заложниках у мелких партий, не могут не идти к ним на поклон. И если раньше роль своего рода гири, склонявшей равновесие между МАИ и "Ликудом" в ту или иную сторону, играли, главным образом еврейские религиозные партии, то теперь к ним добавились еще и партии, ориентированные на репатриантов из СНГ, в первую очередь и главным образом, – ИБА.

В борьбе за кресло премьера, по данным опросов, незначительное преимущество среди репатриантов имеет Б.Нетаньягу. Впрочем, мнения по этому вопросу у разных экспертов расходятся. А.Данкнер считает, что "треть русских голосов получит Перес, две трети Биби. Но это при раскладе, наиболее благоприятном для Переса. Может случиться и так, что он получит лишь четверть, а Биби – три четверти" [28]. В то же время Д.Шехтер, редактор русскоязычного журнала "Алеф", дает в интервью газете "Маарив" другой прогноз, оценивая шансы обоих кандидатов, как примерно равные. Более того, он считает, что Ш.Перес даже может при определенных условиях обойти своего соперника. Так, Д.Шехтер пишет: "Если Перес преуспеет в борьбе против терроризма, он сможет не только отобрать голоса у "Ликуда", но и сумеет перетянуть на свою сторону часть репатриантов. А если Перес, к тому же, догадается пообещать репатриантам улучшить условия абсорбции, он сможет убедить их поддержать на выборах МАИ, а не репатриантскую партию, которая озабочена только одним вопросом" [29].

В принципе, Ш.Перес и возглавляемое им правительство смогли в марте–апреле доказать избирателям, что они способны проводить очень жесткую линию по отношению к арабским терро-

ристическим организациям, таким как палестинский ХАМАС и ливанская "Хизбалла". Созыв в Шарм аш-Шейхе международной конференции по борьбе с терроризмом можно также занести в актив Ш.Пересу, причем, в первую очередь, даже в области не внешней, а внутренней политики. В результате в апреле маятник опросов общественного мнения вновь качнулся в сторону Ш.Переса, который теперь, хотя и незначительно, всего примерно на 5%, но опережает Б.Нетаньягу.

Зарезервировав за новым репатриантом 25-е место в предвыборном списке МАИ, Ш.Перес, по-видимому, сможет перетянуть на свою сторону часть тех, кто поначалу собирался голосовать за Б.Нетаньягу. К тому же он успел уже в избытке надавать обещаний улучшить процесс абсорбции. Но все же, как представляется, недавние выходцы из стран СНГ пока по вопросу о кандидатуре премьер-министра, идут, в общем, против течения, так как на выборах Ш.Переса из них поддержат, по-видимому, около 40%, а Б.Нетаньягу – 60%. Впрочем, то, как на выборах премьера проголосуют сторонники ИБА, а это примерно 40% от числа "русских" избирателей, представляет собой задачу со многими неизвестными.

Расчеты показывают, что одно место в кнессете "стоит" примерно 7,5% голосов новых репатриантов. Если партию Н.Щаранского, по данным большинства опросов, поддерживает около 40% недавних выходцев из СНГ, это значит, что она будет иметь в будущем кнессете 5 депутатов. 7–8% голосов вполне по силам набрать ЕА, которая, таким образом, сумеет получить, скорее всего, одно место, и ее лидер, Э.Гур, следовательно, проходит в парламент. Примерно на 3–4% "русских" голосов сможет рассчитывать "третий путь" и на 2–3% – "Моледет". Что касается таких партий, как НРП и "Ямин-Израэль", то они вряд ли смогут рассчитывать на поддержку более, чем 1 % избирателей каждая. Шансы же леворадикального блока МЕРЕЦ кажутся среди "русской" общины совершенно безнадежными. Если с определенными допусками суммировать голоса, которые, по прогнозам, "русские" репатрианты должны отдать небольшим партиям, то получится, что в сумме это примерно 56%.

Ни долю крупных партий остается, таким образом, 44% голосов. Большинство израильских экспертов полагает, что распределиться между МАИ и "Ликудом" они должны примерно поровну. Думается, что это не совсем так, поскольку ИБА будет забирать голоса, главным образом, не у МАИ, а у "Ликуда", поскольку строит свою программу на критике правительства, с одной стороны, и по-

сколькx ее программа значительно ближе к ликудовской, с другой. По-видимому, небольшое преимущество над Ликудом" у МАИ в силу этого среди новых репатриантов, все же, будет. По нашему прогнозу, за "Ликуд" проголосуют 19–20% выходцев из СНГ, за МАИ – 24–25%.

Таблица предполагаемого распределения голосов новых репатриантов между израильскими политическими партиями, следовательно, будет выглядеть так:

ИБА	40%
МАИ	24–25%
"Ликуд"	19–20%
ЕА	7–8%
"Третий путь"	3–4%
"Моледет"	2–3%
НРП	1%
"Ямин–Израэль"	1%
	100 %

При этом, электорат ЕА, "Третьего пути", "Моледет", НРП и "Ямин– Израэль" на выборах премьер–министра практически поголовно отдает голоса за Б.Нетаньягу, а электорат ИБА – на 60% за Б.Нетаньягу, на 40% – за Ш.Переса. Иными словами, из 40% репатриантов, поддерживающих ИБА, 25% будут за лидера "Ликуда, 15% за лидера МАИ.

Представителей "русской" общины в кнессете будет, скорее всего семь или максимум девять (но это при самом невероятном стечении обстоятельств). Это С.Ландвер, выигравшая дополнительные выборы в МАИ, Н.Щаранский, М.Нудельман, Ю.Эдельштейн, Ю.Штерн. М.Солодкина (пятеро, идущие первыми в списке ИБА) и Э.Гур (первое место в списке ЕА). Теоретически к ним могут еще добавиться еще Ц.Вайнберг (шестое место в ИБА) и Ю.Кошаровский (45–е место в "Ликуде"). Последний может пройти в кнессет лишь в случае непредвиденного и кардинального изменения ситуации не только в Израиле, но и на всем Ближнем Востоке. В то же время, вариант своеобразной рокировки между Э.Гуром и Ц.Вайнбергом, при котором часть предполагаемых избирателей ЕА проголосует за ИБА, в общем, не исключен. Но может случиться

и так, что борьба между ИБА и ЕА закрывает дорогу в кнессет и тому и другому. Им каждому для получения депутатского мандата может не хватить буквально по несколько сотен голосов. Рокировка, впрочем, менее вероятна.

Как уже говорилось, практически при любых раскладах ИБА сумеет войти в правительственную коалицию, будь то с МАИ, либо с "Ликудом", а Н.Щаранскому обеспечен пост министра абсорбции. На большее ни он, ни его партия претендовать не смогут, хотя в стане ИБА стали раздаваться голоса о том, что один министерский портфель их уже не устроит. В соответствии с новым законом число министерских постов теперь ограничено. Всего их должно быть не более 18, включая пост премьера. В принципе, и Ш.Перес, и Б.Нетаньягу уже сломали себе голову над тем, как распределить основные портфели между членами собственных списков. Ш.Перес, к тому же, держит в уме своих нынешних партнеров по коалиции из МЕРЕЦ. За поддержку, оказываемую правительству в нынешнем кнессете и на предстоящих выборах все настойчивее требуют компенсации и те партии, которые выражают интересы арабского меньшинства: Демократический фронт за мир и равноправие (ДФМР) и Арабская демократическая партия (АДП). Со своей стороны, и Б.Нетаньягу уже связан обязательствами, которые он дал вошедшим в единый предвыборный блок с "Ликудом" партиям "Цомет" (во главе с Р.Эйтаном) и "Гешер" (во главе с Д.Леви). К тому же, впереди ИБА в очереди за министерскими портфелями стоят религиозные партии НРП, ШАС и "Знамя Торы". Они, как всегда, готовы, если их позовут, примкнуть к любой коалиции. Поэтому максимум, на что, помимо поста министра абсорбции, может рассчитывать ИБА, это, в лучшем случае, должность замминистра в одном из периферийных министерств вроде министерства строительства или туризма (что, в общем, соответствует профилю партии).

Хотя партии Н.Щаранского на предстоящих выборах все предрекают успех, дальнейшее ее будущее, а тем более, будущее партии Э.Гура, представляется весьма туманным. Как показывает опыт прошлого, рано или поздно практически все репатрианты в Израиле обустроиваются. Через четыре года, к очередным выборам, благополучно устроятся и полностью или частично интегрируются в израильское общество и те, кто чувствует себя сейчас в нем аутсайдерами. То есть подавляющее большинство электората репатриантских партий. Что касается более отдаленной перспективы, то она для "русских" партий еще менее обнадеживающая. Репат-

трианты–пенсионеры, как это ни прискорбно через десяток лет вымрут, а дети репатриантов ассимилируются и, соответственно, не считая себя репатриантами, вряд ли будут поддерживать "русские" этнические партии.

Существование ИБА на израильской политической авансцене может быть пролонгировано только при наличии хотя бы одного из двух условий. Во–первых, в том случае, если "русская" община сохранит свою культурно–языковую самобытность, не подвергнется полной ассимиляции и превратится, в сущности, в этническое меньшинство. Справедливости ради надо сказать, что определенные предпосылки к этому имеются. В Израиле уже есть места более–менее компактного расселения выходцев из СНГ, чего раньше не было. Новые репатрианты читают издающиеся в Израиле русские книги и газеты, слушают русское радио, посещают русские театры, магазины и рестораны. Ими создано уже несколько десятков общественных и культурных организаций, наконец, две "русские" партии. В результате в Израиле сейчас заговорили о наличии в стране "русского культурного гетто". Правда, такой вариант развития событий маловероятен, так как отсутствует главный элемент, который мог бы законсервировать существование русскоязычной общины. В Израиле нет русской системы образования и, по–видимому, никогда не будет. Государство на создание русских школ ни при каких условиях не пойдет, а у самих репатриантов не найдется на это средств. Да и большинство вряд ли захочет, чтобы их дети, как в свое время они сами, были аутсайдерами в израильском обществе.

Второе условие, при котором русские партии смогли бы выжить, – это прибытие в Израиль очередных массовых волн репатриантов из СНГ. Данное условие более реально, чем первое, хотя, надо сказать, что еврейские людские ресурсы в бывшем СССР тоже не беспредельны. По–видимому, Н.Щаранский и его соратники очень хорошо понимают, что без такой подпитки извне им на политической арене не удержаться. Поэтому в предвыборной платформе ИБА не случайно ставится задача по привлечению из СНГ в Израиль еще миллиона новых репатриантов. Но в любом случае база "русских" партий в Израиле уже в обозримом будущем станет неизбежно сужаться, так как привлечь в страну новых репатриантов в количествах, необходимых для возмещения потерь электората, им вряд ли удастся. Впрочем, может быть, лидеры ИБА и ЕА на это особенно и не рассчитывают, а надеются, используя предоставившийся шанс, на волне недовольства части "русской" общины усло–

виями абсорбции прорваться в кнессет, войти в состав израильского правящего истеблишмента, постепенно врасти в него и любыми способами закрепиться, возможно и ценой перехода в традиционные израильские партии. И в заключение хотелось бы также рассмотреть проблему "русских" партий в Израиле под углом зрения российской политики. В Израиле сейчас живет несколько сот тысяч выходцев из бывшего СССР, которых, несмотря на то, что они приехали из разных республик, зовут "русскими". Будучи в подавляющем большинстве "русскоязычными", они сами себя считают в Израиле "русскими". Выходцы из стран СНГ насквозь пропитаны русской культурной традицией. И хотя многие в качестве побудительной причины для отъезда называли антисемитизм или угрозу его возможного усиления в России, они тем не менее, оказавшись в Израиле, питают к той стране, где родились, в целом благожелательные чувства. Поэтому в потенциале "русская" община в Израиле – это мощное пророссийское лобби. И этот фактор России необходимо учитывать и использовать в своих отношениях с Израилем, чтобы не повторилась ситуация, которая имела место в 60–х – 70–х годах. Тогда в Израиле также значительная часть населения, в том числе, представители правящей элиты, имели российские корни и создавали пророссийские и просоветские настроения. Но СССР, переориентировавшись в 50–е – 60–е годы в своей ближневосточной политике на арабские страны, занял по отношению к Израилю враждебную позицию и оттолкнул от себя всех этих людей.

Следует подчеркнуть, что ИБА, со своей стороны, готова играть роль связующего звена между Израилем и Россией. Как сказал в интервью газете "Гаарец" Ю.Штерн, в Израиле просто не представляют, как воспользоваться репатриацией и возникновением на развалинах бывшего СССР дружественных государств. В нашем распоряжении было шесть лет, чтобы создать в России произраильское лобби, определить наши экономические приоритеты, наладить культурные и научные связи. Но мы ничего для этого не сделали. В Израиле не осознают того, что мирный процесс может стать очень хрупким, если Россия займет негативную (по отношению к Израилю – авт.) позицию. Наша внешняя политика страдает отсутствием интереса к России и отсутствием готовности искать пути к взаимопониманию с ней. Это может обойтись нам очень дорого. В исправлении положения и должна сыграть свою роль наша партия" [30].

Руководитель аналитического штаба ИБА и кандидат № 5 в предвыборном списке партии М.Солодкина считает, что поскольку в охлаждении отношений с Россией виноват, в первую очередь, Израиль, то на нем и лежит обязанность принять меры, которые были бы направлены на потепление этих отношений. А ИБА, со своей стороны в "концепции национальной безопасности предусмотрела изменение приоритетов в отношении России и всего постсоветского пространства" [31] и берется претворить их в жизнь, содействуя будущему израильскому правительству. По мнению М.Солодкиной, в основу российско–израильских отношений должны лечь взвешенный и обдуманный подход, апелляция к историческим связям между народами России и СНГ и евреями Израиля, уважение к мировой роли России " [32].

Как представляется, России также следовало бы, с максимальной эффективностью используя возможности, открывающиеся в связи с выходом на политическую арену "русских" партий, попытаться расширить пределы своего влияния в Израиле. И начинать делать это нужно именно сейчас, когда ИБА в силу благоприятного для нее стечения обстоятельств, становится весомым фактором в израильской политике. В дальнейшем партия, как уже говорилось выше, может начать утрачивать свои позиции, и момент для России будет упущен.

Работа "Репатрианты из стран СНГ: новый фактор в израильской политической жизни" была написана в конце апреля 1996 г., примерно за месяц до выборов в Израиле. На выборах, которые состоялись 29 мая, победу в борьбе за кресло премьер-министра с мизерным преимуществом одержал Б.Нетаньягу, а партия ИБА провела семь депутатов в кнессет. Следует отметить, что израильские политологи допустили серьезные ошибки в своих прогнозах. Ведь практически все они без исключения, во-первых, предсказывали победу Ш.Пересу, во-вторых, отводили партии Н.Щаранского не более четырех мест в парламенте.

ИБА же одержала, если можно так выразиться, "сокрушительную" победу, которой от нее не ожидал никто, даже собственное партийное руководство. Так, Н.Щаранский буквально накануне выборов говорил: "Четыре мандата можно будет считать успехом, пять – победой, ну а шесть – полным триумфом" [33].

Пределом мечтаний для него, таким образом, было пять-шесть депутатских мест. Давая прогноз относительно шансов ИБА, автор придерживался такой же оценки. Впрочем, наш прогноз, хотя и заниженный, оказался, тем не менее, ближе к истине, чем у израильских исследователей общественного мнения и аналитиков различных политических партий.

Очевидно, израильские политологи, как независимые, так и работавшие на те или иные партии, ошиблись потому, что довольно слабо ориентируются в положении дел на "русской улице". Теперь и они, и партийные лидеры, несомненно, станут уделять "русскому" электорату значительно больше внимания. Как оказалось, он того стоит.

Вместе с Н.Щаранским в кнессет от ИБА прошли (по порядку занимаемых мест в партийном списке): М.Нудельман, Ю.Эдельштейн, Ю. Штерн, М.Солодкина, П.Вайнберг и Р.Бронфман. Всего же за партию проголосовало от 45 до 50% ее потенциального электората – новых репатриантов из стран СНГ.

Если для партии Н.Щаранского выборы увенчались крупнейшим успехом, то для другой репатриантской партии – БА во главе с Э.Гуром – крупнейшим провалом. Эта партия не смогла, как, кстати, и предсказывали, преодолеть так называемого "заградительного барьера", то есть набрать 1,7% голосов, необходимых для того, чтобы провести в кнессет двух депутатов. БА, таким образом, оказалась за бортом кнессета. Обычно мелкие партии, создаваемые незадолго до выборов, не пройдя с первого захода в парламент, навсегда исчезают с политической сцены. Скорее всего, такая же

участь ожидает и ЕА. По–видимому, значительную часть потенциальных избирателей ЕА в последний момент перетянула на свою сторону ИБА.

Успех партии "Третий путь", которая добилась для себя четырех депутатских мандатов, хотя и в прогнозах ей отводилось два, в лучшем случае три места в кнессете, также стал возможен во многом благодаря поддержке, оказанной новыми репатриантами. Именно они обеспечили "Третьему пути" одно, а скорее всего два дополнительных кресла в парламенте. Следует отметить, что партия правильно спланировала свою предвыборную тактику, сделала очень сильный акцент на работе среди "русских" избирателей. Примерно 10% недавних выходцев из СНГ в результате отдали свои голоса партии А.Кахалани. "Третий путь на выборах перетягивал "русский" электорат у "Ликуда", а также (в меньшей степени) у МАИ.

Процент голосовавших за крупные партии – МАИ и "Ликуд" – оказался среди новых репатриантов несколько меньше прогнозирувавшегося. За МАИ проголосовало около 2% "русских" избирателей, за "Ликуд" – около 15%. Остальные партии получили не более 1–1,5% "русских" голосов. Таблица распределения голосов выходцев из СНГ между различными политическими партиями, следовательно, будет выглядеть примерно так:

ИБА	47%
МАИ	20%
"Ликуд"	15%
"Третий путь"	10%
ЕА	5%
"Моледет", НРП, "Ямин–Израэль"	3%
	100%

Парадокс голосования "русских" избирателей заключается в том, что, если на парламентских выборах "Ликуд" поддержало только 15%, то на выборах премьера большинство и довольно значительное, наоборот, поддержало ликудовского лидера Б.Нетаньягу. Ему отдали свои голоса 65–70% новых репатриантов, тогда как Ш.Пересу – только 30–35%. Возможно, именно выходцы из стран СНГ и склонили чашу весов в пользу кандидата "национального" лагеря, обеспечив ему те самые 0,7% преимущества, которые ему удалось добиться над теперь уже бывшим премьером.

Анализ итогов голосования "русской общины оставляет, и это надо подчеркнуть, двоякое впечатление. С одной стороны, на вы-

борах премьера новые репатрианты голосуют в большинстве за правого лидера, с другой, на парламентских выборах – в большинстве отдают предпочтение тем партиям, которые, во-первых, считаются "центристскими", во-вторых, – являются новыми (ИБА и "Третий путь", созданные незадолго до выборов).

Это означает, что новоиспеченных израильтян не устраивают ни стоящая чуть левее Центра МАИ, ни стоящий чуть правее Центра "Ликуд", ни тем более прочие "старые" политические партии, находящиеся еще дальше от Центра.

При том партийном раскладе, который сложился в кнессете после выборов, реальный вес фракции ИБА оказывается неизмеримо больше ее семи депутатских мандатов. Дело в том, что без ее поддержки Б.Нетаньягу оказывается не в состоянии вообще сформировать сколько-нибудь устойчивое правительство. Голосов ведомого им разношерстного "национального" лагеря для этого просто не хватает. Если бы ИБА не вошла в правительственную коалицию, то единственной возможной альтернативой для Б.Нетаньягу стало бы создание правительства "национального единства" с привлечением МАИ. Поэтому он вынужден был, чтобы заручиться поддержкой ИБА, выделить партии не один, как предполагалось, а целых два министерских портфеля. Н.Щаранскому Б.Нетаньягу предложил пост министра торговли и промышленности, Ю.Эдельштейну – пост министра абсорбции. Таким образом, впервые в истории Израиля представители партии "русских" репатриантов стали не только депутатами кнессета, но и министрами.

Выборы 1996 года убедительно продемонстрировали, что "русская" община и партия, отражающая ее интересы, стали весьма весомым фактором в израильской политической жизни, фактором, с которым по крайней мере в ближайшие четыре года (срок полномочий вновь избранного кнессета) придется считаться всем. Вместе с тем, автор продолжает, несмотря на грандиозный успех ИБА, придерживаться той точки зрения, что постепенно партия будет утрачивать свой электорат и, соответственно, политическое влияние.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вести, 09.03.96
2. Гаарец, 20.03.96
3. Гаарец, 20.03.96.
4. См.:Statistical Abstract of Israel, 1995 – Jerusalem, 1996. Pp. 184–187.
5. Едиот Ахронот, 21.03.96.
6. Вести, 8.04.96.
7. Едиот Ахронот, 24 шаот, 2.04.96.
8. Вести, 3.04.96.
9. Вести, 21.03.96.
10. Вести, 3.04.96.
11. Вести, 14.03.96.
12. Вести, 4.04.96.
13. Вести, 14.03.96.
14. Вести, 14.03.96.
15. Вести, 16.04.96.
16. Вести, 21.03.96.
17. Гаарец, 18.03.96.
18. Гаарец, 21.03.96.
19. Гаарец, 18.03.96.
20. Гаарец, 27.03.96.
21. Едиот Ахронот, 7 ямин, 8.03.96.
22. Вести, 7.03.96.
23. Вести, 19.03.96.
24. Вести, 3.04.96.
25. Гаарец, 20.03.96.
26. Гаарец, 18.03.96.
27. Гаарец, 18.03.96.
28. Гаарец, 18.03.96.
29. Маарив, 13.03.96.
30. Гаарец, 21.03.96.
31. Вести, 18.04.96.
32. Вести, 18.04.96
33. Гаарец, 30.06.96.

КОНФЛИКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА

Окончание "холодной войны" объективно привело к возрастанию относительной самостоятельности региональных подсистем международных отношений (МО).

В свою очередь, это обусловило усиление неконтролируемого развития как собственно региональных подсистем МО в целом, так и отдельных частей последних.

Однако, наиболее парадоксальным результатом обоих из вышеупомянутых процессов является возрастающий конфликтный потенциал регионов, особенно в том, что касается зоны так называемого третьего мира. Не является исключением в этом отношении и регион Ближнего и Среднего Востока.

Период глобальной конфронтации с ее так называемым нулевым вариантом ("zero sum game") обеспечивал если не полный и абсолютный, то, по крайней мере, достаточно жесткий, а главное, – эффективный контроль за развитием ситуации в ближневосточном регионе.

Возможности идеологического, военно–политического и прочего присутствия в регионе каждой из двух "сверхдержав" биполярного мира, равно как и их влияния и воздействия на развитие ситуации обуславливались не только совпадением интересов государств региона, в том числе и в рамках ближневосточного конфликта. Не менее, если не более существенным "фактором" такого присутствия являлась военная и экономическая помощь, предоставляемая каждым из "патронов" своему политическому "клиенту", что позволяло обеспечивать, до известного предела, военно–политическую и социально–экономическую стабильность существующих правящих режимов. Одновременно, наличие столь мощного "союзника" позволяло, в целом, иметь мощную защиту от внешней угрозы.

Таким образом, наличие "рычагов" управления у каждой из "сверхдержав" контролируемой ею зоны региона, при одновременной возможности достижения договоренности на глобальном уровне о предельно допустимом уровне эскалации того или иного

конфликта между их "клиентами", в совокупности позволяло осуществлять достаточно эффективный контроль за происходящими здесь процессами, в том числе и состоянием конфликтного потенциала.

Кардинальные геополитические изменения глобального характера, вызванные распадом бывшей "мировой соцсистемы" и развалом СССР, привели к фактической "беспризорности" ранее контролируемой бывшим Советским Союзом зоны ближневосточного региона. При всем своем желании и несмотря на многочисленные утверждения Соединенным Штатам пока не удалось и вряд ли удастся установить полный PaxAmericana в этом регионе.

Причины этого заключены не только в недостатке сил и средств у собственно самих Соединенных Штатов, не говоря уже о просматривающихся грядущих проблемах их экономического развития, особенно на фоне возрастающей конкурентоспособности интегрирующейся Западной Европы, Японии, а также пробивающих себе "место под солнцем" новых индустриальных стран. Не менее существенно и то, что в новых геополитических условиях само понятие "сверхдержавы" постепенно сходит на нет. Ибо в значительной степени данный термин является атрибутом конфронтационного биполярного мира. Кроме того, "сверхдержавность" США опиралась на достаточную монолитность "Запада" в его противостоянии с "Востоком". Поэтому в условиях формирования идущего на смену биполярному многополярного мира данное понятие все больше будет подвергаться размыванию и коррозии.

Вместе с тем не следует сбрасывать со счетов и накопленный потенциал развития государств так называемого третьего мира, в части своей все более старающихся проводить политику опоры на собственные силы, или по крайней мере гораздо более широкой диверсии капни источников получения помощи. Наряду с этим нельзя исключать и того, что набирающие силу в ряде стран Востока тенденции отторжения так называемой западной либеральной модели развития с присущей ей системой культурно-цивилизационных ценностей предвещают определенный прообраз иных, во многом принципиально отличных моделей развития.

Наконец, растущее число проблем, все более приобретающих характер глобальных вызовов, делает невозможным их разрешение одним единственным государством, пусть да же столь мощным как Соединенные Штаты Америки.

Применительно к региону Ближнего Востока и с учетом его стратегической важности (географической, экономической и т.д.)

для различных субъектов формирующегося многополярного мира, будь то США, Западная Европа, Япония, Китай или, наконец, "новая" Россия можно с большой долей вероятности прогнозировать дальнейшее столкновение интересов последних.

Вместе с тем, такое развитие ситуации в регионе с точки зрения воздействия внешних факторов и ее вписывания в систему координат мирового развития как раз не исключает, а, напротив, предполагает уже в ближайшем будущем возрастание конфликтного потенциала. При этом наиболее парадоксальным результатом возможного сценария развития ситуации в регионе является то, что мирный процесс, ставший возможным в условиях прекращения глобального противостояния и нацеленный на урегулирование одного из самых длительных и острых конфликтов послевоенного мира, может непосредственно или косвенно стимулировать проявление и эскалацию новых конфликтов на Ближнем Востоке.

Парадокс ситуации заключен в том, что региональный характер арабо–израильского конфликта наряду с его сопряженностью с глобальной конфронтацией между "Востоком" и "Западом" длительное время как бы снимали остроту и проявление имеющихся источников конфликтности в регионе по другим направлениям. Поэтому по мере возрастания результативности мирного процесса нельзя исключать того, что высвобождающаяся "отрицательная энергия" конфликтности может проявить себя на других направлениях. Сказанное, безусловно, не означает, что в данном случае присутствует однолинейная и автоматически прямая связь и зависимость. Тем не менее нельзя не признать, что урегулирование ближневосточного конфликта наряду с прочими "равными" объективно создает условия для проявления и даже усиления потенциала конфликтности в регионе.

Условно эти источники можно свести к следующему. Прежде всего позитивный результат мирного процесса может обернуться обострением проблем социально–экономического развития в как непосредственно, так и косвенно вовлеченных в конфликт с Израилем арабских странах. Наиболее существенным образом это затрагивает такие государства как Сирия и, отчасти, Ливан. Хотя в более широком плане может косвенно повлиять и на гораздо большее число стран арабского мира.

Длительность существования острых проблем социально–экономического характера, неразрешенность которых в той же Сирии "списывалась" на необходимость огромных затрат на противостояние с Израилем, в условиях мира может серьезно дестабили-

зирать социально–политическую ситуацию в стране, поставив под вопрос и саму способность правящего здесь режима к дальнейшему сохранению власти. При этом, как представляется, ни возможное возвращение Сирии района Голанских высот в рамках израильско–сирийского мирного соглашения по формуле "мир в обмен на территории", ни предполагаемые также гарантии помощи могут оказаться недостаточными для выхода из того социально–экономического кризиса, в который может погрузиться экономика этой страны в условиях пост–мирного существования.

Несмотря на многочисленные утверждения, в том числе и ливанских политических деятелей, о необходимости мира в качестве главного условия преодоления внутриливанского кризиса, данный тезис выглядит, по меньшей мере, спорным. Анализ социально–экономической ситуации в Ливане накануне гражданской войны свидетельствует о нарастающем здесь внутреннем конфликтном потенциале, не связанным напрямую с проблемой ближневосточного конфликта. Более того, ливанская экономика, пережившая гражданскую войну, равно как и израильскую агрессию 1982г., представляет собой сплошной узел проблем и противоречий, на разрешение которых, по самым скромным подсчетам, требуется около 60 млрд.долл.

Наконец, решение социально–экономических проблем Ливана в не меньшей, если не большей степени будет зависеть от взаимоотношения интересов различных социальных групп населения, в значительной мере действующих в рамках существующих здесь религиозных общин (маронитов, мусульман – суннитов и шиитов, а также других конфессий).

Оставляя за скобками Ирак (с учетом его особой ситуации), в более широком плане результаты мирного урегулирования могут в той или иной мере сказаться и на социально–экономическом развитии Египта и Иордании. Хотя в последнем случае в меньшей степени. Ибо не исключаемая потеря Иорданией потенциала Западного берега р. Иордан может быть компенсирована превращением последней в центр транзитной торговли между Израилем и арабскими странами, особенно в том, что касается планов Омана и Катара по строительству магистральных трубопроводов для перевалки нефти и газа к Средиземноморскому побережью Израиля.

Однако осуществление такого рода экономических проектов в этой части ближневосточного региона неизбежно ударит по интересам Египта. Поскольку, сразу же приведет к ощутимым потерям последнего от транспортировки нефти по Суэцкому каналу. Соб-

ственно говоря, серьезные противоречия на этой почве между Египтом и Иорданией, а также Египтом и другими арабскими странами (Персидского залива) проявились уже более года назад, в том числе и в преддверии и в ходе так называемого экономического саммита в октябре 1995г. в Аммане (Иордания).

В этой связи отдельные отклики государственных и политических деятелей Египта на результаты выборов 29 мая 1996г. в Израиле наряду с выражением опасения содержат и определенное удовлетворение. Ибо помимо возрастания политических роли и значения последнего как в глазах арабов, так и Запада, в частности, США, эти результаты, видимо, существенно скажутся на осуществлении неблагоприятных для Египта экономических проектов.

Безотносительно результатов мирного процесса заметное нарастание проблем социально-экономического развития, хотя и другого свойства и уровня, отмечается и в ряде нефтедобывающих стран Персидского залива. Отчасти это связано с падением в последние годы мировых цен на энергоресурсы, а также значительными, если не сказать огромными, расходами, которые понесли эти страны в результате кризиса в персидском заливе в 1990–1991гг.

Даже в Саудовской Аравии, считавшейся наиболее благополучной и непосредственно не подвергшейся нападению со стороны Ирака, все последние годы отмечался значительный дефицит государственного бюджета наряду с уменьшением ликвидных резервов, упавших в 1995–1996гг. до рекордно низких размеров в 5–10 млрд.долл. (из общей суммы иностранных вложений в 45 млрд.долл.). В конечном счете это заставило правительство Саудовской Аравии на беспрецедентное за последние двадцать лет введение режима жесткой экономии, сокращение ряда инвестиционных программ, равно как и программ дотирования и субсидирования целого ряда товаров и услуг.

Несомненного в первую очередь это связано с падением доходов от экспорта нефти. По данным Международного валютного фонда, доходы Саудовской Аравии от экспорта энергоресурсов упали со 116 млрд.долл. в 1981г. до 37 и 33 млрд.долл. соответственно в 1994 и в 1995гг.

Вместе с тем было бы, видимо, ошибкой сводить все проблемы социально-экономической сферы в этой стране, равно как и в других государствах Персидского залива исключительно к этой причине. Ибо уже теперь становится заметным нарастающее и неизбежное столкновение интересов различных элитных групп также связанных с ними социально активных слоев населения,

явившихся, что вполне закономерно, объективным результатом социально-экономического развития.

Наряду с раздираемой внутри- и межклановой борьбой, мотивированной, как правило, чисто узкокорыстными интересами, как, например, внутри королевской семьи Саудитов в Саудовской Аравии, разросшейся до неимоверных размеров, нарастает комплекс объективных противоречий, обусловленный неадекватностью и несоответствием существующих здесь традиционных моделей власти и управления экономикой с потребностями социально-экономического развития. Примером этого является растущая сила и роль частного сектора в той же Саудовской Аравии, все более требующего допуска если не к рычагам политической, то по крайней мере экономической власти, а также проведения определенных социально-экономических реформ.

В той мере, в какой значительным является вес в этих странах квалифицированных кадров и специалистов из других арабских стран, нельзя исключать, что последние так или иначе будут вовлечены в разрешение этих проблем. Тем более, что играя ключевую с профессиональной точки зрения роль в функционировании экономик этих стран, они продолжают оставаться за бортом социальных и других программ, что рано или поздно неминуемо приведет к обострению социальной напряженности.

Особняком в этом ряду стоит Йемен. Оставаясь одной из самых бедных стран региона, к тому же отягощенной колоссальным внешним долгом, по разным оценкам, достигающим от 8 до 10 млрд.долл.,* Йемен производит впечатление затихшего на время вулкана.

Победа Севера над Югом в ходе гражданской войны 1994г. не принесла решения социально-экономических проблем, особенно в том, что касается собственно Южного Йемена. По данным одного из докладов Мирового банка, по состоянию на конец 80-начало 90-х годов Южный Йемен квалифицировался как страна с низким доходом. ВВП на душу населения составлял здесь 432 долл. по сравнению с 640 долл. в тот же период в Северном Йемене. Ни последующее объединение двух Йеменов (май 1990г.), ни тем более гражданская война не принесли ожидаемого многими южанами "чуда". Напротив, многие наблюдатели отмечают если не значительное ухудшение для большинства южан социально-

* По имеющимся оценкам, только внешний долг Йемена России достигал в 1995г. 7 млрд.долл.

экономической ситуации, то по меньшей мере ее стагнацию. Немаловажным при этом является то, что за годы после объединения существенные потери понесли бывшие элитные группы Южного Йемена, будучи потесненные северянами. Гражданская война 1994г. окончательно лишила эти группы политического веса в стране.

В этой связи можно предположить, что дальнейшее нарастание социально-экономических проблем в Йемене в целом и особенно в его южной части не исключает в недалеком будущем возможности нового взрыва как проявление временно затихшего конфликта между Севером и Югом если не с целью отделения последнего от первого, то по крайней мере за восстановление доступа к политической власти.

Другим источником конфликтности в регионе, способным проявить себя как самостоятельно, так и скорее всего вкуче, а точнее в качестве внешнего оформления, с конфликтным потенциалом в социально-экономической сфере, является наличие в большинстве государств региона этнорелигиозных противоречий.

Значимость и действенность последних обуславливается их "включенностью" в существующие здесь системы политических и социально-экономических отношений. Последние, как правило, сохранили свой традиционный характер и построены на основе общинно-иерархического принципа. А это означает, что жестко структурированные изнутри и сохраняющие свою жизнеспособность традиционные общины столь же жестко вписаны в систему политической и экономической власти.

Примером этого является не только Сирия с правящей здесь алавитской общиной во главе с Х.Асадом, составляющей национальное меньшинство (около 10% населения страны), но и другие страны региона. В Ираке, например, не говоря уже о курдской проблеме, традиционно шиитское население управляется союзом суннитов (20–25% населения) и христиан (около 10%). В Иордании, где численно преобладают палестинцы, власть короля Хусейна, выходца из рода Хашемитов (Хиджаз) строится на опоре на иорданские бедуинские племена и выходцев с Кавказа, получивших условно объединяющее их название – "черкесы".

Но, пожалуй, наиболее ярким примером общинно-кланово-религиозных противоречий продолжает оставаться Ливан. В этой связи звучавшие многие годы утверждения о существовании здесь одним из самых демократичных систем политической власти на Ближнем Востоке (не считая Израиля) представляются, мягко гово-

ря, некорректными. На самом деле политическая система Ливана и до гражданской войны и теперь представляла и представляет собой ту же традиционную жестко иерархически структурированную схему власти, к тому же в отличие от других стран Арабского Востока – закрепленную в конституции. При этом, однако, следует иметь в виду, что длительность относительно спокойного функционирования данной системы базировалась не только на межобщинно–клановом согласии с существующим статус–кво, а также экономическом месте и ролью каждой из этих общин, но и внутриобщинном согласии по вопросам представительства собственно общины на общеливанском уровне.

Достаточно бурное, но весьма однобокое социально–экономическое развитие Ливана в 60–е и 70–е годы, помноженное на изменение численного равновесия религиозных общин, в том числе в пользу мусульманской (суннитской и шиитской), объективно и неизбежно должны были привести к новому межобщинному конфликту. Поэтому "палестинский фактор" сыграл здесь хотя и важную, но все же скорее всего не основную роль, став лишь своего рода катализатором нарастающего здесь внутреннего конфликтного потенциала.

Более того, последующий ход развития событий и особенно гражданская война в значительной мере разрушила и изменила не только систему и механизмы выработки межобщинного, но что самое главное – систему и механизмы достижения внутриобщинного согласия по вопросу представительства каждой из этих общин в отношениях с другими религиозными общинами.

Поэтому возможное мирное урегулирование между Ливаном и Израилем, как представляется, вряд ли автоматически приведет к разрешению внутриливанского кризиса. Изменившееся межобщинное и внутриобщинное соотношение сил наряду с приобретенной за годы гражданской войны традицией насилия, на которой выросло уже новое поколение, обуславливает сохранение мощного внутреннего конфликтного потенциала, и, как следствие, непростой и длительный характер урегулирования.

При этом роль "сирийского фактора" в урегулировании внутриливанского кризиса не просматривается однозначно. Опыт гражданской войны, равно как и последующего развития событий вплоть до сегодняшнего дня показывают, что Сирия может оказывать как стабилизирующее, так и дестабилизирующее воздействие на ход и развитие ситуации в этой стране.

Причина этого заключена прежде всего в заинтересованности Сирии в сохранении здесь своего присутствия, что ни для кого не составляет тайны. Вместе с тем, другой причиной этого является то, что неустойчивое внутреннее межобщинное равновесие в каждый данный момент базируется на поддержке или, напротив, нейтрализации Сирией тех или иных общин или даже отдельных их составляющих групп. При этом, как уже отмечалось, если Сирии такая роль импонирует в силу ее заинтересованности в сохранении своего присутствия, то сама возможность для нее играть роль своего "внешнего арбитра" базируется на заинтересованности многочисленных участников внутриливанского конфликта в использовании Сирии в качестве "союзника" с целью либо сохранения, либо изменения своего места в пестрой палитре действующих на внутривнутриполитической арене Ливана сил.

Поэтому разрешение внутриливанского кризиса содержит в себе огромное количество "если". Учитывая интерес Сирии к обеспечению своего присутствия в этой стране, вряд ли можно рассчитывать на то, что именно сирийская сторона будет подталкивать в ближайшем будущем к окончательной стабилизации ситуации. Таким образом, сведение к минимуму вышеуказанных "если" возможно лишь при условии, что прежде всего участники внутриливанского конфликта урегулируют существующие между ними противоречия, равно как и достигнут минимального консенсуса в отношении "сирийского фактора".

Однако перспективы такого сценария представляются, во всяком случае, в ближайшем будущем, менее вероятными, нежели дальнейшая стагнация ситуации. А следовательно, Ливан будет по-прежнему в ближнесрочной перспективе представлять собой источник и предмет конфликтности в регионе.

Вместе с тем и тот, и другой из классифицированных источников возможных конфликтов в регионе могут и отчасти уже вливаются в набирающую силу тенденцию роста движений исламского фундаментализма, в основе чего лежит процесс политизации ислама.

Различные существующие оценки этой тенденции как на Западе, так и в России, варьирующиеся от крайне отрицательных до умеренно-оптимистических, в значительной своей части лишь описывают данное явление, но не объясняют его. Это, как представляется, не только смазывает общую картину происходящего, но главное – не дает возможности прогнозировать ситуацию. При этом к тому же "за кадром" остается вопрос (и соответственно ответ на

него), чем объяснить тот факт, что движение исламского фундаментализма набирает силу не только в странах, столкнувшихся или сталкивающихся с комплексом неразрешимых социально-экономических проблем, как например, Алжир, отчасти Египет и Йемен и т.д., но и страны весьма благополучные – Саудовская Аравия, Бахрейн.

Не претендуя на полноту и окончательность ответа о причинах усиления движений исламского фундаментализма, выскажем свои соображения и понимание истоков данной проблемы.

Во-первых, зарождение и оформление исламского фундаментализма как движения политического характера происходило на рубеже 70–80-х годов. При этом, как правило, о чем свидетельствуют опыт Ирана, а затем Алжира, преимущественно в странах, столкнувшихся с нарастающим комплексом проблем социально-экономического развития. Таким образом, само движение носило в значительной степени характер протеста низов, облеченного в религиозную оболочку. К слову, практически все движения такого рода, действующие и в других странах, в том числе и зоны Персидского залива, в той или иной мере, содержат такой элемент социально-экономического протеста.

При этом прогноз демографического и экономического развития стран региона крайне малоутешителен. Так, согласно данным Мирового банка, арабские государства и Иран в следующие 15 лет должны будут создать почти 50 млн. рабочих мест с тем, чтобы трудоустроить достигающее трудоспособного возраста молодое поколение. Состояние экономического развития как Ирана, так и большинства арабских стран (в частности, таких, как Алжир, Египет, Йемен и т.д.) дает крайне мало надежд на это. По данным того же Мирового банка, в 60-е годы средний доход на душу населения в семи наиболее благополучных арабских странах несколько превышал аналогичный показатель для так называемой семерки восточноазиатских "тигров". По состоянию на начало 90-х годов, этот показатель для арабских стран составлял всего лишь 3 342 долл., в то время как для вышеупомянутых стран Юго-восточной Азии он достиг уровня 8 900 долл., а в Израиле – 13 000 долл. Демографический прогноз Мирового банка для региона Ближнего Востока исходит из того, что население последнего достигнет 448 млн.чел. к 2000г. и 1,7 млрд.чел. к 2100г.

Во-вторых, тому, что собственно этот протест облекался и облекается в форму политического ислама способствовало и способствует то, что в условиях авторитарных (будь то однопартий-

ные, условно светские, или королевские, освященные исламом,) режимов ислам оставался и остается единственным легальным каналом любого вида и типа недовольства, что, кстати, имеет под собой глубокую историческую традицию. И это не говоря уже о том, что ислам был и остается наиболее понятной и приемлемой широкими массами населения этих стран идеологической концепцией.

Более того, политизация ислама обусловлена еще и тем, что неспособность большинства правящих режимов, освященных светскими идеологическими концепциями различного рода национализмов и "национальных социализмов", включая так называемую концепцию социалистической ориентации, окончательно дискредитировали себя, породив разочарование и неверие широких масс в истинность и справедливость первых. Коллапс "мировой соцсистемы" и развал СССР поставил в затруднительное положение и склонную к "левым" взглядам интеллигенцию этих стран и особенно традиционно радикально настроенное студенчество, подтолкнув последних к исламу, в котором в отличие от всех других концепций. в том числе и концепции "демократического либерализма", они увидели возможность реализовать (в большей или меньшей степени) свои условно "левые" взгляды.

Таким образом, суммируя все вышесказанное, видимо, следует исходить из того, что формирование и выход на авансцену политической борьбы за власть новой политической силы – движения исламского фундаментализма отражает потребность нового этапа развития арабских стран.

Наступление этого нового этапа определяется, с нашей точки зрения, с одной стороны, нарастанием комплекса социально–политических проблем, требующих своего неординарного разрешения, а с другой стороны, завершения в целом решения задачи создания экономической базы этих стран и вызревание потребностей более эффективного функционирования такой базы.

Несомненно, конкретное выражение этих потребностей, равно как и степень остроты социально–экономических проблем существенно различается от страны к стране. Однако, по всей видимости, есть нечто общее, что их объединяет. А именно – исчерпание возможностей для дальнейшего развития этатистской модели, независимо от того, светскими ли (национализм, "социализм") или традиционными (королевский, освященный исламом) концепциями эта модель обоснована.

Потребностью нового этапа развития становится необходимость пересмотра прежних места и роли государства в социально–

экономическом развитии этих стран и нахождение нового, более эффективного сочетания усилий государства, с одной стороны, и частного сектора, частной инициативы, индивида, наконец, с другой стороны, в дальнейшем их поступательном движении вперед. А следовательно, и существенная трансформация существующей здесь этатистской модели развития.

Логично, что кризис и дискредитация существующих политико-идеологических концепций развития наряду с неприемлемостью западных либерально-демократических концепций, основанных на совершенно иных культурно-цивилизационных ценностях, делает объективно закономерным обращение к собственным культурно-цивилизационным ценностям и наследию, в которых одну из основных, если не самую главную, в силу особенностей арабомусульманской культуры и традиции, составляющих представляет собой ислам.

Исходя из этого, можно с большой долей вероятности предполагать, что тенденция политизации ислама и превращение основанных на нем социально-политических движений объективно будет усиливаться уже в ближайшем будущем.

Такое предположение основано к тому же еще и на том, что ислам в новых условиях наибольшей степени способен озарить обеспечить реализацию потребностей нового этапа развития государств данного региона. Более того, в той мере, в какой ислам сможет обеспечить относительную "либерализацию" экономики, в той же мере нельзя исключать и того, что исламизация политической системы может и скорее всего будет представлять собой своеобразную форму демократизации первой. Ибо политическая концепция исламского фундаментализма в отличие от многих других существующих в арабском мире концепций как бы нивелирует общинно-клановые различия, как правило, не только сохраняющиеся но и продолжающие доминировать в рамках этатистской модели развития.

Вместе с тем можно предположить, что поскольку тенденция усиления движения исламского фундаментализма неизбежно будет сопряжена с борьбой за политическую власть, нельзя исключить нарастания источников внутренних конфликтов в странах Ближнего Востока. Более того, как показывает опыт Алжира, чем сильнее сопротивление правящих режимов допуску к легальной политической деятельности этих движений, тем сильнее в них проявления политического экстремизма и радикализма.

В этой связи нельзя также исключить и того, что приход к власти исламистов может на первых этапах сопровождаться наличием элементов экстремизма и радикализма как во внутренней, так и внешней политике, особенно по отношению к Западу.

Однако при этом следует иметь в виду, что, во-первых, присутствие антизападной пропагандистской риторики вряд ли сможет отменить потребность в сохранении и развитии экономических связей с тем же Западом, а, во-вторых, приход к власти исламистов впервые за всю историю исламской цивилизации неизбежно и наконец-то сталкивает ислам с конкретной действительностью, заставляя последний предлагать практические ответы на столь же практические вопросы и на этой основе самореформироваться.

Совокупность обозначенных выше источников условно называемого "внутреннего" конфликтного потенциала не только не исключает, но и подразумевает возможность внешнего его проявления.

Побудительным мотивом перерастания внутреннего конфликта во внешний может стать стремление того или иного правящего режима компенсировать нарастание направленного против него протеста поиском внешнего врага. Тем более, что поводов для начала таких конфликтов предостаточно. Только беглый перечень имеющихся между странами региона спорных пограничных проблем переваливает за десяток.

При этом степень вероятности перерастания внутреннего конфликта во внешний тем выше, чем острее социально-экономический и политический кризис, переживаемый страной, и соответственно социально-политический протест против правящего здесь режима, а также (что немаловажно) чем мощнее накопленный страной военный потенциал, могущий быть задействованным.

С этой точки зрения потенциально опасными зонами "внешней" конфликтности представляются Йемен – Саудовская Аравия, Сирия – Иордания (Турция), Судан – Египет. Маловероятным, хотя и входящими в эту зону потенциальной конфликтности, является ряд стран Персидского залива, между которыми не исключены вооруженные конфликты по пограничным спорам.

Что касается Ирака, то особенности его внутреннего и внешнего положения дают основания предположить, что в ближайшем будущем, будучи озабоченным разрешением своих внутренних конфликтов (с курдами – на севере и с шиитами – на юге), правящий режим Саддама Хусейна скорее будет искать внешних "союз-

ников" и партнеров в регионе, чем противников и предмет конфликтности. Это позволяет фактически на определенное время классифицировать Ирак как зону умеренной конфликтности. Однако такая классификация Ирака будет оставаться "рабочей" на период восстановления силы правящего режима в стране, а также его военного потенциала, что, безусловно, займет годы.

Очевидно, что потенциальным источником конфликтности в регионе становится борьба за ресурсы, а также их перераспределение. При этом следует признать, что в послевоенный период арабский мир длительное время не сталкивался с конфликтами такого рода, во всяком случае в чистом их проявлении. Споры по вопросу распределения водных ресурсов Нила между Египтом и Суданом, а также Евфрата между Турцией, Сирией и Ираком пока не доходили до состояния ярковыраженных конфликтных ситуаций. Поэтому классическим примером такого рода конфликтов можно считать лишь нападение на Кувейт Ирака. Хотя последнее обострение отношений между Сирией и Турцией помимо ряда политических противоречий, вызванных заключенным Турцией соглашением с Израилем, также напрямую связано с распределением водных ресурсов Евфрата, особенно если иметь в виду предполагаемое строительство Турцией каскада гидроэлектростанций, что, несомненно, уменьшит получаемые Сирией объемы воды.

Вместе с тем предметом борьбы за ресурсы уже в ближайшем будущем могут стать не только нефть и источники пресной воды, но и по мере складывания и формирования регионального общего рынка коммуникации по перевалке энергоресурсов и экспортных и импортных товаров.

Помимо уже упомянутых египетско–суданской, турецко–сирийско–иракской конфликтных ситуаций в борьбе за ресурсы или их распределение узлами конфликтов такого рода могут стать нефтеносные пограничные районы Йемена со странами Персидского залива, а также Иордания как планируемый Центр транзитной торговли из зоны Персидского залива к Средиземноморскому побережью Израиля (Сирия, Египет, Ирак).

Борьба за ресурсы одновременно и во многом скорее всего будет сопряжена с борьбой за лидерство в регионе.

Вместе с тем следует отметить, что на современном этапе вряд ли можно определить ярковыраженного регионального лидера, если иметь в виду регион Ближнего и Среднего Востока в целом. А следовательно, характер этой борьбы будет носить в краткосрочной перспективе ограниченный характер.

Последнее объясняется тем, что расширение традиционно определяемых границ региона Ближнего и Среднего Востока на север за счет бывших республик СССР в Закавказье и Средней Азии будут стимулировать Турцию и Иран к "освоению" этих "северных" пространств. В пользу этого свидетельствуют как сохраняющиеся общие подозрения арабов в отношении бывшей Великой Порты и шиитского Ирана, так и готовность новых мусульманских государств (НМГ) к сотрудничеству с этими двумя государствами.

Традиционная борьба за лидерство в арабском мире между Египтом и Сирией на нынешнем этапе также вряд ли будет носить обостренный характер.

Во-первых, каждое из этих двух государств в силу ряда причин больше нуждается в поддержке друг друга, чем в противостоянии, хотя каждое в своих интересах.

Во-вторых, каждая из этих стран сегодня больше озабочена решением своих внутренних проблем, равно как и проблем в их "ближнем зарубежье": Сирия – в Ливане, Иордании и Турции, Египет – в Судане, Ливии, Палестине и отчасти Иордании.

В-третьих, Египет и Сирия переживают не самый лучший этап в своем социально-экономическом развитии и, следовательно, пока не располагают достаточными ресурсами для обеспечения своих претензий на лидерство.

В-четвертых, их претензии на лидерство должны учитывать изменившееся соотношение сил в арабском мире, в частности, вес и значимость, по крайней мере, с точки зрения финансовых ресурсов, стран Персидского залива, особенно Саудовской Аравии.

Наконец, в-пятых, их борьбе за лидерство в арабском мире не очень благоприятствует глобальное соотношение сил, находящееся в процессе трансформации.

Тем не менее, несмотря на вышесказанное, нельзя исключать того, что в складывающемся союзе между Египтом и Сирией, зафиксированном на трехсторонней встрече (Египет Сирия, Саудовская Аравия) в Дамаске 6–7 июня 1996 г., уже в скором времени могут проявиться противоречия в подходах и оценках различных общеарабских проблем.

Другой тенденцией, которая способна проявить себя в более отдаленной, чем среднесрочная, перспективе, является то, что можно назвать "антизападным" потенциалом. В данном случае это можно соотнести с тем, что американский профессор Хантингтон квалифицирует как "межцивилизационные разломы". Вместе с тем,

в отличие от Хантингтона, а также другого американского автора Фрэнсиса Фукуямы речь не идет об эскалации этих "разломов" до уровня вооруженной конфронтации и тем более на глобальном уровне. Скорее всего это коснется уровня и масштабов заимствования опыта и ценностей западной цивилизации, особенно в том, что касается выбора моделей дальнейшего социально-экономического и социально-политического развития, а также возможного пересмотра принципов внешних (политических и экономических) связей со странами Запада, равно как форм и собственно военного присутствия последних в регионе, особенно США.

Такое предположение основано прежде всего на прогнозе дальнейшего усиления тенденции политизации ислама и соответственно его места и роли в будущем развитии как отдельных стран, так и региона в целом.

Кроме того, не следует забывать и о том, что одним из результатов операции "Буря в пустыне" (январь 1991 г.) в восприятии арабов, причем даже тех государств, которые вошли в состав антииракской коалиции, было поражение и унижение арабской нации, нанесение Западом всем арабам в лице Ирака. Представляется, что рано или поздно это должно "отыграть" в обратную сторону.

Более того, как это ни парадоксально, в этом же направлении может "сработать" результативность мирного процесса, распространенного затем на сферу регионального экономического сотрудничества. Ибо, как это может быть не прозвучит странно для теперешнего восприятия читателем, культурно-цивилизационно Израиль стоит скорее ближе к арабам, чем к Западу.

Данная работа выполнена по программе проектов Института изучения Израиля и Ближнего Востока и носит поисково-исследовательский характер. Последнее означает, что высказанные выше оценки, в том числе прогностического характера, в значительной мере представляют собой лишь самые предварительные результаты исследования данной проблематики. Это позволяет рассматривать последние как приглашение к предмету обсуждения и дискуссии. При этом автор сознательно и намеренно оставил за рамками данного исследования собственно ближневосточный конфликт с тем, чтобы выделить другие пока менее заметные и различимые "линии конфликтной напряженности" в данном регионе.

Приложение 1

Состояние внутреннего конфликтного потенциала
в странах Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки

СТРАНЫ	ИСТОЧНИКИ ВНУТРЕННЕГО КОНФЛИКТНОГО ПОТЕНЦИАЛА		
	СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ	ЭТНО-РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ	ИСЛАМСКИЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ
АЛЖИР	0,9	0,8	0,9
БАХРЕЙН	0,0	0,5	0,5
ЕГИПЕТ	0,7	0,3	0,7
ИОРДАНИЯ	0,4	0,6	0,5
ИРАК	0,8	1,0	0,2
ИРАН	0,6	0,6	1,0
ЙЕМЕН	0,8	0,3	0,6
КАТАР	0,0	0,0	0,1
КУВЕЙТ	0,0	0,1	0,1
ЛИВАН	0,9	1,0	0,7
ЛИВИЯ	0,3	0,4	0,3
МАРОККО	0,3	0,1	0,3
ОАЭ	0,0	0,0	0,1
ОМАН	0,1	0,1	0,1
САУДОВСКАЯ АРАВИЯ	0,2	0,3	0,2
СИРИЯ	0,5	0,5	0,2
СУДАН	0,8	1,0	1,0
ТУНИС	0,4	0,1	0,3
ТУРЦИЯ	0,4	0,6	0,6

ПРИМЕЧАНИЕ: от 0 до 1 – степень вероятности проявления конфликтного потенциала в среднесрочном перспективе (в период от 2 до 3 лет)

РЕЛИГИЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ

До недавнего времени господство коммунистической догмы в нашей стране препятствовало любым попыткам разобраться с ролью различных религий в мире сегодня. Все религии по своей сути представлялись пережитками прошлого, "копаться" в различиях между которыми считалось, по большому счету, делом не только пустым, но и идеологически вредным. Естественно, такие установки не способствовали развитию практического религиоведения, исключительно важного с точки зрения и внутренней, и внешней политики нашего государства.

Уход в прошлое коммунистического диктата во всех сферах гуманитарного знания позволяет непредвзято приступить к анализу разных религий в современном мире без боязни (во всяком случае прежней) быть обвиненным в религиозности или отсутствии "интернационалистского" (то есть одинакового) подхода к каждой из них. Особого внимания сегодня, безусловно, заслуживает ислам, в отличие от других религий тесно связанный с понятиями "терроризм" и "экстремизм".

Мировые и национальные

Христианство, ислам и буддизм – мировые религии, общее число приверженцев которых составляет половину населения Земли. Другая половина – неверующие и сторонники национальных религий. Мировой характер одних и национальный других определяется не численностью верующих. Как известно, например, индуистов в мире гораздо больше, чем буддистов. Дело в том, что христианство, ислам и буддизм в отличие от других религий изначально не имели жесткой "привязки" к конкретным этническим группам и государствам. Не случайно все основатели мировых религий имели в свое время весьма непростые отношения со "своими" этническими группами и государственными образованиями. Христос, отторгнутый иудеями, окончил земную жизнь на кресте. Проповедь Мухаммеда сначала встретила столь негативное отношение соро-

дичей, что пророк был вынужден покинуть Мекку. Будда порвав с беззаботной жизнью царского сына и своей кастой, стал странствующим монахом. Позже, даже санкционируя и государственную власть и ту или иную этническую структуру и распространяясь среди многих народов, мировые религии сохранили по отношению к ним определенную дистанцию.

Соединение государственных тенденций с тенденциями оппозиционными, гибкое взаимодействие с различными этническими группами, – все это веками позволяло мировым религиям. соединяя общество и государство в единое целое, в то же время обеспечивать их автономию друг от друга.

В отличие от мировых, национальные религии всегда имели очень жесткую этническую и государственную привязку. Веками принадлежность к такой религии подразумевала и обязательную принадлежность к определенным этническим группам и государствам. Остатки подобных представлений кое-где сохранились и до сих пор. Так в Израиле любой человек исповедующий иудаизм считается евреем. В прошлом, не обладая гибкостью мировых религий, национальные религии нередко гибли вместе с исчезновением своих государств. Не случайно для укрепления собственных позиций некоторые из них вступили в своеобразный союз с мировыми религиями. Так, в Китае и Японии местные национальные религии соединились с буддизмом, а в Судане с христианством и исламом. Правда, в отличие от христианства, и особенно ислама, союз с буддизмом не подчиняет, а скорее сохраняет национальную религию. Главная причина большей терпимости буддизма – политеизм, в отличие от пусть ослабленного признанием троичности Бога, но единобожия христианства и жесткого единобожия ислама.

Особая вера

Вызванный распадом СССР кризис марксизма, до сих пор наиболее четкой и влиятельной атеистической альтернативы развития, еще раз подчеркнул значимость религиозного, и прежде всего исламского фактора в современном мире. Несмотря на крушение коммунизма в Советском Союзе и Восточной Европе, эволюцию коммунистических режимов в направлении к современному обществу на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии, процесс укрепления позиций христианства и буддизма в мире по своим масштабам и последствиям несравним с экспансией ислама. Мусульманская религия не только активно возрождается в бывших советских Центральной Азии, Закавказье, Татарстане и на Балка-

нах, но также вновь становится важным фактором западно-европейской истории.

Растущее число арабов во Франции, турок в Германии, пакистанцев в Англии актуализирует проблему взаимоотношений между мусульманскими общинами Западной Европы и коренным населением. Именно сложность этих взаимоотношений – одна из объективных причин "нового расизма", главный объект которого именно мусульмане. Корень в том, что, проживая в Западной Европе, нередко уже на протяжении не одного поколения, они часто образуют весьма замкнутые группы, склонные жить не только по местным, сколько по своим законам и правилам. Подобная замкнутость санкционируется исламом, гораздо менее открытым для окружающего мира, чем христианство или буддизм.

Слова "христианство" и "буддизм" образованы от имен Христа и Будды, а название "ислам" означает "покорность Богу". Основополагающая идея и христианства, и буддизма – возможность воплощения Бога в человека и человека в Бога. Именно такими личностями, вобравшими в себя оба начала, предстают Христос и Будда. Ислам же, напротив, утверждает жесткую границу между Богом и человеком, невозможность воплощения их в одном лице. Правда, время от времени в мусульманской религии появлялись течения, утверждавшие такую возможность. Но явная слабость, периферийность, редкость этих течений свидетельствуют об их явной несвойственности исламу в целом. В отличие от Христа и Будды, Мухаммед отнюдь не богочеловек, а простой смертный, избранный Богом в качестве пророка.

Основы мировоззрения мусульманской религии в весьма концентрированном виде выражены в словах: "Нет Бога кроме Бога, а Мухаммед пророк его". Как известно, произнесение этих слов с искренней верой достаточно, чтобы стать мусульманином. Исламский символ веры подчеркивает три важнейших момента: единую сущность Бога, возможность даже лучшего из людей служить лишь передатчиком слова божия, но не воплощением самого Бога, значение фигуры Мухаммеда как пророка, превосходящего всех пророков, и предыдущих, и последующих.

Эти три тезиса, образующих весьма жесткий треугольник, рождены естественными особенностями того региона, где ислам сложился как мировая религия. Место возникновения той или иной религии нередко не совпадает с районом ее укоренения. Для появившегося в Палестине христианства таким районом стала Европа, для родившегося в Индии буддизма – Юго-Восточная Азия, для

начавшего формироваться в Аравии ислама – Ближний и Средний Восток. Веками "исламская комета" не раз отбрасывала "пласты" за пределы Ближнего и Среднего Востока – в Северную Африку, Поволжье, Юго–Восточную Азию, на Балканы. Но нигде, за исключением, пожалуй, лишь Северной Африки, ислам не получил экологической базы, адекватной условиям Ближнего и Среднего Востока. Не случайно ни один из этих "хвостов" (даже такой крупный, как Индонезия, в которой проживает больше мусульман, чем в любой стране мира) не стал центром исламской теологии, влияющим на все районы распространения ислама. Ядром, головой "исламской кометы" всегда оставался и остается до сих пор Ближний и Средний Восток.

Простирающаяся от Нила до Инда полоса пустынь и полупустынь веками создавала здесь такое сочетание кочевого скотоводства с оседлым земледелием, которого не было нигде в мире. Одновременно географическое положение превращало регион в своеобразный коридор. по которому гораздо чаще и в гораздо больших масштабах, чем где бы то ни было, переселялись целые народы, шли войска завоевателей. Все это порождало здесь такую зависимость человека от внешних обстоятельств, которой не существовало ни в Европе, ни в Юго–Восточной Азии. Именно это и привело к формированию представления о человеке как игрушке в руках божественной воли. Не случайно именно к Ближнему и Среднему Востоку относится легенда о Вавилонской башне, символизирующей всю тщетность попыток человека достичь неба. Правда, земледельческая культура, древнейшие очаги которой также находятся в регионе, порождала и представление о возможности если не достичь неба, то, по крайней мере, к нему приблизиться.

Противоборство этих двух представлений накладываясь на социальные, этнические, межстрановые противоречия, послужило одной из основных причин раскола ислама на разные направления, обусловило различия их внутренних структур. После смерти Мухаммеда мусульмане разделились на суннитов и шиитов. Первые считали, что после смерти пророка никто из людей не может исполнять роль посредника в отношениях с Богом. Божественную волю можно выявить, изучая Коран, предания о жизни пророка, суждением по аналогии и учитывая мнение мусульманской общины. Шииты же, напротив, утверждали: после смерти Мухаммеда посредником между Богом и людьми стал Али (двоюродный брат пророка, женатый на его единственной дочери). После убийства Али эта роль перешла сначала к его потомкам, а потом к духовен-

ству, самые видные представители которого у шиитов носят титул "аятоллы" ("знамение Бога"). Подчеркивая выдающуюся роль Али и его преемников в отношениях с Богом, они к традиционной формуле: "Нет Бога кроме Бога, а Мухаммед – пророк его" добавляют: " а Али – друг Бога".

Сначала борьба между суннитами и шиитами шла с переменным успехом, но в конце концов шииты потерпели поражение и многие века почти во всех мусульманских странах находились на положении дискриминируемого меньшинства. Единственной крупной страной, где им удалось прочно утвердиться, стал Иран. Это неудивительно – иранцы, в отличие от арабов и тюрков (двух других крупнейших этносов Ближнего и Среднего Востока), древнейшие земледельцы региона. Что же касается арабов и тюрков, то у них несравненно большую роль играли традиции кочевников. Именно поэтому у них и укоренился суннизм, ведь пустыня, истинными сынами которой выступают кочевники, по образному выражению Лермонтова, "внемлет Богу", а не пытается к нему приблизиться.

Но и здесь земледельческая традиция, хотя и оказалась отесненной на второй план, играла не малую, а со временем все возрастающую роль. В суннизме это отражалось в формировании, наряду с большой традицией, отрицающей посредничество между Богом и человеком, традиции малой, утверждающей подобное посредничество в виде культа святых. "Мостом", соединяющим обе традиции в суннизме в единое целое, стал суфизм, учение о возможности приблизиться к Богу праведной жизнью. Суфизм получил широкое распространение среди шиитов, но такого значения, как у суннитов, не имел.

Дело в том, что если в суннизме большая и малая традиции ислама отражают взаимодействие двух разных типов хозяйствования (земледелия и скотоводства), то в шиизме – лишь разных форм (региональной и локальной) одной, земледельческой цивилизации. Идея посредничества в отношениях с Богом здесь пронизывала и большую, и малую религиозные традиции. Естественно, что они не нуждались в суфизме как в мосте между собой.

Признав "умеренный" суфизм (возможность приближения к Богу, но не слияния с ним), суннизм сделал шаг к идее о продолжении миссии Мухаммеда другими людьми. В свою очередь шиизм, вначале утверждавший непосредственную сверхъестественную связь своего высшего духовенства с Богом, признал значение таких "посюсторонних" источников божественного закона, как Коран, пре-

даний о пророке (дополненное преданием об Али), суждением по аналогии и мнением мусульманской общины.

Фундаментализм и реформизм

Не так давно все процессы в исламе рассматривались политологами в рамках противопоставления "модернизм – традиционализм", то есть приспособления к современной жизни и сопротивления ей. Но практика (особенно революция в Иране) показала – в традиционной исламской форме может скрываться явно нетрадиционное содержание. Это заставило ввести в политологию термин "исламский фундаментализм". Хотя термин "фундаментализм" в отношении ислама применяется порой и как синоним слов "традиционализм" или "экстремизм" или вообще крайне вольно, он безусловно имел и имеет специфическое содержание, играл и играет своеобразную и весьма неоднозначную роль.

И Христос, и Мухаммед, и Будда считали свои взгляды не новой религией, а возвращением к подлинной религии, смысл которой люди не поняли и исказили. Когда христианство, буддизм и ислам после смерти своих основателей сложились как мировые религии, они, правда в разной степени, сохранили мотив возвращения к истинной вере.

Значение возвращенческого комплекса в каждой из этих религий и его влияние на верующих объясняются взаимодействием двух главных факторов – социально-экономического и идеологического.

В Европе ломка старых феодально-патриархальных связей новой промышленной цивилизацией сопровождалась жесткой борьбой за очищение христианства. В ряде стран региона утвердилось новое ответвление христианства – протестантизм, который дал религиозную санкцию новым целям и ценностям светской жизни, практически в них растворившись. В тех же европейских государствах, где христианство сохранилось в прежних формах, оно было постепенно оттеснено с авансцены политической жизни светскими тенденциями, которые базировались не столько на религиозных, сколько на внерелигиозных источниках. Но и этот процесс, пусть косвенно, питался христианством с его культом богочеловека.

В Юго-Восточной Азии взаимодействие внутри местной земледельческой цивилизации скорее консервировало, чем подрывало докапиталистическую систему отношений. На этом фоне пришедший из Индии буддизм укреплял свои позиции не "очищением", а

союзами с местными национальными религиями. Таким образом буддизм закреплял представления о существовании множества богов, но и о возможности для каждого человека не только сблизиться с ними, но и ведя праведную жизнь, стать одним из них. Религиозный и одновременно демократический плюрализм создал условия для довольно безболезненного втягивания буддизма в практически любую систему светских ценностей, причем совсем не обязательно юго–восточного происхождения.

По–иному сложилась ситуация на Ближнем и Среднем Востоке. Местные кочевники не раз захватывали обширные территории, разрушая земледельческие производительные силы, архаизируя социально–экономическую жизнь. Одновременно в самой идеологической структуре ислама (представление о границе между Богом и человеком и Мухаммеде как вершине всех пророков) тема возвращения звучала так громко, так отчетливо, как ни в одной другой мировой религии. Совпадение неоднократно восстанавливаемой архаики с идеологической замкнутостью создало закрытую систему для светских тенденций, как регионального, так и естественного внерегионального происхождения. В христианстве и буддизме, в силу и утверждения возможности божественного воплощения человека и особенностей социально–экономического развития Европы и Юго–Восточной Азии, постепенно возникали условия для светской и даже атеистической мысли. В исламе же, напротив, и идеологические, и социально–экономические факторы укрепляли его противостояние светскому и тем более атеистическому мировоззрению.

Все эти противоречия, заложенные и в самой структуре мировых религий, и в особенности в их регионах, ярко проявились, когда Юго–Восточная Азия, Ближний и Средний Восток стали активно втягиваться в орбиту мировых экономических, политических и идеологических связей, главным центром которых выступала христианская, а точнее постхристианская, Европа. В Юго–Восточной Азии этот, в целом весьма болезненный, процесс не вызвал в буддизме сколько–нибудь заметных веяний – буддизм и так был открыт для внешнего мира. По–иному сложилась ситуация на Ближнем и Среднем Востоке – воздействие извне породило в исламе две тенденции, с одной стороны вжиться в новые светские веяния, с другой, противостоять им.

Естественно, главным объектом столкновения обеих тенденций стал вопрос о том, остается ли и в этих условиях Мухаммед вершиной пророков? Веками его высказывания (закрепленные в

священном писании и священном предании) служили краеугольным камнем мировоззрения и суннитов, и шиитов. Главным плацдармом попыток пересмотра одного из основополагающих тезисов ислама стал шиизм в Иране. Говоря о продолжении посреднической миссии Мухаммеда наиболее видными представителями духовенства, это течение, безусловно, создавало значительно более благоприятные предпосылки для "штурма неба", чем суннизм, отрицающий в своей большой традиции такую роль духовенства. К тому же развитая земледельческая культура Ирана имела гораздо больше шансов надеяться на равноправное включение в новые мировые взаимосвязи, чем земледельческо-скотоводческая культура большинства других стран региона. Обострение социальных противоречий в Иране в середине XIX века привело к возникновению "бабидского движения".¹

Лидер этого движения провозгласил себя "Бабом" – "Вратами истины" Правители и высшее мусульманское духовенство, по утверждению претендента на роль пророка, используя явно устаревший Коран, угнетают и притесняют народ. Для установления справедливого строя необходимо и радикально пересмотреть ислам, и перераспределить власть и собственность из рук паразитических элементов в руки людей, занимающихся производством и торговлей. Одновременно Баб призывал к уважению прав личности, подчеркивал необходимость уплаты долгов и законность взимания процентов.

Движение бабидов, вначале добившееся определенных успехов, в конце концов подавили. Но поражение бабизма в Иране произошло не только в результате насилия. Проповедь Баба, оставаясь формально в рамках ислама, так его реформировала, что от традиционного символа веры фактически ничего не осталось. Это лишало общество тех идеологических механизмов самосохранения, необходимость которых на фоне наметившегося превращения страны в полуколонию европейских держав была очевидна. Несмотря на все свои пороки, традиционный шиизм обладал слишком глубокими корнями. Не случайно после военного поражения бабизм быстро превратился в бехаизм. Его основатель, принявший имя Бехаулла ("сияние Бога") призвал отказаться от насилия, оппозиционной деятельности по отношению к правительству, создать новую мировую религию на базе слияния с христианством.

¹ См. подр. М.С.Иванов "Антифеодальные восстания в Иране в середине XIX в." М., 1982, с. 80–211.

В XIX веке в шиизме, в отличие от реформаторского движения Баба, фундаментализм не имел массовой базы. Это объясняется двумя факторами: во-первых, традиционно гораздо большая дистанция от государства у шиитов позволяла этому течению легче балансировать между государством и обществом; во-вторых, сильным сдерживающим фактором выступал иранский национализм. В Иране, со всех сторон окруженном суннитскими государствами, борьба за подлинное очищение и укрепление исламской традиции означала бы его интеграцию в ту религиозную систему, где шииты составляли явное меньшинство. И потому шиизм в Иране в то время проявлял большую склонность к консерватизму, либо даже к реформации.

В отличие от шиизма, суннизм, большая традиция которого утверждает непреодолимость границы между Богом и человеком, служил гораздо более слабым фундаментом именно для реформации. Наиболее ярким представителем реформаторской тенденции у суннитов стала возникшая среди мусульман Британской Индии в конце XIX века секта "Ахмадия". Ее основатель Ахмад Кадияни провозгласил себя новым, превзошедшим Мухаммеда пророком и выдвинул идеи, весьма близкие к идеям Бехауллы. В Индии, ставшей в XIX веке колонией Англии, секта Ахмадия имела более сильные позиции, чем бехаиты в Иране, но подобно бехаитам она не получила сколько-нибудь широкого отклика среди населения.

В то же время именно в суннизме массовую опору в XIX веке получил фундаментализм, который имел на Ближнем и Среднем Востоке, в отличие от реформизма, глубокие корни.

Живший 900 лет назад арабский мыслитель Аль-Маварди² впервые в истории общественной мысли попытался выявить механизм установления в мусульманских странах новой власти "на религиозной основе" Такой поворот, по его мнению, происходил, когда правитель отходил от подлинного ислама, что выражалось в пересмотре его мировоззренческих основ, притеснении духовных лиц, уклонении от религиозных обязательств. Видя явную порочность таких правителей, население, по словам Аль-Маварди, естественно, переходило на сторону "людей религии", рассматривая подчинение им как обязанность перед Богом.

² См. А.А.Игнатенко. "Социум и разум (рационалистические течения в арабо-исламской общественно-политической мысли средневековья)", – Рационалистическая традиция и современность. Ближний и Средний Восток, М., 1990, с. 151–161.

Спустя 300 лет другой арабский мыслитель Ибн Халдун создал целую концепцию взаимоотношений общества и государства на Арабском Востоке. Эти взаимоотношения, по его мнению, определялись постоянной борьбой "примитивности", потребляющей только необходимое, и "цивилизации", потребляющей и прибавочный продукт. Силы "примитивности", подчеркивал Ибн Халдун, были в военном отношении гораздо сильнее сил "цивилизации", во-первых, как привыкшие к суровой жизни кочевники против "изнеженных" горожан, а, во-вторых, как объединенная племенным демократизмом группа против людей, разобщенных имущественным неравенством. Естественно "примитивность" обычно одерживала верх над "цивилизацией", способствуя ее архаизации. А именно такая архаизация, как известно, очищала и укрепляла основополагающую идею ислама – о подчиненности человека Богу.

Вполне материалистическая концепция Ибн Халдуна лет на 500 предвосхитила понимание исламского фундаментализма одним из "классиков марксизма". В конце XIX века Энгельс почти дословно повторил, но уже от своего имени, взгляды Ибн Халдуна на этот вопрос. "Ислам, писал он, это религия, приспособленная для жителей Востока, особенно для арабов, то есть, с одной стороны, для горожан, занимающихся торговлей и промыслами, а, с другой – для кочевников–бедуинов. Но в этом лежит зародыш периодически повторяющихся столкновений. Горожане богатеют, предаются роскоши, проявляют небрежность в соблюдении "законов". Бедуины же бедны, а вследствие бедности держатся строгих нравов и смотрят на эти богатства и на эти наслаждения с завистью и с возмущением. Тогда они объединяются ... , чтобы наказать отступников, восстановить почтение к обрядам и к истинной вере и в качестве возмездия присвоить себе богатства изменников".³

Правда, во времена Энгельса этот исламский фундаментализм уже существенно отличался от "классического" фундаментализма времен Ибн Халдуна. Во-первых, кочевой уклад уже не играл прежней роли в экономической жизни региона, а кочевники – в его политической жизни. Столкновения, как правило, происходили уже не столько между кочевниками и горожанами, сколько между различными объединениями горожан с кочевниками. Естественно, менее развитые в социально–экономическом отношении объединения, с большей ролью кочевого (точнее полукочевого) уклада,

³ Ф.Энгельс. "К истории первоначального христианства", – К.Маркс и Ф.Энгельс об атеизме, религии и церкви. М., 1986, с.476.

нередко выступали под знаменем фундаментализма. Во-вторых, все возрастающую роль в формировании этого религиозно-политического течения стало играть воздействие европейской, христианской (а точнее постхристианской) цивилизации.

Многие века Европа с одной стороны и Ближний и Средний Восток с другой, в силу географической близости, оказывали влияние, и немалое, друг на друга. Но, начиная примерно с XVII века, основа взаимодействия стала радикально меняться. Раньше это было взаимовлияние двух докапиталистических, традиционных цивилизаций (хотя и принадлежащих к различным религиям). Теперь же положение принципиально изменилось: с одной стороны, цивилизация, базирующаяся на частной собственности, с другой – отрицающая ее или, по крайней мере, резко ее ограничивающая.

Оказавшись перед лицом цивилизации не только отличной, но и явно более сильной (прежде всего в военном отношении) все государства и общества Ближнего и Среднего Востока, стали заимствовать военную технику европейцев. Необходимость такого заимствования представлялась бесспорной, так как превосходство европейских военной техники и организации сомнений не вызывало. Но в вопросе: что делать дальше, начинались различия, и немалые. Одни государства надеялись укрепить свои позиции и в регионе, и в мире, и среди собственного населения, осуществляя верхушечную европеизацию и "открывая" страну для европейцев. Другие, напротив, стремились соединить ограниченную европеизацию (прежде всего в военной сфере) с закрытием страны для европейцев. Местные же общества, испытывая и давление "европеизирующихся" государств, и угрозу иноцивилизационной экспансии, иногда вступали на путь исламского фундаментализма.

Ярким примером такого "неоклассического" фундаментализма, питаемого не только внутрицивилизационными (кочевники – горожане), но и межцивилизационными противоречиями, стало движение ваххабитов в Аравии.⁴ Их идейный наставник Мухаммед Ибн Абд аль-Ваххаб, отрицая любую возможность посредничества между Богом и человеком, категорически осуждал культ святых. Тем самым он призывал не просто усилить большую традицию суннизма за счет малой, но фактически поглотить ее.

В Аравии, на территории которой в то время пытались укрепиться Турецкая и Британская империи, ваххабизм играл тройственную роль. Во-первых, выступая орудием противоборства

⁴ см. А.М.Васильев "История Саудовской Аравии", М., 1982.

внутренних районов (с более сильным полукочевым укладом) против прибрежных (в большей степени земледельческих и торговых) это движение продолжало традиции классического фундаментализма. Во-вторых, выступая за самобытность и независимость, оно служило орудием самозащиты всей Аравии против экспансии европейской цивилизации. В-третьих, движение объективно было столь плотно вписано в мировые противоречия, что как его успехи, так и неудачи во многом объяснялись соотношением сил между Турецкой, Британской и Российской империями. Не случайно их окончательная победа на большей части Аравии стала возможной, когда рухнула Турецкая империя, а место российских императоров заняли большевики.

Умело используя внутриаравийские, внутрирегиональные и мировые противоречия, ваххабизм из знамени движения за передел власти и собственности превратился в идеологическую доктрину, санкционирующую раздел власти и собственности. Таким образом, он превратился из фундаментализма, ставящего под вопрос существующую власть, в национализм, эту власть закрепляющую и функционирующую.

Ваххабизм – наиболее "чистый" и практически единственный образец фундаментализма, как бы пришедшего из прошлого и застывшего в XX веке. В XIX веке фундаменталистские движения существовали и в других странах Ближнего и Среднего Востока (например, среди пуштунских племен Британской Индии, воюющих за независимость). Но все эти движения, нередко называемые ваххабитскими, проигрывали подлинному ваххабизму по трем важнейшим позициям:

- Они не обладали столь полукочевой и столь обширной территориальной базой;

- Были гораздо менее "чистыми" в идеологическом плане. В то время, как аравийский фундаментализм выступал за поглощение малой традиции большой, ваххабиты в других странах выступали за сочетание обеих традиций, укрепление их союза друг с другом.

- Все ваххабитские движения вне Аравии, несмотря на временные успехи, закончились поражением.

Исламизм и национализм

Второе десятилетие XX века – важнейший рубеж в развитии исламского фундаментализма. Создав Саудовскую Аравию, старый фундаментализм, который опирался если не на кочевнические, то

во всяком случае на сельские структуры, казалось, исчерпал себя. Однако фундаментализм как устойчивая тенденция внутривосточной борьбы на Ближнем и Среднем Востоке не канул в Лету. Место старого фундаментализма (впрочем, как выяснилось позже, отнюдь не умершего) занял фундаментализм новый, который вполне можно назвать исламизмом, учитывая его современный характер не только по времени, но и по сути.

Главная причина этого – новые, уже не только региональные, но и европейские источники движения. Правда, и в прошлом веке фундаментализм развивался под явным влиянием европейской цивилизации. Но это воздействие было главным образом внешним, когда фундаментализм был лишь реакцией на военную экспансию. В XX веке ситуация коренным образом изменилась. Столкновения и взаимодействие с коренной цивилизацией европейской цивилизации на Ближнем и Среднем Востоке приобрели в регионе не только внешний, но и внутренний характер. Даже раскол европейской цивилизации на две противостоящие системы – капиталистическую во главе с Соединенными Штатами и коммунистическую во главе с Советским Союзом – выступал для Ближнего и Среднего Востока отнюдь не только фактором внешнеполитическим.

Отражением всех этих новых реалий и стал исламизм. Безусловный преемник старого фундаментализма, исламизм отличался от него по четырем важнейшим пунктам:

- Выступая за укрепление ислама на базе "большой традиции", он, как правило, имел довольно разработанную идеологическую доктрину и политическую программу.

- В отличие от фундаментализма старого, главная социальная база которого находилась в деревне, основную социальную базу исламизма составляли городские жители.

- Старый фундаментализм либо не имел жестких организационных форм, либо они носили очень традиционный (учитель – послушник у суфиев) и весьма временный характер. Ядром же исламизма, как правило, служили хорошо организованные структуры, моделью для которых, наряду с традиционными выступали и европейские образцы.

- Исламизм, в отличие от старого фундаментализма, показал себя, правда не сразу, силой не только страновой и региональной, но и мировой. Исламская революция в Иране и движение моджахедов в Афганистане – несомненно, крупнейшие события XX века.

Особую ценность, с точки зрения роли и перспектив современного исламизма, безусловно, представляет собой Иран. Здесь после шаха, в отличие от Афганистана после коммунистов, исламизм не только не ослаб, но и укрепил свои позиции. Гораздо большая живучесть иранской модели и сегодня, в конце XX века, во многом объясняется отличиями шиизма от суннизма. На первый взгляд, это может показаться странным – ведь в отличие от шиитского исламизма именно исламизм суннитов имел в XX веке и наиболее организованные структуры, и более четко разработанные программы, и большой опыт политической борьбы.

Среди известных организаций суннитов–фундаменталистов выделяются "Братья–мусульмане" в Египте, "Джамаат–е ислами" ("Исламское общество") в Пакистане.

У исламистов–шиитов, за исключением пожалуй, ливанской "Хезболлы" ("Партии Аллаха"), подобных традиций не было и нет. Тем не менее именно шиитский исламизм оказался способным не только возглавить массовое народное движение против государства при шахе, не только удержать, но и укрепить свои позиции после его свержения. В Афганистане же, где суннитский исламизм во время борьбы против коммунистического режима играл доминирующую роль, после ухода с политической арены коммунистов стал ее быстро терять.

Для понимания внутренней динамики и перспектив исламизма в мире особое значение, безусловно, имеет не афганская, а именно иранская модель. Ведь здесь в Афганистане главной причиной временного взрыва исламизма был приход к власти местных коммунистов; активно поддержанной советским военным вмешательством.

В Иране исламизм как массовое движение порожден, главным образом, не внешними, а внутренними причинами. "Белая революция", которую пытался осуществить шах, получила явное одобрение США. Но проводил ее шах, в отличие от реформ афганских коммунистов, опираясь не на иностранные войска, а прочно стоя на собственных ногах.

Главная причина такой, на первый взгляд, парадоксальной ситуации в принципиально отличных структурах религии в суннитском и шиитском направлениях ислама. В суннизме, как известно, "большая традиция" утверждает отсутствие особых посредников между Богом и человеком. Каждый взрослый мусульманин, обладающий минимумом богословских знаний, может выступить в роли священнослужителя. В шиизме же та же традиция закрепляет роль

посредника за духовенством. В то же время "малые традиции" и в суннизме, и в шиизме поддерживают идею посредничества. В прошлом связывающим мостом обеих традиций в суннизме выступал суфизм. Шиизм, в силу присутствия идеи посредничества и в "большой", и в "малой" традициях, в таком мосте не нуждался.

Таким образом, сформировавшийся на городской базе и в рамках "большой традиции" суннизма исламизм оказался идейно оторванным от деревни, где господствовала традиция "малая". В шиизме, напротив, обе традиции очень близки. Поэтому здесь сельские жители, переезжая в города или оставаясь в деревнях, весьма восприимчивы к идеологии исламистов. В суннизме же они склонны скорее терпеть ее, чем поддерживать, и то лишь в случае необходимости.

Терроризм и модернизация

Под терроризмом обычно понимают целенаправленные убийства отдельных лиц или групп, осуществляемые также отдельными лицами или небольшими группами для достижения политических целей. Это явление можно встретить и в прошлом, и в настоящем всех регионов мира. Но только в истории Ближнего и Среднего Востока в течение довольно длительного времени существовало государство, сделавшее терроризм основой своей внешней политики. Это государство существовало на севере современных Ирана и Сирии (в XI–XIII веках). Два столетия, имея своим центром неприступную крепость Аламут ("Горное гнездо") на севере Ирана, оно терроризировало своих противников, подсылая к ним специально подготовленных убийц.

Аламутское государство возникло тогда, когда шиизм в первый и последний раз в своей истории, казалось, оттеснил суннизм на второй план. На Западе Византия и крестоносцы, на юге турки и на востоке монголы нанесли сильные удары по тем районам, где проживали сунниты. Правда, в отличие от создавших на Ближнем Востоке свои государства крестоносцев, турки и монголы приняли ислам, причем именно в его суннитском варианте. Однако и среди суннитов они далеко не сразу стали восприниматься как свои. Воспользовавшись ослаблением суннитов, шииты стали укреплять свои позиции в регионе и даже захватили Египет. Другим их важным успехом было создание Аламутского государства.

Западные авторы оставили красочные описания системы воспитания фанатиков–убийц, беспрекословно подчинявшихся своим лидерам. Главными средствами при этом, утверждали они,

служили духовные наставления и наркотики. Именно от слова "гаш-шиш" этих людей назвали "гашашинами". Отсюда во французском языке появилось слово "ассасины" ("убийцы"), впоследствии перекочевавшее и в другие западно-европейские языки.

В какой мере все это соответствовало в действительности, сказать трудно. Возможно, красочные описания созданы европейцами для объяснения мало понятного для них самопожертвования людей. В то же время не исключено, что главной причиной была не столько наркотическая зависимость, сколько сама специфика ислама как религии. Будучи гораздо более "заземленным", чем христианство и буддизм, ислам – более закрытая и более всеохватывающая система отношений. В ее рамках представление, что гибель за веру – наивернейший путь в рай, получило наибольшее влияние и распространение среди населения. Не случайно византийский император Никифор, крупнейший противник мусульман в IX веке, подчеркивал ценность этого убеждения с чисто военных позиций.

Но, несмотря на ужас, который в течение двух веков навело на своих врагов Аламутское государство, возвышение шиитов в регионе оказалось явлением временным. Крестоносцев изгнали с территории Ближнего Востока, а принявшие ислам турки и монголы стали частью местной цивилизации. На этом фоне шииты стали быстро терять позиции. Египет вновь перешел в руки суннитов, а Аламутское государство уничтожили монголы. В XV веке захват Византии турками окончательно закрепил господство суннитов. Шииты были вынуждены довольствоваться одним-двумя небольшими государствами либо положением меньшинства в мусульманских странах. Единственным исключением с XVI века стал Иран.

Долгое время эта способность ислама служить гораздо более прочной базой для терроризма, чем другие мировые религии находилась в тени. Если на Ближнем и Среднем Востоке и имели место убийства по политическим причинам, то происходило это не чаще, а порой даже реже, чем в других районах мира (например, в Европе). В наше время, однако, положение резко изменилось. Хотя количество террористических акций, осуществляемых представителями коренного населения Европы, Америки, Юго-Восточной Азии или Дальнего Востока, так же немало, они, в отличие от терроризма выходцев или жителей Ближнего и Среднего Востока, мало или совсем не связаны с религией. Конечно это обусловлено не террористической направленностью ислама как такового, а особенностями структуры мусульманской религии, ее несравнимо

большей сопротивляемостью реформистским тенденциям, нежели у христианства и буддизма. Тем не менее объективно такая связь существует.

Но из констатации этого факта ошибочно делать вывод, что борьба с терроризмом неизбежно сопряжена с конфронтацией с исламом. Хотя борьбу с любым терроризмом, в том числе и связанным с исламом, безусловно вести надо, рассчитывать здесь исключительно на силовые методы непродуктивно. Таким образом врагом становятся не только исламская цивилизация Ближнего и Среднего Востока, но и ее ответвления в других регионах, прежде всего в Северной Африке и Европе. Хотя силовой момент в противостоянии исламскому терроризму неизбежен, он должен дополняться и сопровождаться выявлением внутри самой исламской цивилизации таких процессов и механизмов, которые могут противостоять терроризму и способствовать ее интеграции в современное общество.

Первое место здесь, естественно, принадлежит модернизации, движению общества по пути, одним из элементов которого выступает освобождение от влияния религии. В Европе этот процесс во многом питался самой европейской традицией. В Юго-Восточной Азии – открытостью буддизма для светского, в том числе внерегионального влияния. Местная же исламская традиция на Ближнем и Среднем Востоке противостояла светским тенденциям любого происхождения. Официальное отделение государства от религии в Турции (единственной мусульманской стране региона, где это произошло) было вызвано особенностями расстановки сил во время национально-освободительной борьбы, когда борцы за независимость и глава суннитов – султан оказались по разные стороны баррикад.

Как "турецкая модель", так и попытки других мусульманских стран Ближнего и Среднего Востока, резко ограничить сферу влияния ислама, первое время имели успех. Внешнему наблюдателю могло показаться, что Ближний и Средний Восток развивается по европейскому пути. Но впечатление оказалось обманчивым, ведь секуляризация здесь базировалась не на внутренней исламской, а на внешней неисламской традиции. Государственное ограничение влияния мусульманской религии на различные стороны жизни не столько ослабляло ислам, сколько сжимало его, как пружину. Естественно, при благоприятных обстоятельствах, в первую очередь в случае ослабления государства и потери им в глазах населения

роли радетеля об общественном благе, эта пружина должна была начать распрямляться.

Именно такую тенденцию и представлял исламизм как суннитский, так и шиитский. Но, в силу особенности суннизма и шиизма, только шиитский исламизм смог стать крепким стержнем широкого народного движения, и не только сохранить, но и укрепить свои позиции после прихода к власти в Иране. В то же время исламизм суннитов, как показывает, в частности, опыт Афганистана, в силу слабости внутренней базы, гораздо больше, чем исламизм шиитов, вынужден прибегать к использованию международных кризисов, противоречий между мусульманскими странами. Шиитский же исламизм не заинтересован в подобных кризисах еще и потому, что содействуя усилению исламизма суннитов, он создает самому себе серьезного конкурента, а то и противника. Подчеркивая ценность исламской революции в Иране, суннитские фундаменталисты в то же время заявляют, что эта революция – лишь начало или предпосылка подлинного пробуждения ислама, которое по их мнению, возможно лишь на суннитской основе. Если вдруг, в силу каких-то чрезвычайных обстоятельств, исламизм действительно "зашагает по планете", это приведет не к укреплению, а к подрыву позиций Ирана в мусульманском мире. Хотя террористические акции осуществляют как суннитские, так и шиитские исламисты, рассматривая этот вопрос в региональном, а тем более глобальном контексте, необходимо учитывать, каким исламистам это объективно выгодно, а каким нет.

* *
*

Актуальность проблематики современного терроризма еще раз подчеркивает необходимость пристального, дифференцированного подхода к различным формам ислама сегодня. Ведь это единственная мировая религия, которая оказывает и еще долго будет оказывать серьезное воздействие на все сферы жизни.

ИРАН: ВЗГЛЯД ИЗ МОСКВЫ
(Тегеран в современном мире)

Среди немногих стран, которые сегодня активно пытаются сблизиться с Россией, видное место занимает Исламская республика Иран. И это весьма примечательно. Ведь в недалеком прошлом именно Советский Союз всячески стремился к "взаимопониманию" с Тегераном, а лидеры исламской революции держали дистанцию. Теперь же, как представляется, роли переменялись. Хотя наша страна и идет на сотрудничество с Ираном, делает она это явно с оглядкой, как бы опасаясь то ли Соединенных Штатов, то ли исламского экстремизма. Между тем для долгосрочного и эффективного планирования российской внешней политики со всеми связанными и связываемыми с Ираном проблемами необходимо разобраться. Ведь сегодня эта страна объективно имеет и для нас, и для всего мира такое значение, которое трудно переоценить.

Иран занимает обширную территорию между Турцией и Ираком на западе, Афганистаном и Пакистаном на востоке, Персидским заливом на юге, а также Каспийским морем и еще недавно советскими Азербайджаном, Арменией и Туркменистаном на севере. Кроме того, несмотря на распад СССР, Россия и Иран остались соседями и в Каспийском море, до последнего времени формально совместном владении всех прибрежных стран, и на армяно-иранской и армяно-туркменской границах, охраняемых российскими пограничниками.

Многочисленное население Ирана – этнически одно из самых пестрых в мире – связано родственными узами с населением бывшего советского юга (Закавказья, Центральной Азии), а также Ближнего и Среднего Востока (региона, протянувшегося от Восточного Средиземноморья до индопакистанского субконтинента). Персы, ведущая этническая группа, (примерно половина населения страны) объединены общностью или близостью языка с таджиками Таджикистана и Афганистана, пуштунами Афганистана и Пакистана, курдами как самого Ирана, так и Турции и Ирака. Курды и другие персы Ирана, прежде всего азербайджанцы и арабы, имеют

по ту сторону государственных границ крупные родственные группы. Одни из таких "знатных родственников" обладают собственной государственностью (азербайджанцы, арабы), другие ее добиваются (курды). Взаимная заинтересованность Тегерана и Москвы в предотвращении или, по крайней мере, ослаблении этнической напряженности по обе стороны бывших советских границ создают сегодня такую основу для сотрудничества наших стран, которой не было никогда прежде.

Большие запасы нефти и газа, значительный промышленный потенциал объективно превращают Иран и в партнера, и конкурента России, для которой после падения коммунистического режима завоевать позиции на мировом и региональных рынках чрезвычайно важно.

Иран сегодня – единственная страна мира, где ислам выступает в роли государственной идеологии, санкционирующей одновременно и существующую власть, и радикальные перемены. Отсюда значительное воздействие страны на формы современной политизации ислама – процесс, который затрагивает жизненные интересы многих стран, в том числе и России.

Противники–союзники

Еще в прошлые века, когда Российская, Иранская и Османская империи соперничали на Кавказе, отношения между Россией и Ираном отличались противоречивостью. Воюя между собой, наши страны нередко волей–неволей выступали вместе против османов, которые, укрепившись на Балканском полуострове и завоевав почти весь Арабский Восток, не раз пытались "поглотить" и Иран. На сложный "треугольник" взаимоотношений между тремя державами немалое воздействие оказывал раскол мусульман на суннитов (большинство) и шиитов (меньшинство), в глазах друг друга нередко более опасных, чем иноверцы. В то время как в Османской империи господствовали сунниты, в Иранской – шииты.

В XX веке Российская и Османская империи ушли в прошлое. Иранская же, хотя формально и сохранилась, сузилась территориально и, утратив статус ведущей державы, не раз фактически лишалась и независимости. На месте Российской империи возник СССР, унитарное тоталитарное государство. Этот, по убеждению коммунистов, прообраз грядущего устройства мира в борьбе за распространение своего влияния не брезговал ничем, в том числе и откровенной экспансией. Правда, в отличие от царских времен,

экспансия выступала в форме не откровенных территориальных захватов, а содействия или даже экспорта мировой революции.

Несущей конструкцией советской империи, скрепленной единым стержнем – КПСС, служили 15 "равноправных союзных республик". Границы и межэтническую структуру каждой из них коммунисты целенаправленно строили так, чтобы лишить местные общества даже потенциальной возможности выступать единой силой против всемогущего Центра. Более того, статус той или иной этнической группы (на базе которой коммунисты нередко, вопреки местным традициям полиэтничной государственности, создавали "союзную республику") прямо зависел от того, в какой мере она вписывалась во внутреннюю и внешнюю политику СССР. Что же касается 8 республик советского юга (Азербайджана, Армении, Грузии, Туркмении, Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана, Казахстана), то все они создавались и для укрепления советской власти, и революционизирующего воздействия на Ближний и Средний Восток.

Особое внимание при этом уделялось республикам, расположенным непосредственно на советской границе и имевшим по ту ее сторону весьма крупные группы "этнических родственников". Среди таких контролируемых коммунистами государственных образований видное место занимали Азербайджан и Таджикистан, ведь в соседних Иране и Афганистане проживало большинство азербайджанцев и таджиков всего мира. Правда, в отношении Афганистана идеи экспорта "этнической революции" во времена Советского Союза остались нереализованными. Причины тому – долгая борьба с басмачеством, главной этнической базой которого служили таджики по обе стороны советско–афганской границы, и заинтересованность в союзе с пуштунами, которые держали под контролем таджиков в Афганистане и составляли значительную часть мусульман сначала Британской Индии, а потом Пакистана.

В отношении же Ирана эти планы вступали в стадию практического осуществления. Так, в середине 40–х годов (когда на севере Ирана находились советские, а на юге английские войска, введенные после нападения Германии на СССР) Сталин санкционировал создание здесь Азербайджанской республики, ориентированной на воссоединение с советским Азербайджаном. Немалую ставку кремлевский стратег делал и на иранских курдов, готовых в стремлении к собственной государственности прямо опереться на советское вмешательство. После вывода из Ирана (под давлением Соединенных Штатов) советских войск, как, впрочем, и английских,

восстановления Тегераном своего суверенитета на всей территории страны, и особенно смерти Сталина, его преемники предпочли забыть (по крайней мере временно) о подобных попытках. Но потенциальная угроза осталась.

Как известно азербайджанцы – это тюрки, этническая общность, охватывающая также турок, туркмен, узбеков, киргизов, казахов. Все они после ухода в прошлое Российской и Османской империй получили свою государственность: турки в Турции, остальные в СССР. Естественно, становление государственности на базе тюркских этнических групп (пусть в советском варианте по существу формальное) не могло не затрагивать иранских азербайджанцев, даже при отсутствии прямого вмешательства извне. Проживая в непосредственной близости от населенных тюрками районов Советского Союза и Турции, они нередко ощущали на себе не только повороты, но и малейшие нюансы в политике обоих государств в тюркском вопросе. Главным лицом, действующим и здесь весьма противоречиво, выступал СССР. Разыгрывая или "держа про запас" "азербайджанскую карту", он в то же время крайне негативно относился к пантюркизму, призывавшему к политическому объединению всех тюрков, в том числе советских и иранских. Одновременно во внешней политике Турции, ставшей союзницей США, иной раз проявлялись пантюркистские тенденции или, по крайней мере, настроения.

Наряду с Советским Союзом и Турцией, свое воздействие на этническую ситуацию внутри Ирана оказывала и Англия. Подчинив своему влиянию арабские монархии Персидского залива и возникшее на развалинах Османской империи арабское государство Ирак, она поощряла сепаратизм среди арабов юга Ирана – самого нефтеносного района страны.

На фоне реальной или потенциальной угрозы "этнической интервенции" главными рычагами сохранения единства иранского государства служили четыре фактора. Во-первых, приоритет феодально-патриархальных связей между кланами, принадлежащими к различным этническим группам, над взаимоотношениями между этими группами. Во-вторых, опасения Москвы и Лондона относительно усиления друг друга в случае раздела Ирана. В-третьих, нежелание Москвы превращать в своих врагов сторонников единства страны среди местных радикалов (прежде всего коммунистов), а Лондона – среди консерваторов. В-четвертых, безуспешные поиски правящими кругами Ирана внешнеполитического противовеса и Советскому Союзу, и Англии.

С середины 50-х годов таким покровителем Тегерана стали Соединенные Штаты, которые оттеснили Англию, вскоре фактически переставшую быть империей, с авансцены иранской политической жизни. Вашингтон, считавший монархический Иран препятствием на пути коммунистической экспансии, побудил шаха приступить к ускоренному развитию в стране капитализма западного образца. Что же касается советских лидеров, то они явно пришли к выводу о целесообразности в интересах мировой революции укрепления в Иране таких сил, которые выступали бы одновременно за сохранение единства государства, антикапиталистический курс внутри страны и антизападную политику на мировой арене.

На этом фоне в 60–70-е годы роль курдской, и особенно азербайджанской, проблем в Иране стала резко падать, в то время как арабской постепенно возрастать. Со второй половины XX века арабский мир, освобождаясь от колониальной зависимости, начал активно выступать влиятельной политической силой. Традиционный "покровитель" арабов – Англия – потеряла прежние позиции во многих арабских странах, в том числе и в Ираке. Поддержанный СССР панарабизм, возглавленный Египтом, призывал арабов объединиться перед лицом противников, прежде всего союзника США и Израиля, в единую политическую силу. Для противодействия угрозе собственным интересам во всем районе Персидского залива и в частности среди своих арабов шахский Иран, с благословения Вашингтона, считал целесообразным активно развивать, хотя и не совсем официально, отношения с еврейским государством. После ухода Англии из Персидского залива Тегеран в качестве превентивного удара по панарабизму захватил три небольших острова в проливе между Персидским заливом и Индийским океаном, прежде находившихся под английским контролем и имевших важное стратегическое значение.

В отличие от северных границ с Советским Союзом, западных с Турцией и Ираком, южных с Персидским заливом, восточная граница с Афганистаном и Пакистаном, с точки зрения внешнеполитических вызовов, никогда не порождала у шахского Ирана серьезных опасений.

Правда, Кабул имел давний спор с Тегераном по поводу распределения вод одной из пограничных рек. Но нейтральный Афганистан, слишком слабый, слишком бедный, погруженный в свой старый спор с Пакистаном о праве пакистанских пуштунов на самоопределение, не мог, да и не хотел бросать серьезный вызов Ирану. Еще меньшей угрозой для внутренней стабильности в строй

выступал Исламабад, в отличие от Кабула связанный союзническими отношениями и с Тегераном, и с Вашингтоном.

Исламизм и прагматизм

Свергнувшая шахский режим исламская революция, на первый взгляд, превратила ислам в определяющий фактор внешней и внутренней политики Ирана. Между тем, если присмотреться внимательнее, можно обнаружить, что в исламской упаковке действуют прежние региональные и этнические ориентиры. Курс на союз с США заменил антиамериканизм. Но в рамках этого глобального сдвига нетрудно заметить то же стремление защищать специфические государственные интересы, что и во времена союза с Вашингтоном. Более того, в ряде случаев именно исламская форма и радикальная смена взаимоотношений с Соединенными Штатами позволили защищать их значительно успешнее, чем при шахе.

Как известно, в свое время важнейшим стимулом ирано-американского альянса стала заинтересованность иранцев сохранить единство страны перед лицом вызовов извне. К концу 70-х годов этой угрозы фактически уже не существовало. Более того, сам союз с Вашингтоном и проведение проамериканской внутренней и внешней политики стал представлять угрозу для Ирана. Быстрое разрушение феодально-патриархальных связей без учета традиций страны (прежде всего огромной роли религии) резко обострило социальные и межэтнические противоречия. Роль младшего партнера Вашингтона на фоне повсеместной суверенизации Ближнего Востока выглядело уже не жизненной необходимостью, а унижительной обузой.

В этих условиях, естественно, возникла потребность в такой идеологической силе, которая, укрепив иранское государство, одновременно санкционировала бы необходимые радикальные перемены в его внутренней и внешней политике. Отсутствие в Иране сильных светских оппозиционных организаций, разгромленных шахом с помощью тех же американцев, глубокие национальные корни антишахского движения, гибкость ислама (особенно у шиитов), позволяющая отражать и объединять интересы самых различных сил, умелое руководство Хомейни, – все это придало иранской революции характер религиозно-политического движения.

Фанатичный антиамериканизм, типичный для первых лет после свержения шаха, – результат не только и не столько той роли, которую играли здесь Соединенные Штаты. Дело в том, что сама

Исламская республика в целях воссоздания единства иранского общества оказалась глубоко заинтересованной в постоянном противостоящем противопоставлении себя светским государственным системам, ярчайшим символом которых для иранцев и стали США.

Скрытый за ширмой фанатизма прагматизм легко обнаружить и в подходе лидеров исламской революции к палестинской проблеме. Как известно, после свержения шаха иранская позиция в этом вопросе кардинально поменялась – из произраильской превратилась в антиизраильскую. Исламское руководство Ирана не только не поддерживает каких-либо связей с Израилем, но и отказывается признать его в любых границах. И это при том, что в отличие от шахских времен некоторые арабские страны признали, а многие готовы признать еврейское государство.

Казалось, позицию Исламской республики можно объяснить лишь фанатизмом. Но если рассматривать ситуацию с точки зрения традиционного противостояния Ирана и панарабизма, то эта позиция, напротив, представляется весьма прагматичной.

Как известно, одновременно с крахом объединительных планов арабских государств Восточного Средиземноморья (Египта, Сирии) и разрушением общего фронта арабов против Израиля панарабизм постепенно набирал силу в Персидском заливе. Именно здесь 7 арабских княжеств создали прочное межгосударственное образование – Объединенные арабские эмираты (ОАЭ), до сих пор единственную успешно действующую конфедерацию в мире. Впоследствии эта конфедерация вместе с пятью другими арабскими монархиями района, во главе с Саудовской Аравией и Кувейтом, образовала Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), координирующий усилия в экономике и политике (в частности, в военной сфере).

Тенденция смещения фокуса панарабизма с Палестины на Персидский залив (который в арабских странах, кстати, называют Арабским) сопровождалась заменой главных внешнеполитических покровителей движения (вместо СССР Соединенные Штаты) и его основных противников (место Израиля занимал Иран). Откровенно антииранская направленность местного панарабизма проявилась в ирано-иракской войне. Начавший военные действия Багдад, получив поддержку местных арабских монархов, открыто заявил о стремлении в борьбе с Ираном защитить общеарабские интересы. Хотя война не принесла победы Ираку, она наглядно продемонстрировала, где находится внешняя угроза. Правда, во время войны иранские арабы, несмотря на все призывы Багдада, сохранили

верность Тегерану. Но, во-первых, неизвестно, какие формы арабский вопрос внутри Ирана примет завтра, а, во-вторых, любые панарабистские акции в Персидском заливе, даже прямо не направленные против Тегерана, косвенно ослабляют его позиции в крайне важном в экономическом и военном отношении районе. Именно поэтому Тегеран резко реагировал на попытку Ирака “воссоединиться” с Кувейтом несмотря на то, что главной силой, противостоящей Багдаду, выступили Соединенные Штаты.

Здесь же, как представляется, заключается и основная причина непримиримой позиции Тегерана в палестинской проблеме. Поддерживая непримиримых среди арабов, Тегеран стремится предотвратить или, по крайней мере, отдалить установление мира между арабскими странами и Израилем, так как урегулирование арабо-израильского конфликта перенесет главный фокус панарабизма с Палестины на Персидский залив.

Неменьший прагматизм исламский Иран проявил и в отношении Советского Союза. Открыто называя нашу страну “малым сатаной” в отличие от “большого сатаны” – США) и, подавляя местных коммунистов, Тегеран в то же время фактически опирался на Москву в противостоянии с Вашингтоном. Такое маневрирование позволяло получить максимум свободы действий во взаимоотношениях с обеими сверхдержавами.

Чего не предвидел аятолла?

Скончавшийся в конце 80-х годов Хомейни, как явствует из его “Завещания”, считал советско-американскую конфронтацию долговременной тенденцией мирового развития. Стремительное исчезновение казавшегося монолитным Советского Союза, превращение США в единственную сверхдержаву, появление на месте бывшего советского юга новых государств заставили преемников Хомейни серьезно скорректировать свою внешнюю политику, причем иногда в весьма неожиданных направлениях. Так, вместо ожидаемых призывов покончить с наследием атеистической сверхдержавы (проведенными коммунистами государственными границами, военным присутствием Москвы) и поддержки борьбы местных мусульман против “неверных”, Иран занял противоположную позицию. В вопросе о судьбе компактно населенной армянами части постсоветского Азербайджана (Карабаха) он по существу оказался (хотя и не безоговорочно) на стороне христианской Армении. В Таджикистане иранцы стали не поддерживать исламскую оппозицию

против прокоммунистического режима, а пытаться их примирить. Одновременно Тегеран недвусмысленно проявил себя не меньшим, если не большим, сторонником военного присутствия России на бывшем советском юге, (в Закавказье и Центральной Азии), чем сама Москва.

Наиболее простое объяснение "непоследовательности" Ирана – конъюнктурный поиск любых противовесов оставшейся единственной сверхдержаве – США. Но такого объяснения явно недостаточно. Военное присутствие России в Закавказье и Центральной Азии сегодня, спустя несколько лет после антикоммунистического, антиимперского переворота в Москве и распада СССР, не представляет угрозы ни для Вашингтона, ни для его союзников. Еще меньшей опорой антиамериканизма представляются Ереван и тем более Душанбе.

Правда, определенный резон в добрососедских отношениях с бывшим советским югом, с точки зрения иранского противостояния с Соединенными Штатами, действительно существует. Экономическая блокада, которой Вашингтон пытается подвергнуть Тегеран, безусловно, увеличивает заинтересованность Ирана в союзниках и партнерах на севере. Но если такое объяснение еще можно принять в отношении Туркменистана, недавно соединившего свою железнодорожную сеть с иранской, то в отношении Армении и Таджикистана нет. Ведь в Закавказье примыкающий к Каспийскому морю и граничащий с Россией Азербайджан, с точки зрения торгово-экономических связей, безусловно, более ценен, чем не имеющая выхода к морю и не граничащая с Россией Армения. Что же касается Таджикистана, то он, не имея общей границы ни с Ираном, ни с Россией, вообще находится на обочине путей, идущих через Центральную Азию. Поэтому основную пружину политики Ирана на бывшем советском юге целесообразно искать не в антиамериканизме или торгово-экономических интересах, а в чем-то ином.

Как известно, после ухода в прошлое и СССР, и советско-американской конфронтации Тегеран, прежде маневрировавший между двумя сверхдержавами, оказался перед лицом принципиально новых вызовов. Главный из них – серьезные (реальные или потенциальные) этнические сдвиги вокруг Ирана, которые могут поставить под вопрос его государственное единство. Прежде всего это касается северных границ, где вместо единого тоталитарного государства с преобладанием славянского населения, появились три государства – Азербайджан, Армения, Туркменистан. Более

того, в их непосредственном "тылу" оказались и другие республики бывшего советского юга: Грузия, Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан, Казахстан. Раньше единственным суверенным тюркским государством выступала Турция своим откровенно светским устройством и союзом с США противостоящая Ирану. Теперь же тюркских государств стало шесть: Турция, Азербайджан, Туркменистан, Узбекистан, Кыргызстан, Казахстан.

Таким образом, на севере и северо–западе Ирана возникла почти сплошная "тюркская дуга", которую разрывает лишь небольшой участок ирано–армянской границы. Конечно, еще одним просветом можно считать Каспийское море, до сих пор совместное владение прибрежных государств – Ирана, Азербайджана, Туркменистана, Казахстана и России. Но набирающая силу тенденция раздела Каспия между ними фактически замыкает "тюркскую дугу" и здесь. Все это не может не тревожить Иран, тем более что после распада СССР заложенный при создании тюркских советских республик механизм "этнической ориентации" в южном направлении может заработать уже самостоятельно. Это ярко проявилось в постсоветском Азербайджане, лидеры которого, переименовав азербайджанский язык в тюркский, открыто заявили о принадлежности своей страны к тюркскому миру.

Конечно, пантюркизм, понимаемый как объединение всех тюрков в одном государстве, – утопия. Но как координация позиций по каким–то вопросам (скажем, Карабаху или иранскому Азербайджану) он возможен. Этого не могут не понимать лидеры Ирана. Естественно, в армяно–азербайджанском противостоянии они фактически поддерживают армянскую сторону, этническая ориентация которой направлена не против Ирана, а против постсоветского Азербайджана.

В своем противостоянии пантюркизму и панарабизму Тегеран пытается опереться на паниранизм и панисламизм. Как известно, народы, связанные с Ираном общностью или близостью языка, живут и в других государствах Ближнего и Среднего Востока, Центральной Азии. Это курды Турции и Ирака, таджики Таджикистана и Афганистана, пуштуны Афганистана и Пакистана. На фоне роста этнической нестабильности по всему периметру своих границ Тегеран, естественно, наблюдает за происходящим в "Большом Иране" с особым интересом. Ведь культурная близость этих народов может как укрепить, так и подорвать внешнеполитические позиции иранского государства. Так, иракские курды, благодаря американскому давлению на изгнанный из Кувейта Багдад, сегодня пользу-

ются широкой автономией. Связывая свои надежды с США, они, конечно, не могут служить базой иранского влияния. Не могут играть такую роль и турецкие курды. Ведя вооруженную борьбу с американской союзницей Анкарой, они сохраняют приверженность марксизму–ленинизму, откровенно враждебному государственному устройству Ирана. Кроме того, использовать "курдскую карту" в своих интересах Тегерану всегда мешали собственные курды, которые в борьбе против властей также прибегали к помощи внешних сил.

Пуштуны же вообще никогда не отличались симпатиями к Тегерану. Более того, составляя значительную часть населения Пакистана и играя ведущую роль в Афганистане, они всегда решительно отвергали претензии Ирана даже на "культурную гегемонию". Поэтому единственной естественной зоной влияния Ирана в последние годы стали районы расселения таджиков в Центральной Азии и Афганистане. Сегодня Таджикистан, еще недавно неотъемлемая часть советской Центральной Азии, – суверенное государство. В Афганистане после многолетней борьбы с коммунистами и массовой миграции местных пуштунов в Пакистан таджики вышли на первый план. Все это не может не радовать Тегеран. Но радость сопровождается немалыми опасениями. Межклановая война в Таджикистане, вытеснившая часть местного населения в соседний Афганистан, подрывает государственное единство обоих государств. "Воссоединение" таджиков по обе стороны афгано–таджикской границы может привести к такому соотношению между противоборствующими кланами в Таджикистане, а также таджиками и пуштунами в Афганистане, которого обе страны не выдержат. Волны от возможной дезинтеграции Таджикистана через распад Афганистана и последующий "взрыв" афгано–пакистанской границы "воссоединением" пуштунов Афганистана и Пакистана дестабилизируют весь восточный фланг Ирана. Более того, распад Таджикистана нанесет и прямой удар по интересам Тегерана, во–первых, самим фактом исчезновения независимого государства таджиков, а, во–вторых, возможным сохранением его, но уже под тюркским контролем. Оказавшись перед лицом дезинтеграции Таджикистана, граничащий с ним и частично населенный также таджиками Узбекистан скорее всего будет вынужден ввести в страну свои войска. Причем как успех, так и неудача действий Ташкента (и как вероятное следствие дестабилизация самого Узбекистана) явно не в интересах Ирана.

На первый взгляд, нейтрализации всех подобных угроз Тегеран может добиться, опираясь на панисламизм, призывающий к политическому объединению мусульман всех стран. Действительно, разве Иран – воплощение победившей исламской революции – не выступает естественным центром для всех истинных приверженцев мусульманской религии и на Ближнем и Среднем Востоке, и в Центральной Азии, и в Закавказье? Несмотря на внешнюю логичность подобных рассуждений, они далеки от реальности. Сам ислам, как отмечалось, расколот на противостоящие течения суннитов и шиитов. В свою очередь, те и другие делятся на более мелкие объединения правоверных, также находящихся друг с другом в сложных взаимоотношениях. К тому же интерпретация даже одного направления ислама различными этническими группами, как правило, резко отличны. Поэтому возможности Ирана, одной из немногих мусульманских стран с большинством шиитов, оказывать определяющее влияние на процесс политизации ислама в современном мире на деле весьма ограничены. Не случайно исламские фундаменталисты среди суннитов считают исламскую революцию в Иране лишь предпосылкой к подлинному возрождению ислама, возможному лишь на базе их собственной интерпретации этой религии. На этом фоне, кстати, весьма сомнительна искренняя заинтересованность Тегерана в успехе исламских революций в других мусульманских государствах. Руководимые суннитами–фундаменталистами такие государства неизбежно подорвут ту, пусть и небезоговорочную, монополию на святость в мусульманском мире, которой сегодня, несмотря на раскол между суннитами и шиитами все же пользуется Тегеран. Поэтому, как не кажется на первый взгляд парадоксальным, возможности Исламской республики Иран опереться на панисламизм невелики.

В этих условиях одним из главных, если не главным союзником Тегерана выступает Россия. Ее военное присутствие в Закавказье и Центральной Азии сдерживает процессы, которые, предоставленные сами себе, могут сильно ударить по Ирану. Наиболее ярко это проявляется в Таджикистане, до сих пор остающемся единым благодаря Москве.

Но и во всей Центральной Азии, как впрочем и в Закавказье стабилизирующий эффект России очевиден. Не случайно именно постсоветский Азербайджан, единственное из всех государств на северных границах Ирана, где нет российских солдат, внушает сегодня серьезные опасения иранским политикам. Как Тегеран, так и Москва жизненно заинтересованы в предотвращении и разреше-

нии этнических кризисов на бывшей периферии советской империи, основы которых заложили коммунистические стратеги. И именно в этом, а отнюдь не в антиамериканизме основа сотрудничества обеих стран.

Форма и содержание

Распад СССР и превращение Соединенных Штатов в единственную сверхдержаву породили в американской политологии два, казалось, исключаящих друг друга тезиса. Первый утверждает: либеральная демократия, одержав победу над коммунизмом, практически не имеет больше серьезных врагов. Второй: будущее планеты – борьба различных цивилизаций. Наиболее ярким выражением такого противостояния сторонники второго тезиса обычно считают взаимоотношения либерально–демократических Соединенных Штатов и Ирана, "фундаменталистского террористического государства". Между тем внимательный анализ "иранской модели" показывает, что ее суть отнюдь не сводится к терроризму, которому, конечно, не должно быть места в цивилизованном обществе.

Обычно любая конституция утверждает: источник власти – народ. На практике это положение в разных странах трактуется по-разному и означает порой вещи противоположные. Тем не менее его присутствие в основном законе – обязательный ритуал. Иное дело – Исламская республика Иран. Верховная власть, утверждает конституция этого государства, – Бог, а люди могут лишь толковать и исполнять божественные предначертания. Казалось бы, здесь налицо явная ориентация на далекое прошлое. Сразу вспоминаются средневековые мусульманские государства Ближнего и Среднего Востока. Тем более, что сам Хомейни не раз указывал на времена пророка Мухаммеда (VII в.) как образец подлинно исламского правления.

Но считать конституцию Ирана ориентированной на прошлое неверно. Выполнять волю Бога в исламе означает действовать в соответствии с мусульманским правом, которое представляет не некий законченный свод правил поведения на все случаи жизни, а весьма гибкую законодательную систему. Эта система имеет 4 источника: священное писание

Коран (в котором сами мусульманские богословы находят много противоречий); священное предание (рассказы о жизни пророка Мухаммеда у суннитов, рассказы о жизни пророка и его двоюродного брата, зятя Али у шиитов); весьма свободное суждение по

аналогии и мнение мусульманской общины. Причем, что именно и в каких пропорциях взять из каждого источника для решения конкретного вопроса, зависит не только от богословов, но и от простых мусульман. Ведь в исламе нет замкнутого и строго иерархически организованного духовенства, а каждый мусульманин, имеющий минимум богословских знаний, может выступать в качестве муллы. Более того, даже совершенно не разбираясь в теологии, мусульманин носит в себе частицу божественной мудрости, так как мнение мусульманской общины – один из источников мусульманского права. Выборы и выборность – институты, через которые также выражается божественная воля.

Сочетание особых прав духовенства (играющего у шиитов традиционно более важную роль, чем у суннитов) и принципа выборности в Иране создали очень прочную, гибкую систему власти, в сущности гораздо более демократическую, чем во многих странах Ближнего и Среднего Востока. Если там существует жесткая пирамида власти, то здесь этого нет. Широкие права парламента в Иране не идут ни в какое сравнение с ролью представительных учреждений в Ираке, Сирии, Египте, арабских монархиях Персидского залива. Переиначивая известное выражение древних, можно утверждать: в Иране глас божий – глас народа.

Конечно, такой глас нередко подавляет, порой очень жестко, и отдельные группы населения, и особенно отдельных людей. Но происходит это обычно все-таки более мягко, чем во многих странах мира. "Нарушения прав человека в Иране, – подчеркивалось на страницах вашингтонского журнала ("Форин полиси", 1994, № 96) ужасны. Но по сравнению с саудовцами или сирийцами – ныне сотрудничающими с американцами – разве иранцы удерживают первенство на Ближнем и Среднем Востоке? Иранская демократия находится в зачаточном состоянии. Она ограничена и раздражительна, но конституционна, ощутима и преемственна. Можно ли в Саудовской Аравии, Сирии или Египте найти парламент, который соперничал бы с иранским? В Иране свобода слова, особенно политических выступлений, зачастую резко ограничена и наказуема, но под надзором цензоров отзвуки различных суждений в обществе – иногда с косвенным, но осуждающим клерикализм смыслом – находят отражение в газетах, книгах, театре и кино".

Полемика в современном Иране касается не только сути исламского режима, но ставит под вопрос и сам этот режим. Многие духовные лица считают, что слияние с государственной властью ведет духовенство к утрате влияния среди населения. Некоторые

из них выступают и за радикальную политическую либерализацию. Светские силы, имея возможность выражать свои взгляды в печати, активно поддерживают эти тенденции среди духовенства. Причем такая деятельность, как в духовной, так и в светской среде, ведется почти беспрепятственно.

Подобно другим странам, Иран сегодня переживает серьезные экономические трудности, обостренные быстрым ростом населения. Добыча нефти, экспорт которой дает 80 процентов государственных доходов, со времен шаха резко упала. Во второй половине 70-х годов ежегодные доходы правительства от продажи нефти достигали 22 млрд.долл. при численности населения в 30 млн., сейчас они составляют 14 млрд.долл. при численности населения в 60 млн. Среднемесячный уровень зарплаты в государственном секторе тогда составлял примерно 500 долл., а сегодня лишь 100 долл.

Тем не менее исламский режим, который в первые годы проводил политику огосударствления экономики, ныне твердо взял курс на приватизацию и рыночные реформы. О желании Тегерана идти дальше по избранному пути говорит, в частности, его программа создания свободных экономических зон. Как известно, такие зоны – один из самых эффективных способов превращения централизованной экономики в рыночную. Тем самым под политическую систему Ирана, в сущности, весьма либеральную на фоне других стран Ближнего и Среднего Востока подводится и соответствующая экономическая база.

Противоречия реальные и мнимые

"Либеральный" и "цивилизационно-конфронтационный" подходы в американской социологии формально противоположны. На деле же они неплохо дополняют друг друга. Да, либерализм победил как наиболее жизнеспособная система и сегодня так или иначе служит ориентиром для всех стран мира. Но проблема в том, что в силу многих обстоятельств либерализм не может везде пустить корни такими способами и такими методами, как в Европе, США или Японии. Во многих случаях (в частности, в иранском) он вынужден делать первые твердые шаги в формах, которые отталкивают западного либерала. Но только такие формы и позволяют либерализму необратимо проникнуть в те районы мира, чья цивилизация плохо совместима с североамериканской и где само слово "либерализм", в силу тех или иных обстоятельств, вызывает негатив-

ные эмоции. Видимо, в этом главная причина того, что видные иранцы, публично осуждающие западный образ жизни, посылают своих детей учиться на Запад, а призывы к вступлению Ирана в международные экономические организации и привлечению иностранного капитала сопровождаются требованиями отразить культурное вторжение извне.

Если не явное осознание, то инстинктивное ощущение закономерности совмещения, казалось, несовместимого в Иране уже давно присутствует в Европе, которая граничит с Ближним и Средним Востоком, и имеет многовековой опыт взаимодействия с регионом. К тому же ислам здесь не только внешний, но и внутренний фактор. На Балканах, на развалинах коммунистической Югославии недавно появилось самостоятельное мусульманское государство – Босния. К ней в будущем может присоединиться и Албания. Хотя десятилетиями местные коммунисты открыто приравнивали религию к уголовному преступлению, исторически и культурно подавляющее большинство жителей страны – мусульмане. В Болгарии мусульманская община, от которой коммунисты пытались избавиться и насильственной "болгаризацией", и выселением в Турцию, сегодня имеет немалый политический вес.

Правда, на Балканах исламский фактор – своеобразное возрождение реалий прошлого. Ведь еще в XIX веке район входил в состав Османской империи. Но ислам как, если не политическая, то культурная сила, дает о себе знать и в тех европейских странах, которые не только не входили в состав мусульманских империй, но и в свое время успешно им противостояли. Наиболее яркий пример – Франция. Как известно, много веков назад предки современных французов остановили мусульман завоевавших Пиренейский полуостров и пытавшихся прорваться вглубь Европы. Сегодня же, на фоне уменьшения численности коренных французов и увеличения мусульманской общины внутри Франции, пророчество Нострадамуса о будущем превращении страны в мусульманскую не выглядит уже таким несбыточным, как прежде.

Несостоятельность попыток противостоять паразитирующему на особенностях и проблемах исламского мира мусульманскому экстремизму исключительно конфронтационными методами властно заставляет европейцев искать нетрадиционные, гибкие формы воздействия на нервные центры современного ислама за пределами Европы. Одним из таких центров сегодня, безусловно, выступает Иран. Не случайно, несколько лет назад европейское сообщество завязало с Тегераном "критический диалог" – развитие эконо-

мических связей с перспективой политического сотрудничества. Правда, недостаточно быстрый, по мнению европейцев, отход Тегерана от экстремизма затормозил процесс. В вину Ирану вменяются: смертный приговор писателю Рушди (английскому гражданину выходцу из мусульманской общины Индии), вынесенный ему за "оскорбление ислама" еще Хомейни; одобрение террористических актов против Израиля и убийство израильского премьер-министра. Но, несмотря на возникшие проблемы, общее направление взаимоотношений с Ираном, как представляется, европейцы выбрали верно.

При анализе внешней и внутренней политики Ирана в последнее пятилетие рост умеренных тенденций за счет радикальных очевиден. К тому же, если рассмотреть внимательно, что вменяется сегодня в вину Тегерану, можно прийти к выводу: за все, кроме дела Рушди (имеющего сегодня скорее символическое, чем практическое значение) иранское руководство особой ответственности не несет. Террористические акты против Израиля осуществляют организации с базами в Ливане, где определяющее влияние имеет отнюдь не Иран (не обладающий с этой страной даже общей границей), а Сирия. К тому же, как справедливо подчеркивает Гэри Сик (бывший эксперт по Ирану в администрации Картера), Тегеран сегодня вообще слишком беден, чтобы активно субсидировать террористов ("Ньюсдей", Нью-Йорк, 1996, 16 марта). Что же касается убийства израильским правым экстремистом премьер-министра Израиля, то в этом Иран уж никак обвинить нельзя. Кстати, нынешнее ухудшение израильско-арабских отношений после прихода к власти в Израиле правительства правых может способствовать "смягчению" позиции Ирана по отношению к еврейскому государству. Ведь теперь удержанию фокуса панарабизма на Палестине, а не на Персидском заливе объективно будет способствовать уже само израильское руководство.

В отличие от Европы Соединенные Штаты продолжают однозначно рассматривать Иран как террористическое государство, лучшим способом взаимоотношений с которым служила бы политическая и экономическая изоляция этой страны. В русле таких представлений Вашингтон пытается проводить в отношении Тегерана политику экономического бойкота. При этом совершенно не учитывается объективная закономерность существования в Иране именно того режима, который имеет место.

Любые попытки радикально изменить нынешний режим давлением извне может вызвать либо укрепление в нем экстремист-

ских тенденций (что, впрочем, мало вероятно), либо (что возможнее) срыв модернизации и резкое усиление социальной и межэтнической напряженности. И тот, и другой варианты не только не снимут проблему исламского терроризма (который имеет гораздо более глубокие корни, чем субъективные устремления Хомейни или его преемников), но скорее обострят ее.

В свое время, нанеся военное поражение Ираку, Соединенные Штаты предпочли резко ослабить, но не свергать Саддама Хусейна. Причиной тому – опасения, что ему на смену придет воинствующий исламский режим. Видимо, тогда американцы реагировали адекватно. Сегодня же по отношению к Ирану их политика скорее дань воспоминаниям о первых годах исламской революции, чем отражение объективной реальности. Упорно воплощаемые в политику предрассудки и отсутствие гибкости в перспективе чреватые серьезными потрясениями. Правда, они могут прямо и не затронуть Соединенные Штаты. Как известно, США отделены от Ближнего и Среднего Востока океанскими просторами, а исламский фактор в Америке не столь значителен, как по другую сторону Атлантики. Но для Европы и России издержки могут оказаться весьма чувствительными. Судьба нашей страны не в меньшей степени, чем судьба Европы, исторически, культурно и политически "завязана" с Ближним и Средним Востоком. До сих пор Россия с этим регионом не имеет даже собственных полноценных границ. В Закавказье и Средней Азии проживают миллионы этнических россиян, большинство которых мечтает вернуться на историческую родину, но не может сделать это немедленно. Молодые постсоветские государства здесь, пытаясь встать на собственные ноги, сталкиваются и будут сталкиваться с серьезнейшими и опаснейшими проблемами. Подрыв, а не эволюция нынешнего исламского режима в Иране, жизненно заинтересованного в стабилизации в Закавказье и Центральной Азии, может стимулировать этнические катаклизмы на бывшей периферии советской империи. Это, в свою очередь, неизбежно втянув Москву в активное военное вмешательство, крайне затруднит, если не подорвет, переход России на рельсы того современного развития, по которым уже давно идут Соединенные Штаты.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Из политической программы правительства Израиля (представлена кнессету 16 июня 1996 года)

Правительство, представляемое кнессету, будет действовать, исходя из вечного и неоспоримого права еврейского народа на землю Израиля: признания Израиля государством еврейского народа, демократическое правительство которого гарантирует равенство всем своим гражданам и главная цель которого состоит в собирании и интеграции еврейского народа.

Основой политики правительства будет являться обеспечение национального единства, социальной справедливости и личной свободы, установление истинного мира со всеми нашими соседями при обеспечении национальной и личной безопасности.

Правительство будет работать над достижением следующих целей:

1. Достижение мира со всеми нашими соседями при обеспечении национальной и личной безопасности.
2. Укрепление статуса Иерусалима как вечной столицы еврейского народа.
3. Увеличение иммиграции в Израиль и полноценное включение новых иммигрантов во все сферы жизни.
4. Создание условий для свободной процветающей экономики и социального благополучия.
5. Укрепление, расширение и развитие поселений в Израиле.
6. Укрепление ценностей Государства Израиль как еврейского и демократического государства при соблюдении должного баланса между волей большинства и правами личности и меньшинств.
7. Развитие образования и усиление приверженности еврейскому наследию и целям сионизма.

Мир, безопасность и внешняя политика

1. Правительство Израиля будет стремиться к расширению мирных связей со всеми соседями на благо граждан Израиля и народов региона при обеспечении жизненных интересов Израиля.

2. Правительство будет углублять и развивать мирные отношения с Египтом и Иорданией.

3. Правительство будет вести переговоры с Сирией без предварительных условий.

4. Правительство будет стремиться поднять уровень отношений с другими арабскими государствами, поддерживающими связи с Израилем: Катаром, Оманом, Марокко, Тунисом, Мавританией и будет выступать за взаимное признание и сотрудничество с арабскими странами, с которыми у Израиля нет дипломатических отношений.

5. Правительство сделает все от него зависящее для дальнейшего возвращения военнопленных и пропавших без вести и всех тех, кто работал во имя безопасности государства; данный пункт будет присутствовать на переговорах со всеми вовлеченными сторонами.

6. Правительство будет вести переговоры с палестинской администрацией с целью достижения урегулирования при условии полного выполнения палестинцами всех своих обязательств.

7. Правительство предложит палестинцам такую формулу, которая позволит им свободно устраивать свою жизнь в рамках самоуправления. Правительство будет выступать против создания палестинского государства или любого иностранного суверенитета к западу от реки Иордан и будет выступать против права на возвращение арабского населения на любую часть земли Израиля к западу от реки Иордан.

8. В рамках любого политического урегулирования Израиль будет настаивать на обеспечении существования и безопасности еврейских поселений и их связи с Государством Израиль. Правительство продолжит нести полную ответственность за еврейские поселения и их жителей.

9. Правительство считает Голанские высоты жизненно важными для безопасности государства и его водных ресурсов. Сохранение израильского суверенитета над Голанами будет основой урегулирования с Сирией.

10. Государство Израиль продолжит укреплять Армию обороны Израиля и другие силы безопасности с целью сдерживания

потенциальных противников, предотвращения войны и защиты государства и его граждан.

11. Правительство воспользуется правом привлекать всюду Вооруженные Силы Израиля и другие структуры безопасности для устранения угрозы терроризма, обеспечения благополучия жителей страны и еврейского народа.

12. Правительство будет действовать для устранения угрозы северной границе и обеспечит экономическое развитие для жителей Севера.

13. Правительственная политика приватизации будет принимать во внимание особую важность оборонных отраслей промышленности для безопасности страны.

14. Правительство будет развивать внешние связи Израиля с целью укрепления безопасности и мира, достижения цели экономического и культурного развития.

15. Правительство будет укреплять особые, тесные отношения с США на основе взаимной приверженности ценностям свободы, справедливости и демократии, а также общности интересов.

16. Правительство будет действовать для укрепления связей с Россией и другими государствами СНГ, учитывая положение России на международной арене и общие для Израиля и этих стран интересы.

17. Правительство продолжит усилия, направленные на присоединение Израиля к Европейскому Сообществу в качестве ассоциированного члена и будет работать над углублением связей с Европой.

18. Правительство будет углублять разносторонние отношения с государствами Восточной Азии и уделит особое внимание экономическим связям с быстро развивающимся рынком региона.

19. Правительство будет стремиться к расширению отношений со всеми желающими мира государствами и активизирует израильское участие в деятельности международных организаций.

20. Правительство выступит в качестве инициатора и активного участника международных усилий против террористических организаций и стран, предоставляющих убежище и помощь таким организациям.

21. Правительство будет решительно бороться с проявлениями антисемитизма в мире и окажет содействие укреплению связей и взаимной ответственности между Израилем и европейскими общинами диаспоры.

Иерусалим

1. Иерусалим, столица Израиля, единый и неделимый, навсегда останется под израильским суверенитетом.

2. Представителям всех религий будут обеспечены свобода вероисповедания и право свободного доступа к святым местам.

3. Правительство пресечет всякую попытку подрвать целостность Иерусалима и не допустит деятельности, противоречащей исключительному израильскому суверенитету над городом.

4. Правительство Израиля через свои министерства и муниципалитет Иерусалима выделит особые средства на ускорение строительства, улучшение муниципального обслуживания еврейских, арабских и иных жителей города, на улучшение экономического и социального положения в Большом Иерусалиме.

Поселенческая деятельность

1. Поселения в Негеве, Галилее, на Голанских высотах, в Иорданской долине, Иудее, Самарии и Газе обладают национальной важностью для израильской обороны. Правительство изменит поселенческую политику и предпримет меры для укрепления и развития поселений в этих районах, выделит для этого необходимые средства.

2. Правительство обеспечит сохранение жизненно важных водных источников на Голанах, в Иудее и Самарии.

3. Правительство Израиля изучит проблемы, с которыми сталкиваются частные фермерские хозяйства, мошавы и киббуцы и предложит планы оздоровления, которые позволят им существовать как экономическим хозяйствам в условиях свободного рынка.

ДЕКЛАРАЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОВЕТА ПО МИРНОМУ ПРОЦЕССУ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

(принята на заседании Европейского Совета во Флоренции
22 июня 1996 года)

1. Европейский Совет решительно подтверждает, что мир на Ближнем Востоке является фундаментальным интересом Европейского Союза. Мирный процесс является единственной дорогой к безопасности и миру для Израиля, палестинцев и соседних государств. Европейский союз остается приверженным его поддержке. Наряду с коспонсорами Европейский Союз преследует цель, чтобы Израиль и его соседи могли жить в безопасных, признанных и гарантированных границах при уважении законных прав палестинцев.

2. Европейский союз побуждает все стороны вновь включиться в мирный процесс, уважать и полностью выполнять все уже достигнутые соглашения и как можно скорее возобновить переговоры на основе принципов, уже принятых сторонами в рамках Мадрида и Осло. Данные принципы относятся ко всему, о чем стороны договорились вести переговоры, включая Иерусалим, с учетом важности этого вопроса для сторон и международного сообщества, особенно необходимости уважать установленные права религиозных институтов.

3. Европейский Союз подтверждает основополагающие принципы, на которых должно быть основано успешное завершение переговоров. Они были освящены в резолюциях СБ ООН 242, 338 и 425.

Ключевые принципы самоопределение для палестинцев и все, что оно предполагает, и земля в обмен на мир – являются основными для достижения справедливого, всеобъемлющего и прочного мира.

4. На этой основе Европейский Союз продолжит поддерживать скорейшее возобновление начавшихся 5-го мая переговоров об окончательном статусе и переговоров между Израилем и Сирией, а также начало переговоров между Израилем и Ливаном, при полном уважении территориальной целостности, независимости и суверенитета Ливана. Европейский союз остается приверженным поддержке прекращения огня между Израилем и Ливаном.

5. Европейский Союз считает важными обязательства сторон в отношении безопасности. Он приветствует сотрудничество Палестинской национальной администрации с Израилем в этой области. Европейский союз осуждает все акты терроризма и продолжит поддерживать стороны в их борьбе против террора и тех, кто его осуществляет, а также против политических, экономических и социальных причин, которые его порождают.

6. Европейский Союз признает серьезность последствий недавнего закрытия границ для палестинской экономики. Он отмечает недавнее частичное снятие ограничений. Признавая потребности Израиля в обеспечении своей безопасности. Европейский союз призывает его полностью снять остающиеся ограничения.

7. Европейский Союз призывает все стороны в регионе избегать и предотвращать действия, способные помешать успешному возобновлению переговоров и тем самым нарушить ход мирного процесса.

8. Европейский Союз отдает должное лидерам в регионе, которые встали на путь мира. Европейский Союз будет продолжать делать все возможное, чтобы продолжить и завершить начатую работу.

ИЗ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО КОММЮНИКЕ ОБЩЕАРАБСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В ВЕРХАХ В КАИРЕ (21–23 июня 1996 года)

* * *

В целях осуществления надежд и чаяний арабской нации, выражая веру в ее общую судьбу, исходя из арабского братства и ввиду ответственности этапа, в который вступил мирный процесс на Ближнем Востоке, руководители арабских стран собрались, чтобы рассмотреть новую ситуацию, сложившуюся в регионе, вдохнуть жизнь в общеарабские действия, интенсифицировать межарабские консультации, координацию и сотрудничество, повысив их эффективность, в целях возрождения арабской нации и укрепления общеарабской солидарности, рассматривания ее как средство осуществления принципов и целей совместных акций и задействования потенциала арабской нации для защиты ее интересов, восстановления погрязших прав и укрепления усилий, направленных на установление справедливого и всеобъемлющего мира на Ближнем Востоке.

Исходя из ответственности перед нацией, руководители арабских стран заявляют, что достижение справедливого и всеобъемлющего мира на Ближнем Востоке требует полного ухода Израиля со всех оккупированных палестинских территорий, включая арабский Иерусалим, предоставления палестинскому народу возможности реализовать право на самоопределение и создание собственного независимого государства с арабским Иерусалимом в качестве его столицы. Палестинская проблема является сердцевинной арабо–израильского конфликта. Руководители арабских стран требуют полного ухода Израиля с сирийских Голанских высот на линию 4 июня 1967 года, а также полного и безоговорочного ухода Израиля с юга Ливана и западной части Бекаа на международно–признанные границы во исполнение резолюций 242, 338 и 425 СБ ООН и принципа "территории в обмен на мир". На основе этого они призывают к возобновлению переговоров на всех направлениях.

Приверженность арабских государств продолжению мирного процесса свидетельствует о том, что их целью и стратегическим выбором является достижение справедливого и всеобъемлющего мира в соответствии с требованиями международной законности. Эта приверженность требует принятия Израилем встречного обя-

зательства, подтвержденного ответственно и недвусмысленно, и работы по успешному завершению мирного процесса, который восстановит поправленные права, вернет оккупированные территории и обеспечит сбалансированную и равную безопасность всем государствам региона в соответствии с принципами, согласованными на мадридской конференции, в частности формулой "территории в обмен на мир" и заверений, данных сторонам. Арабские лидеры заявляют, что нарушение со стороны Израиля базисных принципов, на основе которых был запущен мирный процесс, отход от обязательств и договоренностей, достигнутых в рамках этого процесса, или затягивание их выполнения, – все это отбросит мирный процесс назад со всеми вытекающими из этого последствиями, способными привести к возврату длительного периода напряженности в регионе, и заставит все арабские государства пересмотреть шаги, предпринятые ими в отношении Израиля в рамках мирного процесса. В этом случае полная ответственность за такую ситуацию ляжет на правительство Израиля.

Руководители арабских стран подтверждают также приверженность решениям международной законности, предусматривающим непризнание и неприятие любых реалий, созданных в результате проводимой Израилем поселенческой политики на оккупированных арабских территориях, которая расценивается как незаконная и не создающая никаких прав и обязательств. Они считают, что создание поселений является нарушением Женевской конвенции и принципов Мадрида и тормозит мирный процесс. Вся поселенческая деятельность Израиля на оккупированных сирийских Голанских высотах и оккупированных палестинских территориях, особенно в Иерусалиме, должна быть прекращена, а поселения ликвидированы. Они вновь подтвердили неприятие каких-либо изменений облика арабского Иерусалима и его законного статуса, подчеркнув, что справедливый и всеобъемлющий мир на Ближнем Востоке может быть достигнут только при решении проблемы Иерусалима и палестинских беженцев в соответствии с их правом на возвращение на основе международной законности и резолюций ООН.

В свете вышесказанного и с целью успешного завершения мирного процесса на сирийском, ливанском и палестинском треках, руководители арабских стран призывают коопонсоров мирного процесса. Европейский Союз, Японию, Движение неприсоединения, заинтересованные государства, ООН, международные организации и институты провести работу, которая бы гарантировала ненарушение Израилем основополагающих принципов мирного про-

цесса, его приверженность достигнутым обязательствам как по соглашениям о переходном периоде, так и по переговорам об окончательном статусе, принимая во внимание тот факт, что палестинская проблема составляет существо арабо–израильского конфликта, при одновременном продолжении оказания необходимого политического и экономического содействия палестинскому народу и его национальной администрации. В этой связи лидеры заявили о необходимости положить конец израильской блокаде, направленной против палестинского народа.

Руководители арабских стран подтверждают свою поддержку Ливану в противостоянии непрекращающимся нападениям со стороны Израиля, которые направлены против ливанской территории, его народа и суверенитета, и требуют от международного сообщества обеспечить незамедлительное и безусловное прекращение этих нападений, положить конец оккупации и заставить Израиль нести ответственность по выплате Ливану компенсации за весь нанесенный ему ущерб.

Руководители арабских стран заявляют о необходимости присоединения Израиля к Договору о нераспространении ядерного оружия, постановки всех его ядерных объектов под контроль МАГАТЭ. Они подтверждают свое предложение создать на Ближнем Востоке зону, свободную от оружия массового уничтожения, и прежде всего ядерного оружия, которая охватывала бы все государства региона, включая Израиль. Они заявляют о решимости предпринять необходимые шаги по защите региона от опасности, которую представляет наличие такого оружия, по предотвращению гонки вооружений, усиливающей напряженность и приводящей к истощению ресурсов региона.

Арабские лидеры подчеркивают, что достижение справедливого и всеобъемлющего мира на Ближнем Востоке является подлинной гарантией безопасности всех государств этого региона.

**ИЗ ЗАЯВЛЕНИЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВСТРЕЧИ
НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ В ЛИОНЕ
ГЛАВ ГОСУДАРСТВ И ПРАВИТЕЛЬСТВ
ИНДУСТРИАЛЬНО РАЗВИТЫХ СТРАН 29 ИЮНЯ 1996 ГОДА**

К большей безопасности и стабильности в более
открытом для сотрудничества в мире

* * *

Положение в регионах

* * *

3. Мы приветствуем огромные успехи, достигнутые за последние несколько лет в мирном процессе на Ближнем Востоке. Среди них можно отметить исторические соглашения между Израилем и палестинцами, мирный договор между Иорданией и Израилем, серьезные переговоры между Израилем и Сирией, а также расширение связей между Израилем и его арабскими соседями. Мы приветствуем также активизацию экономического сотрудничества в регионе и верим, что Лига арабских государств скоро прекратит бойкот Израиля. Мы глубоко привержены полному выполнению достигнутых договоренностей и будем и впредь оказывать полную поддержку тем, кто, не боясь опасности, стремится к миру.

Подписание 28 сентября 1995 года промежуточного израильско-палестинского соглашения о секторе Газа и Западном берегу, как это было предусмотрено в Декларации о принципах 1993 года, является основополагающим шагом вперед в ближневосточном мирном процессе. Мы с удовлетворением отмечаем, что 5 мая 1996 года начались переговоры о постоянном статусе. Мы с нетерпением ожидаем возобновления этих переговоров.

Мы приветствуем избрание членов Палестинского совета и его Исполнительного органа. Мы настоятельно призываем палестинское руководство и его главу Ясира Арафата – содействовать развитию демократических институтов, становлению правового государства, транспарентности государственного управления и соблюдению прав человека.

Мы приветствуем усилия всех доноров, включая проведение в Париже 9 января Конференции по экономической помощи, на которой было вновь заявлено о поддержке международным сообществом палестинской экономики, и настоятельно призываем доноров

сдержать данные обещания. Мы признаем важное значение экономической основы мира и отмечаем необходимость расширения регионального экономического сотрудничества и развития. Мы приветствуем шаги, направленные на поощрение экономической деятельности на Западном берегу и в секторе Газы. Мы приветствуем шаги Правительства Израиля с целью облегчения введенного им режима ограничений на Западном берегу и в секторе Газы. Признавая, что Израиль имеет законные потребности в сфере безопасности, мы с нетерпением ожидаем полного снятия режима ограничений. Мы признаем важный вклад многосторонних переговоров во всех их аспектах в мирный процесс. Мы также приветствуем создание экономических институтов и органов, родившихся в результате усилий многосторонних рабочих групп.

Мы отмечаем значительное углубление и расширение мира между народами Израиля и Иордании и важность содействия увеличению материальных выгод от мира.

На встрече на высшем уровне, состоявшейся 13 марта 1996 года в Шарм-аш-Шейхе, руководители ведущих стран мира получили возможность вновь заявить о своем осуждении терроризма и стремлении содействовать достижению всеобъемлющего мира, поддерживать региональную стабильность и бороться с терроризмом, каковы бы ни были его мотивы и кто бы ни совершал террористические акты. Мы настоятельно призываем международное сообщество продолжать поддерживать логику "миротворцев". Мы считаем, что ограничению угрозы терроризма будут также способствовать преодоление изоляции и нищеты, особенно на палестинских территориях, постепенное восстановление доверия и успешные итоги мирных переговоров.

Мы отмечаем то важное место, которое в недавней избирательной кампании в Израиле занимали вопросы безопасности. Мы убеждены, что безопасность всех народов региона может быть в конечном итоге обеспечена лишь в условиях глобального, справедливого и прочного мира.

Возобновление переговоров между Сирией и Израилем в конце декабря 1995 года стало частью мирного процесса, которую необходимо сохранить. Мы стремимся к созданию климата, благоприятствующего возобновлению переговоров. Мы настоятельно призываем все стороны в кратчайшие сроки возобновить двусторонние переговоры. Мы предлагаем также Сирии и Ливану присоединиться к идущим в настоящее время многосторонним переговорам.

Мы настоятельно призываем все стороны соблюдать Понимание от 26 апреля 1996 года, благодаря которому было восстановлено спокойствие на Ливано–израильской границе. Мы призываем ускорить работу Консультативной группы, которая будет содействовать Ливану в восстановлении.

В период, когда ближневосточному мирному процессу требуется новый импульс, мы настоятельно призываем все стороны выполнять свои обязательства, включая уже подписанные соглашения, усилия по достижению всеобъемлющего мира на основе мадридского процесса, принципа "земля за мир" и других принципов, заложенных в соответствующих резолюциях Совета Безопасности ООН.

Как и в прошлом году, мы призываем правительство Ирана сыграть конструктивную роль в региональных и международных делах и воздержаться от материальной и политической поддержки экстремистских групп, которые стремятся нарушить мирный процесс на Ближнем Востоке и дестабилизировать регион. Мы также призываем правительство Ирана отказаться от терроризма и, в частности, воздержаться от поддержки непрекращающихся угроз в адрес г–на Салмана Рушди и других лиц, имеющих отношение к его работе. Мы призываем все государства воздерживаться от любого сотрудничества с Ираном, которое могло бы способствовать появлению у него возможностей производства ядерного оружия.

Мы вновь заявляем о своей решимости обеспечить осуществление в полном объеме всех резолюций Совета Безопасности в отношении Ирака и Ливии, лишь полное соблюдение которых может стать условием отмены всех санкций. Мы приветствуем подписание Меморандума о понимании между правительством Ирака и Секретариатом Организации Объединенных Наций по вопросу осуществления резолюции 986 Совета Безопасности.

СОВМЕСТНОЕ РОССИЙСКО–ЕГИПЕТСКОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ ПО БЛИЖНЕМУ ВОСТОКУ

(принято по итогам визита Министра иностранных дел АРЕ А.Мусы
в Москву
15–16 июля 1996 года)

Россия как коспонсор ближневосточного мирного процесса и Египет как его инициатор, один из основных региональных участников и председатель арабского саммита в Каире обращаются ко всем сторонам в переговорах, и особенно к Израилю, с призывом активизировать усилия в целях преодоления препятствий, затрудняющих продвижение вперед арабо–израильского урегулирования.

Россия и Египет подтверждают свою приверженность достижению всеобъемлющего и справедливого мира на Ближнем Востоке на основе выполнения резолюций 242, 338 и 425 Совета Безопасности ООН, принципа "территории в обмен на мир". Они выражают уверенность в том, что Мадридская конференция и последовавшее за ней развитие мирного процесса создали для прогресса в ближневосточном урегулировании основополагающую и надежную базу, которая не должна подвергаться ревизии. В этой связи они с удовлетворением отмечают соответствующие позиции, зафиксированные на общеарабском совещании в верхах в Каире и саммите "восьмерки" в Лионе.

Россия и Египет призывают к тому, чтобы были выполнены полностью ранее достигнутые арабо–израильские договоренности и обеспечено продвижение к окончательному мирному урегулированию на палестинском, сирийском и ливанском направлениях. Все стороны должны проявить на основе указанных принципов конструктивный подход в интересах возобновления переговоров на всех направлениях и их результативного проведения.

Россия и Египет заявляют о своей полной поддержке продолжению ближневосточного мирного процесса с целью достижения всеобъемлющего и справедливого арабо–израильского урегулирования и мира.

СОВМЕСТНОЕ РОССИЙСКО–ПАЛЕСТИНСКОЕ КОММЮНИКЕ

(принято по итогам заседания двустороннего комитета по Ближнему Востоку 19 июля 1996 года)

"19 июля в Москве под сопредседательством заместителя Министра иностранных дел России В.В.Посувалюка и секретаря Исполкома ООП Махмуда Аббаса (Абу Мазена) состоялось очередное заседание российско–палестинского рабочего комитета по Ближнему Востоку. Представитель палестинского руководства был принят Министром иностранных дел России Е.М.Примаковым.

В ходе обстоятельного обмена мнениями по проблематике ближневосточного мирного процесса была подчеркнута важность активизации усилий в целях возобновления арабо–израильских переговоров на всех треках. В этом контексте важное значение имеет конструктивная общеарабская позиция, согласованная на саммите в Каире.

По убеждению обеих сторон, прогресс в деле всеобъемлющего и справедливого урегулирования на Ближнем Востоке может и должен быть достигнут на согласованной на Мадридской мирной конференции основе, в соответствии с резолюциями 242 и 338 СБ ООН, принципом "земля в обмен на мир". Залогом дальнейшего поступательного движения вперед является полноценная реализация уже подписанных палестинско–израильских соглашений. Было особо отмечено, что на нынешнем рубеже первостепенное значение приобрела задача налаживания в устойчивом и конструктивном ключе переговоров об окончательном статусе палестинских территорий.

С российской стороны была выражена полная поддержка линии руководства ООП и Палестинской национальной администрации на продолжение диалога и взаимодействия с правительством Израиля в сферах, представляющих взаимный интерес, в том числе в рамках полного выполнения Временного соглашения от 28 сентября 1995 г. В Москве рассматривают становление палестинского самоуправления как крупный исторический этап на пути реализации законного права палестинцев на самоопределение вплоть до создания своего государства.

С палестинской стороны была дана высокая оценка роли России как коспонсора ближневосточного мирного процесса, ее

позициям и практическому вкладу в ход арабо–израильского урегулирования, в дело обеспечения стабильности и безопасности на Ближнем Востоке. Была подтверждена заинтересованность руководства ООП в дальнейшем развитии политической координации и многогранного сотрудничества с Россией, ее весомом содействии становлению самоуправления палестинцев и решению палестинской проблемы в целом.

Были согласованы конкретные шаги в русле ближневосточного мирного процесса и в сфере развития российско–палестинских дружественных связей".

Коммюнике оглашено 19 июля на совместной пресс–конференции В.В.Посувалюка и Абу Мазена.

О ВСТРЕЧЕ Я.АРАФАТА И Д.ЛЕВИ

(из материалов брифинга в МИД России 25 июля 1996 года)

В Москве с удовлетворением восприняли сообщение о состоявшейся 23 июля встрече председателя Исполкома ООП, главы Палестинской национальной администрации Я.Арафата с министром иностранных дел Израиля Д.Леви. По поступающей информации, эта первая на таком уровне встреча после формирования в Израиле нового правительства носила конструктивный характер, что позволяет надеяться на дальнейшее продвижение процесса палестино–израильского примирения.

Российский координатор выступает за завершение выполнения уже подписанных палестино–израильских соглашений и скорейшее возобновление переговоров об окончательном статусе палестинских территорий, начавшихся 5 мая в египетском городе Таба. Рассматриваем израильско–палестинское урегулирование как важнейшее направление ближневосточного мирного процесса, готовы и впредь оказывать энергичное содействие его участникам в сближении позиций и нахождении взаимоприемлемых решений.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1.	В.А.Исаев ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АРАБСКИМИ СТРАНАМИ ДОХОДОВ ОТ НЕФТИ НА СОЦИАЛЬНО– ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НУЖДЫ	3
2.	В.А. Исаев ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО–ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ЛИВАНА	17
3.	В.Ю.Кукушкин СНГ, ОПЕК, АРАБСКИЕ СТРАНЫ В ЭНЕРГОСЫРЬЕВОМ ХОЗЯЙСТВЕ СОВРЕМЕННОГО МИРА	57
4.	В.Ю.Кукушкин ОСЕНЬ 1996 И ПЕРСПЕКТИВЫ НЕФТЯНОГО ЛЕВИАФАНА (Реальность и миражи по обе стороны кордона ООН вокруг Ирака)	69
5.	Н.М.Мамедова ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ И ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ИРАНА (ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ).	86
6.	В.И.Гусаров СОДРУЖЕСТВО НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ – АРАБСКИЙ МИР: НЕИЗВЕДАННЫЕ ПУТИ СОТРУДНИЧЕСТВА	98
7.	Н.Г.Киреев ТУРЦИЯ МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ	106
8.	Л.М.Кулагина ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИРИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	170

9.	А.И.Леонидов РЕПАТРИАНТЫ ИЗ СТРАН СНГ: НОВЫЙ ФАКТОР В ИЗРАИЛЬСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ	183
10.	В.А. Пашков КОНФЛИКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА	214
11.	А.Ю.Умнов РЕЛИГИЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ	232
12.	А.Ю.Умнов ИРАН: ВЗГЛЯД ИЗ МОСКВЫ (Тегеран в современном мире)	252
	ПРИЛОЖЕНИЯ	268

Лицензия ЛР № 030697 от 29 июля 1996 года
Формат 60x90/16. Печать офсетная.
Бумага офсетная №1 Усл. печ. л. 17,81
Тираж 1000 экз.

Отпечатано в Типографии КТ РФ